

С. Ю. Девятых

**ФЕНОМЕН
РОДИТЕЛЬСТВА:
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
АСПЕКТ**

Монография

Под общей редакцией
доктора психологических наук,
профессора *В.А. Сони́на*

УДК 316.356.2
ББК 88.56
Д 28

Автор: старший преподаватель кафедры философии УО «ВГУ им. П.М. Машерова»
С.Ю. Девярых

Под общей редакцией
доктора психологических наук, профессора **В.А. Сонина**

Рецензенты: доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Витебского филиала УО ФПБ «МИТСО», кандидат психологических наук **М.Е. Шмуракова**; доцент кафедры психологии, педагогики и частных методик УО «Витебский областной институт повышения квалификации и переподготовки руководящих работников и специалистов образования», кандидат философских наук, доцент **Н.Я. Мороз**

В монографии родительство рассматривается как часть личностной сферы человека – социально-психологическое образование в личности, представленное системой диспозиций, – имеющее фило- и онтогенетическую историю, ориентированное на задачи рождения и воспитания детей.

УДК 316.356.2
ББК 88.56

© Девярых С.Ю., 2005
© УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2005

ВВЕДЕНИЕ

Супружеская и семейная жизнь составляют основное содержание человеческого существования, а брак и семья относятся к числу таких явлений, интерес к которым в социальных и поведенческих науках остается достаточно устойчивым на протяжении вот уже многих десятилетий. Общепринятый взгляд на семью рассматривает ее не только как супружескую пару, но подразумевает в ней еще и ребенка, что позволяет выделить родительство – отцовство и материнство – в качестве относительно самостоятельного образования в рамках семейного союза.

Родительство и родительское поведение в психолого-педагогических науках изучается в различных аспектах, различными школами и направлениями. И это понятно. Важность его для развития ребенка, сложность его структуры, культурная и индивидуальная многовариантность позволяют говорить о нем, как о самостоятельной реальности, требующей целостного подхода в его описании и исследовании. Интерес к родительству определяется еще и тем, что в сознании широких слоев населения произошел переход от представлений о семье как ячейке общества к пониманию ее самостоятельности. Однако этот переход происходит на фоне кризисных явлений в функционировании семьи, причем изменения затронули и такую, казалось бы устойчивую социальную позицию, как «Родитель».

Монография представляет родительство как часть личностной сферы – социально-психологическое образование в личности, имеющее фило- и онтогенетическую историю и ориентированную на задачи рождения и воспитания детей.

В первой главе родительство рассматривается в контексте социального института семьи; показана его институциональная сущность и социальная природа, связанная не только с биологическим полом человека, но и с социокультурными предписаниями, в основе которых лежат надбиологические феномены. Во второй главе показаны механизмы регуляции родительского поведения на уровне личности, социальная обусловленность их функционирования. Третья глава посвящена рассмотрению родительства как историко-культурного феномена, формы и особенности проявлений которого зависят от конкретной исторической эпохи. Четвертая – последняя глава – посвящена рассмотрению становления родительства в процессе жизненного пути человека. Здесь особое внимание уделено такому этапу его бытования, когда оно представлено только на «теоретическом» уровне – уровне мнений, представлений, установок. И это связано с тем, что на этом уровне формирования родительства институты социализации, прежде всего школа, могут внести значительный вклад в его формирование в соответствии с потребностями общества.

1. РОДИТЕЛЬСТВО В СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА СЕМЬИ

Опыт изучения семьи в социальных и поведенческих науках позволяет говорить о ней как о необходимом компоненте социальной структуры любого цивилизованного общества [13, 91, 122, 148, 202, 233, 244]. Ее универсальность определяется тем, что в каждом обществе необходимо регулировать отношения между людьми так, чтобы они отвечали его потребностям. Это касается, прежде всего, регулирования сексуальных отношений между мужчиной и женщиной, деторождения и воспитания детей, производства и распределения экономических ресурсов и социализации людей, особенно детей [219, с. 165].

Вместе с тем, считаем ли мы семью универсальным социальным феноменом, или нет, зависит от того, как мы трактуем термин «семья». Однако ее понимание осложняется тем, что, во-первых, существует множество семейных укладов, которые не отвечают привычной европейской модели семьи [181], а, во-вторых, появляются альтернативные ее формы: групповые браки с детьми, однополые брачные союзы с детьми, семьи с одним из родителей [54, 117, 120, 148, 175, 219, 260, 263, 271]. Определение семьи как раз-то и призвано выявить ее специфические особенности, позволяющие отграничить ее от других феноменов человеческой коллективности.

И отечественные, и зарубежные исследователи, в качестве таких специфических черт выделяют участие семьи в воспроизводстве, как физического существования индивидов, так и определенного образа их жизни. Так, согласно Дж. Масионису, семья – «социальный институт, представленный во всех обществах, объединяющий людей в группы, чтобы те смогли сообща растить и воспитывать детей» [148, с. 580]. А.И. Антонов и В.М. Медков определяют семью как «основанную на единой общесемейной деятельности общность людей, связанных узами супружества – родительства – родства, и тем самым осуществляющих воспроизводство населения и преемственность семейных поколений, а также социализацию детей и поддержание существования членов семьи» [13, с. 66]. А.Г. Харчев, понимает семью как исторически-конкретную систему взаимоотношений между супругами, между родителями и детьми, как малую социальную группу, члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью, как социальную необходимость, которая обусловлена потребностью в физическом и духовном воспроизводстве населения [233, с. 75].

Не трудно заметить, что приведенные дефиниции позволяют не только отграничить семью от других объединений людей, хотя и обладающих некоторыми ее признаками (общность проживания, родство, совместное ведение хозяйства и общность быта), однако созданных не с целью воспроизводства общества через порождение (усвоение) и воспитание детей

(сексуальное партнерство, сожительство, домохозяйства), но и идентифицировать в качестве таковой, всю совокупность сложившихся исторически объединений людей, хотя и не обладающих признаками ее «европейской модели» (гетеросексуальная моногамия), но основной специфической социальной функцией, которых является воспроизводство населения.

Специфичность семьи четко прослеживается в рассмотрении ее, и как малой социальной группы, и как исторически сложившегося социального установления – социального института, в анализе ее функций и структуры, а также тех общественных и индивидуальных потребностей, которые она удовлетворяет.

В качестве непосредственного семьеобразующего фактора выступает социальная норма, за которой стоит определенная совокупность объективных общественных и индивидуальных потребностей [234, с. 26]. Эта социальная норма выступает по отношению к семье в качестве как внешних, так и внутренних факторов. В первом случае семья рассматривается как объективированная норма, т.е. как социальный институт, во втором – как психологическая группа [там же, с. 72–73].

Понимание семьи как малой социальной группы находит множество своих сторонников среди исследователей, и тем более среди психологов-практиков, поскольку открывает возможности для оказания психологической помощи семье [167, с. 26].

Несмотря на все многообразие определений понятия «малая социальная группа», можно выделить основное его содержание. Итак, малая группа – это малочисленная по своему составу социальная группа, члены которой объединены общими целями и задачами и находятся в непосредственном устойчивом личном контакте друг с другом, что является основой для возникновения, как эмоциональных отношений, так и особых групповых ценностей и норм поведения [8, 28, 138, 139].

Согласно Р.Л. Кричевскому и Е.М. Дубовской, любые социально-психологические характеристики группы должны преимущественно отражать именно признаки группы как целостной микросистемы социальных и психологических отношений [138, с. 67]. Первым среди таких параметров, по мнению М.Р. Битяновой, следует назвать психологическое содержание совместной деятельности [28, с. 247].

Заметим, что в отношении семьи выделить общую для всех ее членов социально значимую деятельность значительно труднее, чем для производственных, учебных и других подобных им человеческих коллективов. Вместе с тем, семья выполняет очень важную задачу, – «задачу воспитания молодого поколения и обеспечения личного счастья каждого ее члена, что требует взаимной моральной ответственности и действенной взаимопомощи». Именно это, согласно А.В. Петровскому и В.А. Петровскому, характеризует общую для всех членов семьи деятельность, причем цели ее вы-

ходят далеко за рамки внутрисемейных отношений и являются социально заданными и социально ценными [172, с. 155].

Институциональный характер семьи определяется уже тем обстоятельством, что своим возникновением, существованием и развитием она обязана общественному установлению, предписывающему супругам заботиться о своих детях, причем санкционирование этой заботы может осуществляться, как в моральной (через общественное мнение), так и в юридической (через правовую санкцию) формах [234, с. 29].

А.Г. Эфендиев определяет социальный институт как исторически сложившиеся, устойчивые, самовозобновляющиеся системы социальных взаимодействий, призванные удовлетворить те или иные потребности людей. Иначе говоря, социальный институт – это «процедура социальных действий, которая надежно обеспечивает регулярное и самовозобновляющееся удовлетворение жизненно важных потребностей». Регулярность и самовозобновляемость социальных институтов обеспечивается за счет обезличенности требований к тому, кто включается в деятельность института. Поэтому, для того, чтобы занять место в институциональных социальных связях, надо взять на себя деперсонифицированные обязанности и права, т. е. соответствовать определенным социальным эталонам поведения, которые «представляют собой исторически отобранный наиболее эффективный вариант поведения участника институционализированных социальных связей [165, с. 215–216].

Таким образом, социальная норма понуждает мужчину и женщину содержать и воспитывать рожденных ими детей. Ради этого общество создает и поддерживает социальный институт семьи, и, как социальный институт, семья обладает всем комплексом социальных функций и ролей.

Проблема функций* семьи достаточно глубоко и всесторонне изучена как в отечественной, так и в зарубежной науке [13, 44, 62, 93, 101, 151, 233, 238]. Вместе с тем, следует отметить, что единого перечня основных функций семьи не существует: разные авторы предлагают тот или иной набор функций и терминов, при этом исходя из своей концептуальной модели. Однако, при всем разнообразии трактовок и используемых терминов, выделенные ими совокупности функций достаточно схожи.

Так, О.М. Здравомыслова, акцентируя внимание на том, что семья – малая социальная группа, – подчеркивает ее психологические функции. При этом она указывает на то, что в основе их лежат только такие индивидуальные потребности, удовлетворение которых невозможно или чрезвычайно затруднительно вне семьи. Кроме того, как социальный институт, осуществляющий воспроизводство поколений, семья исполняет социокультурные функции, основное содержание которых – социализация детей

* Под функциями мы понимаем способ проявления активности, жизнедеятельности семьи и ее членов [сравни: 20, с. 131].

и родителей, а также разнообразная деятельность по формированию личности [101, с. 83–86].

Ряд авторов (А.И. Антонов и В.М. Медков, Э.К. Васильева, А.Г. Харчев), из всей совокупности функций семьи, выделяют специфические, вытекающие из самой ее сущности. Именно они отражают ее особенности как социального явления. И неспецифические, – те из них, к выполнению которых семья оказалась призванной или приспособилась для их выполнения в определенных исторических обстоятельствах. При этом предполагается, что их набор и объем может изменяться и варьироваться в зависимости от социокультурной ситуации [13, 44, 233].

К неспецифическим функциям семьи относят накопление и передачу собственности, статуса, организацию производства и потребления, домохозяйство, отдых и досуг, заботу о здоровье и благополучии семьи, создание микроклимата, способствующего снятию напряжения, самосохранению «Я» каждого из ее членов и некоторые другие. Специфические функции семьи, к которым относят рождение (репродуктивная функция), содержание (экзистенциальная функция) и воспитание детей (функция социализации), сохраняются при всех изменениях общества [13, 233].

По мнению Г. Навайтиса, одной из особенностей семьи является ее полифункциональность. Это находит свое выражение в том, что, каждая потребность, удовлетворяемая семьей, может быть удовлетворена и без нее, но только семья позволяет удовлетворить их в комплексе, который в случае сохранения семьи не может быть раздроблен или распределен между другими людьми. Такое понимание функций семьи, по мнению Г. Навайтиса, позволяет обоснованно отделить семью от других, похожих на нее по некоторым признакам малых групп (например, пар, поддерживающих постоянные сексуальные отношения) [160, с. 6–7].

На полифункциональность семьи уже при ее возникновении указывает и А.Г. Вишневский. Вместе с тем, «очевидна конструирующая роль в ее происхождении функций, связанных с продолжением рода» [47, с. 57]. В силу своей полифункциональности семья объединяет индивидуальные, групповые и общественные интересы [167, с. 35].

А.Н. Елизаров, анализируя функции семьи, приходит к выводу, что здоровые отношения в семье существуют только тогда, когда группа людей, называющих себя «семьей», порождает и воспитывает детей [93, с. 48].

И действительно, хотя «ядром» семьи, по мнению А.Г. Харчева [233], и является супружеский союз мужчины и женщины, но создает ее не столько отношение «мужчина – женщина» само по себе, а отношения «мать – ребенок» и «отец – ребенок», что, с необходимостью предполагает и отношения «мать – отец». Причем сходной точки зрения придерживается целый ряд исследователей [27, 40, 53, 91, 122, 234].

Вместе с тем следует учитывать, что само по себе рождение ребенка (в браке или вне его) не ведет к возникновению семьи. Ребенок может быть

и неродным, но если он воспитывается в семье, он член семьи. Таким образом, мужчина и женщина только тогда становятся отцом и матерью, когда они воспитывают детей [91, с. 11]. Иначе говоря, семья – это «реализация родительской ответственности за воспитание детей» [234, с. 25].

Подведем некоторые итоги.

Итак, «семья является социальным институтом, а конкретная семья институализированной социальной группой, функция которой заключается в первичной социализации детей» [91, с. 33]. Именно в воспитании детей видит С.В. Ковалев непреходящее общественное значение функций семьи [122, с. 5], ведь семья для ребенка – «главный и основной компонент среды, в которой он живет первую четверть жизни и которую он пытается построить всю оставшуюся жизнь» [91, с. 3].

В отечественной науке понятие функций семьи соотносится с понятием семейной роли и структуры семьи.

В самом простом своем определении структура семьи – это ее состав, число ее членов, а также совокупность их взаимоотношений [249, с. 21]. Анализ структуры семьи дает возможность ответить на вопрос, каким образом реализуются функции семьи: кто в семье осуществляет руководство, кто является исполнителем, как распределены между членами права и обязанности. Именно это и характеризует характер отношений членов семьи.

В.Н. Дружинин полагает, что каждая культура порождает определенную нормативную модель семьи (или группу моделей), которая включает в себя: «элементы, т.е. нормативных членов семьи, отношения власти – подчинения и эмоциональной привязанности – отталкивания, а также их динамику. Структура отношений определяет особенности позиций и ролей членов семьи. Нормативная модель определяет структуру реальной семьи в данном обществе» [91, с. 5].

В научной литературе представлены различные типологии семьи. В своем основании почти все из них, тем или иным образом, учитывают характер распределения властных полномочий и связанного с ним распределения труда в семье.

Так, Н.Г. Юркевич [253] выделяет два типа распределения семейной власти: авторитарно-иерархический и демократический (эгалитарный), при этом, видимым индикатором распределения властных полномочий в семье является распределение ролей в ней.

Для семьи авторитарно-иерархического типа характерно то, что мужчине принадлежит право не только распоряжаться общим имуществом, но и монопольное право родительской власти: он может принимать решения относительно судьбы детей. Распределение ролей в семье традиционное: жена выполняет все обязанности по дому, а муж – обеспечивает семью материально.

При демократическом (эгалитарном) типе распределения власти супруги в равной степени участвуют в принятии и осуществлении наиболее важных для жизнедеятельности семьи решений. Муж помогает жене в выпол-

нении домашней работы или, как вариант, домашняя нагрузка делится поровну. Мнения и желания детей учитываются, в зависимости от их возраста.

А.Г. Харчев, как подтип эгалитарной семьи, вводит в свою типологию тип семьи с «персональной властью» мужа. Власть в такой семье основывается не на принуждении, а «на моральном авторитете и его необходимости для сплочения и функционирования семейной группы». И это, по мнению А.Г. Харчева, приводит к тому, что такая власть «уже не может перейти в произвол или деспотизм, не имеет традиционно-обязательного характера и предоставляет если не выбор, то согласие на нее остальных членов семьи» [233, с. 258]. Нередко в таких семьях за формальным главенством мужа (здесь отметим, что это «дань» традиции) может скрываться фактическое равенство супругов или даже преобладание воли жены в решении основных внутрисемейных проблем. Как вариант демократической семьи, А.Г. Харчев указывает на семьи, в которых властные полномочия, при принципиальном равенстве прав и обязанностей, распределены между супругами между собой по сферам семейной жизни. Такое распределение «сфер влияния», как правило, учитывает возможности и желания «договаривающихся сторон». Вместе с тем, их распределение – постоянная почва для конфликта. В связи с чем, И.В. Гребенников такой тип распределение власти (и ролей) в семье определяет как «автономный» [60].

А.И. Антонов и В.М. Медков выделяют «патриархальные семьи, где отец является главой семейного «государства» и матриархальные семьи, где наивысшим авторитетом и влиянием пользуется мать. Там, где нет четко выраженных семейных глав, и где преобладает ситуативное распределение власти между отцом и матерью, имеет смысл говорить об эгалитарных семьях» [13, с. 71].

С.И. Голод [57] выделяет три типа семьи: патриархальный (традиционный), детоцентрический (современный) и супружеский (постсовременный).

Патриархальный тип распределения власти опирается на экономическую зависимость членов семьи от ее главы (мужа и отца). Для такой семьи характерно жесткое внутреннее распределение ролей. Доминирование мужа и всеобщая обязательность решений, принимаемых им. Отношения родители – дети в такой семье покоятся на абсолютной родительской власти и авторитарной системе воспитания.

Здесь следует помнить, что современная традиционная семья, по замечанию М.Ю. Арутюнян, «существенно отличается от модели прошлого. Она утратила свою объективную основу, которая заключалась во взаимодополнительности ролей супругов и является «скорее следствием особых взаимоотношений супругов, характеризующихся относительно низким уровнем психологической солидарности, в особенности такого ее компонента, как кооперация» [16, с. 70].

Для детоцентрического типа семьи характерно возвышение частной жизни, чувственной стороны брака и интимности. Отношения между

мужем и женой более или менее равноправные. Ребенок, а его рождение, как правило, планируется, превращается в объект родительской любви, стойкой привязанности и потакания: свои интересы родители подчиняют интересам детей.

Семья супружеского типа отходит от господства зависимых отношений. Так, что в границах одного семейного типа возникают разнообразные отношения между полами и поколениями. Такая семья предоставляет возможности индивидуальной самореализации для всех [57, с. 70].

Оставаясь в рамках концепции С.И. Голода, М.Ю. Арутюнян предположила, что каждый тип семейной организации имеет свою собственную «социализирующую специфику». Так, традиционная семья воспитывает у детей уважение к авторитету и установленному порядку, требует от детей неукоснительного соблюдения требований старших. В ней основное педагогическое воздействие осуществляется «сверху – вниз» и предполагает схему отношений «требование – подчинение». В детоцентрической семье основные педагогические парадигмы – «счастье ребенка», «семья для ребенка». Основные воздействия снизу – вверх и сверху – вниз. В такой семье сложная система требований и просьб, формирующих симбиотическую зависимость ребенка от родителей. В супружеской семье отношения детей и родителей строятся на доверии, определенной степени автономности. Взаимодействия в ней горизонтальные, с учетом интересов ребенка [15, с. 28–29].

В семье обычно доминирует тот ее член, который обладает наибольшим объемом властных полномочий. Задача доминирующей личности состоит в обеспечении безопасности группы, координации действий ее членов для достижения групповых целей, в определении перспектив жизни и развития группы. [91, с. 35]. Данные эмпирических исследований позволяют утверждать, что доминирование одного из супругов является одним из необходимых условий устойчивости семьи [238, с. 22–24].

В самом элементарном своем виде иерархия доминирования включает трех членов семьи (отец, мать, ребенок), поэтому важно не только то, кто доминирует над всеми, но и саму иерархию власти – подчинения. Роль главы семьи предполагает ответственность за семью в целом: «за ее настоящее, прошлое, будущее, деятельность и поведение членов семьи, перед собой и семьей, перед общиной (ближайшим социальным окружением) и той частью мира людей (общество), к которой принадлежит семья». При этом В.Н. Дружинин особым образом подчеркивает, что «если ответственности не несет никто – это “псевдосемья”»* [91, с. 39].

Не следует забывать, что семейная жизнь, как никакая другая сфера человеческого общения, основана на комплексе альтруистических чувств: сопереживания, бескорыстия, самоотверженности [215, с. 39].

* Выделено В.Н. Дружининым.

И действительно, хотя отношения эмоциональной близости не являются необходимыми для семьи как социального института, однако, «аффилиация не считаясь с нормой, либо лежит в основе семьи, либо возникает в процессе ее существования». При этом знак психической эмоциональной близости не обязательно положительный: «равнодушие, отчуждение, ненависть окрашивают существование семьи в свои цвета не в меньшей мере, чем любовь, понимание и сочувствие» [91, с. 4]. По мнению А.В. Петровского, степень эмоциональной близости – это особое качество настоящей семьи, и трудно представить себе другую группу, где подобное качество было бы развито в такой степени [171, с. 19].

Э.Г. Эйдемиллер и В. Юстицкис рассматривают эмоциональные отношения симпатии как цементирующую силу семейных отношений: отношения симпатии вызывают нарастание интереса к объекту симпатии. Интерес этот связан со стремлением помочь, совместно радоваться или огорчаться, что, в свою очередь, обуславливает еще большую взаимную открытость и, соответственно, нарастание эмпатии [249, с. 30–31]. Отсюда и то значение отношений симпатии в профилактике и смягчении межличностных конфликтов в семье [8, 207, 216, 249].

Степень эмоциональной полноты и выразительности по-разному представлена в таких (с точки зрения ее структуры) типах семьи, как эгалитарная, авторитарная и переходного типа. Установлено, что из всех типов семьи, наиболее эмоционально неустойчивой является семья переходного типа [43, с. 42]. В.Н. Дружинин определяет ее как «потенциально конфликтную» [91, с. 39]. Семьи эгалитарного типа эмоционально более стабильные, что связано с высоким уровнем развития в них всех компонентов психологической солидарности [16, с. 70].

В системе внутрисемейных отношений главенствующими выступают отношения между супругами, состояние и характер которых выступает в качестве главной детерминанты, от которой зависит успех или неуспех семейного воспитания. Так, в семьях с согласованными и гармоничными супружескими отношениями ребенку наглядно преподается пример человеческой солидарности, заботы друг о друге и, напротив, в дезорганизованных семьях ребенку преподается отрицательный пример человеческих отношений, который может закрепиться в его собственном опыте и выступать как стандарт во взаимоотношениях с другими людьми. [218, с. 50–51].

Традиционно семья повсеместно ассоциируется с надежной гаванью, приютом: именно семья может противостоять нестабильному социальному окружению. Однако это возможно только тогда, когда семейные отношения устойчивы; только при этом условии поведение членов семьи по отношению друг к другу становятся предсказуемыми, ожидаемыми [249, с. 187–188]. В связи с этим, вся многообразная деятельность супругов требует от них высокого уровня взаимопонимания между ними, примерно одинаковой оценки ситуаций семейного взаимодействия, понимания и вза-

имного принятия целей и задач семейного союза. Несмотря на то, что такая общность представлений и оценок складывается из индивидуальных представлений и ожиданий супругов, они (оценки и представления), в свое время, формируются, под влиянием брачно-семейных традиций общества, усвоенных будущими супругами и родителями в процессе социализации, и, прежде всего, в прародительской семье. Это, по мнению В.А. Сысенко, определяется тем, что «многие брачно-семейные нормы настолько вошли в жизнь и поведение миллионов людей, что они считаются само собой разумеющимися» [215, с. 39]. Именно нормы задают индивиду обязательное, должное поведение.

Нормы, правила и требования связаны с понятиями «должен» и «не должен». По образному выражению В. Сатир, они «образуют готовый конспект, который приобретает особый смысл, как только двое или более людей начинают жить по нему вместе» [199, с. 60]. Следовательно, нормы семейной жизни существуют для того, чтобы запустить в действие все механизмы, позволяющие людям жить вместе и прогрессировать или регрессировать в своем развитии.

Социальные нормы дополняются другими важными понятиями, вытекающими из разделения всего многообразия взаимных прав и обязанностей в брачной и семейной жизни – понятиями семейной роли.

В отечественной науке понятие «семейная роль» опирается на социологическое по своей сути понятие «социальной роли», и выступает как конкретизация социальных ролей мужчины и женщины, мужа и жены, сына и дочери [244, с. 137].

Социальная роль – это деиндивидуализированный образец поведения человека, занимающего определенную позицию в системе социальных связей. Претендуя на данную позицию, человек должен выполнять все ролевые предписания, которые за ней закреплены. При этом, как указывает А.Г. Эфендиев, «исполнитель должен выполнять расписанную для него обществом, культурой, традициями роль» [165, с. 471]. Именно посредством системы ролевых предписаний люди включаются в институциональные взаимодействия.

Роль – весьма сложное образование. Кроме норм-предустановлений в нее входит и комплекс чувств, важнейшее из которых для носителя родительской роли, – любить своего ребенка. Помимо этого, роль включает в себя так же и цели, к достижению которых должен стремиться ее носитель. Для родительских ролей это – воспитать своих детей, вырастить из них достойных людей [249, с. 238].

Все это позволяет говорить о социальной роли как об особом типе регуляции, – функциональной регуляции, призванной гарантированно и надежно обеспечить выполнение определенных функций в рамках конкретного социального института [165, с. 472].

Социальная роль представляет собой нормативно одобряемый образец поведения, ожидаемого от каждого человека, занимающего конкретную позицию в обществе. Эти ожидания, определяющие общие контуры социальной роли, не зависят от сознания и поведения конкретного человека и придаются ему как нечто внешнее, более или менее обязательное. Их субъектом является не индивид, а общество или какая-то конкретная социальная группа. Именно то, насколько поведение индивида соответствует ролевым ожиданиям, служит критерием оценки выполнения им данной социальной роли [139, с. 490].

В связи с этим, в понятие «социальная роль» с необходимостью входят так же и санкции, которые представляют собой реакции группы или даже всего общества на выполнение или невыполнение индивидом предписаний роли. Санкции – это своеобразные «рычаги», при помощи которого от носителя социальной роли добиваются ожидаемого поведения. Их наличие как раз-то и свидетельствует, что жизнедеятельность семьи регламентирована явлениями социального порядка, а не действиями отдельно взятой личности [31, с. 22].

Роли в семье разделяются на супружеские, где участники – муж и жена; родительско-детские – отец – сын (дочь), мать – сын (дочь) и детские, – брат – сестра. Они всегда бывают парными: нельзя исполнять роль жены при отсутствии мужа, так же роль отца или матери, при отсутствии сына или дочери [198, с. 98]. Роль может существовать во взаимодействии с другими ролями, образуя систему, которая приближалась бы к непротиворечивой, может удовлетворить многие психологические потребности включенных в нее индивидов [244, с. 140].

Семейные роли мужчин и женщин включают в себя роли организатора семейной жизни (т.е. того, кто принимает решения по основным вопросам жизнедеятельности семьи), исполнителя основных видов домашних работ и роль воспитателя детей [258, с. 128].

В отечественной психологической литературе используется и более пространный перечень семейных ролей. Они следующие: 1) роль ответственного за материальное обеспечение семьи; 2) роль хозяина – хозяйки; 3) роль ответственного за поддержание родственных связей; 4) роль организатора семейной субкультуры; 5) роль организатора семейных развлечений; 6) роль семейного психотерапевта; 7) роль любовного партнера; 8) роль ответственного за уход за младенцем 9) роль воспитателя [122, 244].

Думается, следует дополнить этот перечень еще, по меньшей мере, тремя ролями. Они следующие: во-первых, роль, которую члены семьи исполняют, представляя семью как единый субъект социальных отношений, перед другими субъектами этих отношений, отстаивая при этом различные общесемейные интересы и потребности (хозяйственные, правовые и другие); во-вторых, роль, которую родители исполняют, как проводники ребенка в мир социальных статусов, обеспечивая его социальную карьеру,

представляя его интересы перед другими субъектами социального взаимодействия (причем это последнее может быть приложено не только ко времени «ученичества» ребенка); в третьих, роль, которую исполняют родители, являясь для ребенка агентами первичного социального контроля.

При помощи вышеприведенного набора семейных ролей можно достаточно полно описать ролевые наборы мужчины и женщины в семье как супругов и родителей. Однако, для описания ролевого набора ребенка их явно не достаточно, хотя ребенок (исключая, конечно, роль сексуального партнера) и с учетом возраста, может выполнять отдельные их элементы.

Думается, что по отношению к ребенку, можно выделить четыре основные его роли в семье. Прежде всего, это роль ребенка, как объекта родительской заботы и воспитания, – это его базовая роль в рамках системы семейных связей. Так же роль ребенка как объекта родительских социальных притязаний (в данном случае он выступает как выразитель «надежд» семьи на продолжение / закрепление в нем социальных достижений семьи, или же «исполнителя» претензий семьи на достижение семьей более высокого социального статуса). Следует упомянуть и роль ребенка как интегрального выразителя *личностного смысла*^{*} родительства каждого конкретного отца или матери. Думается, вполне уместно упомянуть и роль ребенка, как «подмастерья» родителей в некоторых сферах семейной жизни.

По мнению Н.Н. Посысоева, содержание роли ребенка в семье определяется, главным образом, той потребностью родителей, которую ребенок удовлетворяет, а именно:

– ребенок может быть компенсацией неудовлетворительных семейных отношений. При этом ребенок выступает в роли средства, с помощью которого один из родителей может усиливать свою позицию в семье. Если данная потребность компенсации и усиления позиции удовлетворяется, то ребенок занимает место кумира;

– ребенок может быть знаком социального статуса семьи, символизируя ее социальное благополучие. При этом ребенок выполняет роль объекта социальной презентации;

– ребенок может быть элементом, который связывает семью, не давая ей разрушиться [167, с. 242–243].

Роль, которую родители «предписывают играть» ребенку во внутрисемейных отношениях, может характеризовать его положение в семейной системе, причем от характера, места и функционального ее наполнения во многом зависит формирование характера ребенка [210].

Семейные роли могут быть сегрегированными и совместными [219, с. 185]. Сегрегированные роли предполагают, что каждый член семьи обладает строго определенным объемом прав и жестко очерченным кругом обязанностей и, при этом, не выполняет обязанностей другого. Такие роли

* А.Н. Леонтьев.

существуют в семьях, где супруги не равны между собой, а дети – не равны родителям. Содержание такой роли определяется позицией, занимаемой членом семьи в семейной системе. Заметим, что совместные роли возможны там, где супруги равны между собой. В таких семьях (напомним, что это касается, прежде всего, семьи эгалитарной) каждый член семьи одновременно может выполнять целый набор семейных ролей. Вместе с тем, при их исполнении может встать вопрос о «личной приоритетности или предрасположенности» к той или иной роли. В эгалитарной семье эта «приоритетность», по большей части, определяется как личными склонностями, способностями, возможностями носителя роли, так и внутрисемейными договоренностями.

Важным показателем социальной роли может явиться ее специфический или диффузный характер. В ролях специфических взаимоотношения строятся на основе особых четко оговоренных целей. Активность лиц, выполняющих диффузные роли, наоборот, не имеет такой специальной направленности. Таковы родительские роли. Родителей интересует все, что касается ребенка: его здоровье, успехи, стремления, желания. Этот «интерес очевидным образом проявляется в отношении родителей к ребенку. Все семейные взаимоотношения строятся на основе диффузных ролей (если, конечно, говорить о норме)» [179, с. 304].

Рассматривая семью, как малую группу, В.Н. Архангельский, О.Н. Дудченко и др. отмечают, что ее функционирование определяется тремя основными типами взаимодействий: а) детско-родительскими; б) супружескими; в) родственными*. В этих взаимодействиях реализуются две группы ролей – роль Ребенка и роль Взрослого. Родовое различие между ними лежит в вопросах ответственности за необходимость принятия решения и за последствия принятого решения и власти, как возможности принимать решения. Супружеские взаимоотношения осуществляются на уровне «Взрослый – Взрослый», а это предполагает взаимную ответственность, распределение сфер влияния и власти. Детско-родительские отношения осуществляются по схеме «Взрослый – Ребенок», при этом происходит стыковка уровней ответственности и власти, адекватное обоим ролям: со стороны родителя – за отданное указание, со стороны ребенка – за его выполнение [17, с. 39–40].

Весьма важное значение для изучения семейных ролей имеет их дифференциация на конвенциональные и межличностные. Конвенциональные роли – это роли, определенные правом, моралью, традициями для любого человека, независимо от его личностных особенностей [242, с. 275]. При всей их деиндивидуализированности (т.е. стандартизованности и обезличенности), их распределение устанавливается в процессе жизнедеятель-

* Под ними понимаются как вертикальные связи – межпоколенные отношения, так и горизонтальные связи – внутрисемейные отношения.

ности семьи, в тесной взаимосвязи с межличностными отношениями и общением членов семьи [244, с. 140]. Межличностные предпочтения и связанные с ними чувства, индивидуальные особенности членов семьи приводят к возникновению межличностных ролей. И они, в отличие от ролей конвенциональных, отражают сложившиеся предпочтения межличностного общения и более полно учитывают индивидуально-личностные особенности их носителя [242, с. 276]. Какими бы ни были эти межличностные отношения или личные пожелания носителей семейных ролей, семья, как общность, выполняющая социально значимые функции, должна придерживаться социально приемлемых и одобряемых приемов их исполнения. Это, вместе с тем, не стесняет личной свободы личности: каждый может внести в исполнение семейной роли свой собственный стиль, воплотить в ней неповторимые особенности своей личности. Таким образом, границы ролевого поведения не столь жесткие, как кажется на первый взгляд [122, с. 7].

При этом не следует забывать, что эффективность супружеского сотрудничества зависит от того, в какой мере между супругами существует согласие в оценке тех или иных ролевых ожиданий [43, 199, 207, 217, 244, 249].

Вместе с тем, ролевое поведение личности следует рассматривать как функционирование двух переменных – социальной роли и «Я». Поэтому, чем сильнее идентификация индивида с ролью, тем в большей степени совпадает его реальное поведение с социально предписываемым. Идентификация с ролью осуществляется в процессе ее интернализации, т.е. внутреннего принятия и усвоения. Таким образом, интернализированная роль – это внутреннее определение индивидом своего положения и отношение к этому положению и вытекающим из него обязанностям [134, с. 25]. Высокую степень усвоения индивидом социальной роли А.И. Антонов определяет как «сцепленность с ролью». Это делает невозможным для отдельного индивида представить свое «Я» вне этой роли и побуждает оценивать различные семейные ситуации с позиции именно этой роли [12, с. 406].

Следует отметить, что процесс возникновения ролевой структуры семьи является одной из главных сторон ее становления как социальной и психологической общности, адаптации супругов друг к другу и выработки стиля семейной жизни [244, с. 137].

Рассматривая семью в части ее нормативных членов, нельзя не заметить, что они, как правило, представлены мужчинами и женщинами, мальчиками и девочками. Члены семьи выступают как два противоположных пола, каждый из которых имеет свою поведенческую специфику, свои отличительные черты. В связи с этим, рассмотрение семейных ролей, с неизбежностью приводит нас к рассмотрению половых ролей и половой дифференциации, которая и лежит в их основании [9, 107, 112, 229, 244].

В строгом смысле пол – это совокупность «морфологических и физиологических особенностей организма, обеспечивающих половое размножение, сущность которого сводится, в конечном счете, к

оплодотворению» [214, с. 171]. Таким образом, категория «пол» описывает биологические различия, определяемые генетическими особенностями строения клеток, анатомо-физиологическими характеристиками и функциями в деторождении.

Половая принадлежность проявляется в поведении двояко: в плане различий в «общем» поведении и в плане различий в той части поведения, которую называют «половым» и которая самым непосредственным образом соотносится с удовлетворением потребности в продолжении рода [126, с. 219].

Что касается половых различий в «общем» поведении, то они достаточно полно описаны, хотя данные, полученные учеными, все же продолжают оставаться достаточно противоречивыми [112, 117, 229, 263]. Оценивая различия в плане репродуктивного поведения Д.В. Колесов заключает: «жизненные потребности мужского и женского пола одинаковы, и поэтому принципиальных различий в их поведении быть не может. Имеющиеся же различия позволяют хорошо и полно использовать специфические их особенности в плане взаимного дополнения, которое может иметь различные уровни, достигая наиболее высокой биологической, психологической, социальной значимости при удовлетворении потребности у продолжении рода» [125, с. 233–234].

Не следует забывать, что активность человека осуществляется в социокультурной среде. Следовательно, человеческое поведение включает в себя не только базовую активность, но, прежде всего то, на что направлена эта активность, в каких формах она реализуется и что подразумевает. При этом следует учитывать, что общество определяет средства и границы человеческой активности: именно культура предоставляет систему знаков, посредством которых человек обозначает свои природные качества, наделяет их определенным смыслом.

Именно культура становится тем организующим началом и системообразующим признаком поведения, которое мы обозначаем как мужское и женское. И именно культура определяет человеческие качества, которые выступают системообразующими для классификации мужских, женских и (или) нейтральных [178, с. 30].

О том, что различия между мужчиной и женщиной лежат в области социальной, писал З. Фрейд, полагая, что они вызваны характером включенности мужчин и женщин в культуру. По мысли З. Фрейда, именно культура ограничивает роль женщины семьей и сексом, и именно культура отчуждает мужчину от роли мужа и отца [227, с. 164].

Социальное понимание мужественности и женственности воплощается в гендерных* ролях, которые представляют собой «социальные нормы,

* Термин «гендер» указывает на социальный статус и социально-психологические характеристики личности, которые связаны с полом и сексуальностью, но возникают во взаимодействии с другими людьми.

определяющие, чем должны или не должны заниматься мужчины и женщины. При этом реальное поведение, реализующее эти нормативные ожидания или ориентированное на них, – полоролевым поведением» [127, с. 87].

Гендерные роли всегда связаны с определенной нормативной системой, которую личность усваивает и преломляет в своем сознании и поведении [133, с. 196]. Их можно рассматривать как внешние проявления моделей поведения и отношений, которые позволяют другим людям судить о принадлежности индивида к мужскому или женскому полу [33, с. 76]. Они относятся к типу предписанных ролей: статус будущего мужчины или будущей женщины приобретает ребенок при рождении, а затем в процессе гендерной социализации ребенок обучается исполнять ту или иную гендерную роль [178, с. 211].

В любом из существующих до сих пор человеческих обществ обнаруживается какое-то разделение труда между полами. Это одна из древнейших форм дифференцировки, и неудивительно, что она представляется людям вечной и нерушимой. То, что свойственно мужчинам, а что – женщинам, включает множество параметров. Среди таковых – экономические показатели, социальный авторитет, престиж, причем все они (или хотя бы их часть) могут не совпадать между собой в различных культурах. Однако, есть два момента, которые можно считать культурными универсалиями: в какой-то мере общество связывает определенные черты и определенные виды работ с принадлежностью к определенному полу. [181, с. 336].

Представления об универсальности данной системы, основанной на убеждении в естественной взаимодополнительности полов, наиболее убедительно обосновано Т. Парсонсом и Р. Бейлсом.

По их мнению, дифференцировка мужских и женских ролей в семье и общественно-производственной жизни совершенно неустранима, так как основана на естественной взаимодополняемости полов. Мужские роли и мужской стиль жизни являются преимущественно «инструментальными», а женские – «экспрессивными». Мужчина обычно бывает кормильцем, добытчиком, а в семье осуществляет общее руководство и несет ответственность за дисциплинирование детей, тогда как более эмоциональная по своей природе женщина поддерживает групповую солидарность и обеспечивает необходимое детям эмоциональное тепло. Радикальное изменение этой структуры, согласно Т. Парсонсу и Р. Бейлсу, невозможно. Как бы ни вовлекалась современная женщина в общественно-социальную жизнь, женская роль продолжает корениться, прежде всего, во внутренних делах семьи, где женщина выступает как жена, мать, хозяйка дома. Роль взрослого мужчины обычно связывают с профессиональным миром, с его работой, которая обуславливает и его функции в семье – обеспечение ей соответствующего статуса и средств к существованию. Даже если окажется, что средняя замужняя женщина начнет работать, в высшей степени маловероятно, чтобы это относительное равновесие было нарушено, чтобы мужчина

и женщины поменялись ролями или чтобы качественная дифференциация ролей в этих отношениях полностью изгладилась [изложено по 127].

Теория «взаимодополнительности» мужских и женских ролей подтверждается тем, что этот тип ролевой дифференцировки («инструментальность» мужских и «экспрессивность» женских ролей) широко распространена в обществах разного типа. И она подкрепляется данными дифференциальной психологии, согласно которым женщины субъективнее и чувствительнее к человеческим взаимоотношениям и их мотивам, чем мужчины; мужчины более тяготеют к предметной деятельности, связанной с преодолением физических трудностей или с развитием абстрактных идей, тогда как у женщин сильнее выражены гуманитарные склонности [там же, с. 88]. Кроме того, особое положение женщин в семье обусловлено ее материнскими функциями, которые детерминированы биологически и не зависят от социальных условий [170].

Однако проблема не так проста.

Не вызывает сомнения тот факт, что характер общественных взаимоотношений между полами зависит не только и не столько от самого полового разделения труда, круга специфических обязанностей мужчины и женщины, сколько от распределения власти, меры общественного признания, престижности мужских и женских занятий.

Именно это имел в виду А. Адлер, полагая, что условием сохранения социальной жизни есть разделение труда, а отказ от него равноценен прекращению человеческого рода. В процессе разделения труда стремление к власти играет огромную роль. Разделение труда привнесено и в половой диморфизм людей, но отдано на откуп сильной половине человечества, — хотя доминирующее положение мужчины не имеет естественного происхождения, а становится необходимым только в условиях непрекращающихся войн, когда главенствующая роль выпадает на долю сильного мужчины [1, с. 239].

Вместе с тем, взаимоотношения полов невозможно свести к одной-единственной системе детерминант, будь то биосоциальные контакты или угнетение женщин мужчинами, как утверждают современные феминистки [См., например: 261]. Вспомним, что еще Ф. Энгельс рассматривал половое разделение труда как социально-экономическое, а не природное явление. Однако, подчеркивая исторический факт порабощения женского пола мужским, он отмечал, что «разделение труда между обеими полами обуславливается не положением женщины в обществе, а совсем другими причинами» [150, с. 243].

В последние годы в исследованиях пола и гендера отмечается расширение теоретических взглядов и все большее осознание сложности этих феноменов. В психологических моделях начинают использоваться идеи из биологических, антропологических и социальных теорий. Среди наиболее значимых современных направлений следует выделить эволюционную психологию.

В эволюционной психологии функционирование человека понимается с точки зрения психологических механизмов, развивающихся как результат успешного разрешения проблем адаптации в истории вида. Поскольку мужчина и женщина выполняют различные роли в репродукции и воспитании, они сталкиваются с несколько различными проблемами. Поэтому вполне вероятно, что у обоих полов развились несколько разные психические механизмы. Эта теория предполагает радикально иной взгляд на гендер. Теперь он не социальный конструкт, формирующийся в онтогенезе через взаимодействие с культурой, а гендерные различия отражают раскрытие запрограммированных биологических механизмов, эволюционирующих на протяжении тысячелетий. Социальный опыт запускает эти механизмы и изменяет пороги их действия, однако он не способен изменить базовую биологическую структуру или психические тенденции, которые она порождает [2, 112, 169].

При таком подходе, гендерная идентичность – осознание себя связанным с культурными определениями мужественности и женственности – это фенотип, сплав врожденного и приобретенного [127, с. 57]. И действительно, несмотря на то, что большинство фактов указывают на роль социализации в гендерной идентификации, все же нельзя сбрасывать со счетов и значение врожденной предрасположенности к выбору той или иной деятельности. По всей видимости, за недостаточностью однозначно толкуемых фактов можно согласиться с мнением Е.П. Ильина, который полагает, что «споры о роли биологического или социального в развитии и поведении человека беспредметны, если касаться человека в целом, а не отдельных его характеристик» [107, с. 88].

В основании гендерных ролей лежит гендерная идеология, т.е. система идей, посредством которых гендерные различия и гендерная стратификация получают свое социальное оправдание [34, с. 110–111]. Она находит свое закрепление в гендерных стереотипах – стандартизированных представлениях о моделях поведения и чертах характера, соответствующих понятиям «мужское» и «женское». Такие стереотипы существуют как на высших уровнях культуры, в рамках религиозных и философских учений, обосновывающих природу половых различий, так и в повседневном обыденном сознании [127, с. 87].

Гендерные стереотипы, касающиеся закрепления семейных и трудовых ролей в соответствии с полом, относятся к одним из самых распространенных стереотипов, предписывающих стандартные модели ролевого поведения мужчинам и женщинам. В соответствии с этими стереотипами для женщины главными социальными ролями являются семейные роли (мать, хозяйка), а для мужчины – профессиональные роли (работник, труженик, добытчик). Мужчин принято оценивать по профессиональным успехам, а женщин – по наличию семьи и детей. Интересы мужчины сосредоточены за пределами семьи, а для женщины все другие интересы вто-

ричны по отношению к семейным ролям. Для выполнения традиционной роли матери и хозяйки дома женщина должна обладать чуткостью, сострадательностью, заботливостью. Предписания ориентируют мужчин на социальные достижения и требуют от них твердости, независимости, настойчивости [9, 25, 26, 107, 143, 148, 156, 170, 181, 193, 219].

Представления о маскулинности и фемининности, распространенные в литературе, позволяют составить некий обобщенный психологический портрет мужчины и женщины. Так, мужчина «стремится сдерживать свои эмоциональные проявления, не склонен к спонтанному самораскрытию, имеет «защитный панцирь» из норм и правил; деятельностно ориентирован, для него важно ощущение субъектности, собственной роли в достижении успеха; склонен к объективизму, опирается на факты; уважает себя или соответствует социально-желательным характеристикам». Женщина же, в отличие от мужчины, «ориентирована на межличностное общение; ей присуща способность к эмоциональному, привлекающему внимание окружающих, выразительному самоопределению; она несколько импульсивна, склонна к субъективизму; ее самоотношение более целостно, менее зависит от социальной желательности и носит самопрезентационный характер» [45, с. 99].

Заметим, что супруги в браке, выступают, друг по отношению к другу, и как муж и жена (объем прав и обязанностей), и как отец и мать (различия в репродуктивном поведении). Во втором случае, они реализуют, тем самым, не только свои биологические различия, а и социокультурные стандарты мужественности и женственности, предписывающие мужчинам и женщинам различные типы заботы и участия в судьбе своего ребенка. Для супружеских ролей это проявляется, прежде всего, в способе и характере распределения власти и обязанностей по ведению дома или обеспечению семьи средствами к существованию. Следовательно, и по отношению к ребенку они выступают не только как отец и мать, что определяется (в значительной степени) биологически, через факт порождения, но и как мужчина и женщина, что, помимо биологических различий включает в себя и социокультурные предписания и стандарты поведения.

Хотя материнская и отцовская любовь рассматриваются в качестве составляющих целостного феномена родительства [166, с. 96], это не дает основания определять роль отца как адекватную роли матери или дополнительную к ней, а чувства к детям и желание воспитывать их, как поведение, которое заложено в генетической структуре. Нельзя также утверждать, что поведение отца ничем не отличается от поведения матери или же очень похоже на него, а так же и то, что дети одинаково привязаны как к отцам, так и к матерям [58, с. 60].

Э. Маккоби выделяет несколько параметров, по которым различаются гендерные роли матери и отца по отношению к детям:

- 1) разделение видов ответственности за детей;

2) в стилях поведения как самих родителей – матери и отца – так и по отношению к полу ребенка – сын или дочь;

3) демонстрация в поведении типичных для своего пола черт и желание усиливать половую сегрегацию или конвергенцию по отношению к детям [266].

Особенности материнского и отцовского поведения по отношению к ребенку очень удачно обозначил Э. Фромм. Рассматривая ее, он пишет, что материнская любовь безусловна: ребенок любим просто за то, что он есть. Это пассивное переживание, материнской любви не нужно добиваться, сама мать должна иметь веру в жизнь, не быть тревожной, только тогда она сможет передать ребенку ощущение безопасности. Любовь же отца по большей части – обусловленная любовь, ее нужно, и, что важно, можно заслужить достижениями, выполнением обязанностей, соответствием ожиданиям, дисциплиной [230, с. 101].

Не следует забывать, за многие века выработались общественные требования к тому, как в тех или иных ситуациях должны вести себя отец и мать по отношению к ребенку. Т.е. в обществе сложились модели отцовского и материнского поведения и они, став мощным регулятором поведения мужчин и женщин, благодаря традиции, передаются из поколения в поколение и воспроизводятся в однотипных поступках [215, с. 12–13]. Отец традиционно заботился о семье как экономической единице, определял ее политику, брачную стратегию, решал вопросы наследования. Выполнением этой роли и определялся престиж отца (при этом он стоял как бы в стороне от отношений «мать – ребенок») [58, с. 60]. Традиционная обязанность матери, – вести дом и растить детей [193, с. 54]. Кроме того, отмечают разнонаправленность воспитания детей отцом и матерью, это проявляется в том, что отец учит ребенка тому «что», а мать тому «как», отец учит ребенка «*быть кем-то*», а мать – «*кем-то для кого-то*» [109, с. 41].

В поведении отца больше рассудочных элементов, повышенного контроля за своими чувствами и эмоциями. Отношения отцов и детей более рациональны, рассудочны, в то время как отношения ребенка и матери, как правило, эмоционально насыщены, проникнуты чувственностью [215, с. 21].

И.С. Кон по этому поводу замечает, что «сравнительная холодность и наличие социальной дистанции во взаимоотношениях ребенка с отцом являются скорее пережитком нравов традиционной патриархальной семьи, в которой к отцу не смели приблизиться и сам он был обязан держаться на высоте» [131, с. 234]. К примеру, в болгарской семье считалось, что отец может ласкать детей, только когда они спят. В другое же время он должен представлять перед ними как человек суровый, требовательный, недоступный, не выдающий своих чувств [3, с. 42].

По мнению Д.С. Акивис, «отцовская любовь измеряется не эмоциональными всплесками, не тем, какие слова он говорит, как прижимает к

себе, а мерками мужской заботы о благополучии семьи, о том, чтобы жена и ребенок ни в чем не нуждались» [там же, с. 82].

В.М. Лупандин отмечает, что роль отца (в отличие от роли матери) на разных этапах развития ребенка выражается по-разному. Отец, материально обеспечивая мать, тем самым обеспечивает длительность контакта ребенка с матерью. С возрастом его прямое влияние на детей увеличивается. Для детей дошкольного возраста отец имеет огромное значение как объект подражания, на основе которого формируется групповое поведение. В школьном возрасте социальный статус отца важен для чувства уверенности и стабильности у подростка. Таким образом, в соответствии с социальным статусом отца, ребенок знакомится с обществом, а статус матери определяет для него специфику будущей семьи, его собственной роли в ней [202, с. 90].

Таким образом, в функциональном плане отцовство и материнство представлено отдельными и различающимися между собой (как по объему прав и обязанностей, так и своими последствиями для ребенка) шаблонами социально значимых действий – специфическими социальными ролями и предписаниями культуры – социальным институтом родительства, который, во-первых, гарантирует, с высокой степенью надежности, порождение (или усвоение), содержание и первичную социализацию детей в рамках социального института семьи, и, во-вторых, по средствам которого, мужчина и женщина реализуют себя в качестве отца или матери, исполняя, тем самым, не только биологическую программу, но и социокультурные стандарты поведения, приличествующие, с точки зрения общества, мужчинам или женщинам.

Все вышеизложенное позволяет заключить, что отцовство и материнство много больше, чем реализация биологических различий, заложенных в мужчину и женщину генетически. И, в связи с этим, нам представляется необходимым выявить механизмы на уровне личности, обеспечивающие и регулирующие родительское поведение.

2. РОДИТЕЛЬСТВО КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ЛИЧНОСТИ

Родительство как институционализируемая ответственность мужчины и женщины перед обществом за «воспроизводство и наращивание эффективности общественной жизнедеятельности» [234, с. 34], реализует свои функции не только как средство удовлетворения общественных или групповых потребностей, но и потребностей индивидуальных. Какова же природа потребности личности быть родителем?

Потребности выступают, прежде всего, как объективная необходимость, то есть объективная нужда организма в чем-то, внешнем, во внешних условиях, которые служат как бы дополнением живых систем [142, с. 410]. Они

представляют собой синтез заложенной в индивиде программы жизнедеятельности и конкретной окружающей среды. В программе жизнедеятельности потребность черпает свой биологический импульс, обретает силу жизненной необходимости. Вместе с тем, потребность формируется и удовлетворяется в конкретной среде, приобретая форму и конкретное содержание, обусловленное этой средой [165, с. 93–94].

Потребности – источник активности человека. Существенные черты человеческих потребностей – это объективность происхождения, их исторический характер, зависимость от практической деятельности, социальная обусловленность [179, с. 189]. Во всем своем многообразии они традиционно подразделяются на две основные группы – биологические и социальные [142, 179].

Проблема потребности в детях детально и достаточно глубоко изучена демографами и социологами, изучающими воспроизводство населения, педагогами и психологами, исследующими детско-родительские отношения. Полученные ими данные позволяют утверждать, что законы, побуждающие человека становиться родителем, заботиться о потомстве, лежат в сфере социального [11, 13, 23, 24, 32, 35, 47, 66, 256].

Так, В.А. Борисов [35] считает бездоказательными положения о существовании биологических «инстинктов продолжения рода», «материнского инстинкта», «инстинкта родительства». Он отмечает, что часто за этими понятиями не скрывается никакого иного значения, кроме половой потребности. Вместе с тем, для такого отождествления нет достаточных оснований, даже, напротив: «потребность в детях и половая потребность – это два самостоятельных вида потребностей, обусловленных различными мотивами, ценностями и отношениями» [13, с. 118].

К. Обуховский полагает, что потребность в родительстве не относится к «необходимым». Хотя опыт отцовства и материнства вызывает у человека определенные переживания, которые могут стать важными для формирования его личности, однако, вопрос о том, «необходимы ли они человеку, объективно остается открытым» [163, с. 113].

По мнению Л.Б. Шнейдера, не существует биологических законов, заставляющих человека иметь детей: если бы такие законы существовали, то каждая беременность заканчивалась бы родами [244, с. 50].

По мнению Я.И. Рубина, потребность в детях за время существования человечества подверглась коренному, качественному преобразованию. В начале она была близка к простому инстинкту сохранения вида, то есть больше склонялась к биологической потребности. По мере того, как семья становилась все более необходимой общностью не только для рождения детей, но и для их воспитания, подготовки к самостоятельной жизни, потребность в детях все больше приобретала социальный характер, которым стала выражаться ее сущность [195, с. 39].

А.Г. Харчев понимает родительство как «социальный по своей сути, но имеющий корни в природной, генетической связи между ребенком и родителем феномен» [233, с. 68]. И уточняет, что это особый тип поведения, «определяемого в основном двумя моментами: родительской любовью и социальным долгом» [там же, с. 315].

В таком его понимании, родительство предстает перед нами как сплав биологического и социального, но соотношение этих элементов у мужчины и женщины различное. Обсуждая их природу, обычно указывают, что строение тела женщины определяет ее способность к репродукции, в то время как в мужском жизненном цикле нет аналога такому событию как роды. Женщина-мать значительно теснее отца связана со своим ребенком. В связи с чем, обычно подчеркивается биологические детерминанты материнской роли*.

А.И. Захаров, выделяет ряд факторов, способствующих становлению инстинкта материнства. Они следующие: прообраз матери; желание иметь детей, установка на них; положительный отклик на беременность; нежность к зарождающейся жизни; чувство жалости и сострадания к ребенку; чувство близости с ним; эмоциональная отзывчивость матери [97, с. 20–21]. Заметим, что даже простое их перечисление позволяет не только усомниться в исключительно биологическом характере «материнского инстинкта», но и предполагать в его основании широкий социальный пласт. И этому есть эмпирические подтверждения. Так, обследование женщин, отказавшихся от своих новорожденных, выявило у них помимо психологической незрелости, эмоциональной неустойчивости, неспособности к позитивной связи с ребенком, и социальную незрелость, а отказу от ребенка может предшествовать как нестабильность и угрожающий распад семьи, так и неполная семья [40, с. 35–36].

Отцовская любовь несколько иная – она лишена той биологической основы, на которой покоится материнская любовь. По мнению В.А. Сысенко, «мужчина в большинстве случаев начинает любить ребенка потому, что он любит свою жену» [215, с. 19]. Д.А. Акивис замечает по этому поводу: «У мужчин – особенно если он молод, а первой рождается девочка, – отцовское чувство может быть менее ярким, чем у матери, но это вовсе не значит, что так будет всегда» [3, с. 82]. Однако было установлено, что если отец берет на себя основную заботу о ребенке, он склонен вести себя так, как это делает мать [264].

Вместе с тем, совершенно отрицать биологические основания родительства невозможно. Так М. Босанац указывает на то, что биологические законы продолжают действовать, а человек «лишь пытается приспособиться к ним, извлекая как можно больше пользы для себя» [36, с. 24].

* По мнению Дж. Боулби, ребенок и мать образуют тесную, взаимную, биологически обусловленную связь, которую следует рассматривать как базовый компонент человеческой природы [37, с. 101].

В связи с этим, нам представляется вполне обоснованным и не потерявшим своей актуальности замечание А.Г. Харчева о том, что, проблема соотношения природного и социального моментов в родительской любви, в специфике ее выражения, в практике реализации отцовства и материнства в зависимости от биологических свойств мужчины и женщины, а также и от характера выполняемых ими социальных ролей, продолжает оставаться нерешенной [233, с. 69]. И в связи с этим можно согласиться с мнением Я.И. Рубина, полагающего, что если «сущность потребности в детях по отношению к ее объекту – социальная, то содержание этой потребности – социально-биологическое» [195, с. 24].

Определяя понятие «потребность в детях» А.И. Антонов делает в нем акцент на том, что эта потребность относится к явлениям социально-психологического порядка [11, с. 112]. В.В. Бойко уточняет, что потребность в детях, как устойчивое социально-психологическое явление, имеет сложный характер; она представляет собой структуру, включающую в себя элементы как общественного, так и индивидуального планов. С одной стороны, как социально-психологическое образование в личности, родительство представлено комплексом установок, соответствующих сложившемуся социально-историческому типу семьи. Эти установки определяют не только отношение к ценности детей, их численности в семье, но также и подходы к их воспитанию. С другой стороны, – это та или иная степень чадолюбия, свойственная индивиду как носителю усвоенных общественных норм, установок по отношению к детям вообще; чадолюбие отражает историю развития каждой конкретной личности. При этом потребность в детях проявляется в том, что «без детей человек испытывает затруднения в самореализации себя как личности» [31, с. 62].

Потребность в детях далеко не исчерпывается фактом их рождения, ибо само «воспроизводство населения не тождественно его биологическому воспроизводству» [233, с. 291]; она сопряжена с процессом их воспитания, отдачи времени, передачи общественно значимых ценностей, т.е. социально значимым поведением по отношению к ним.

В этой связи, возникает необходимость исследовать те социально-психологические механизмы на уровне личности, обеспечивающие родительское поведение.

В отечественной социологии и психологии сложилось устойчивое мнение о том, что родительство, как социально-психологическое образование в личности, представляет собой иерархически организованную систему социальных установок разного уровня обобщения и конкретизации [11, 13, 31, 167, 212, 233, 234, 244, 260, 267, 275].

Впервые понятие «аттитюд»^{*} использовали в своих трудах У. Томас и Ф. Знанецкий. Они же и дали первое определение аттитюда, который они

* Аттитюд – attitude – от латинского «aptitudo», что означает «пригодность» [33, с. 71]. Этот термин в литературе на русском языке либо переводится как «социальная установка», либо употребляется как калька с английского «аттитюд» [28, с. 357].

определили как «состояние сознания, регулирующее отношение и поведение человека в связи с определенным объектом в определенных условиях, и психологические переживания им социальной ценности, смысла объекта» [цит. по: 8, с. 265]. В своем определении авторы исходили из положения о том что исследования взаимоотношений личности и общества должно основываться на анализе социальных ценностей самого общества и отношения к нему со стороны индивидов. Только с этих позиций можно объяснить их поведение. Аттитюд же, согласно У. Томасу и Ф. Знанецкому, является процессом индивидуального сознания, который детерминирует как актуальную, так и потенциальную деятельность человека в социуме. И, поскольку, аттитюд всегда направлен на объект, он может определяться как что-то состояние ума по отношению к ценности. И если ценность это объективная сторона установки, то, следовательно, аттитюд есть субъективная сторона социальной ценности.

Открытие феномена аттитюда и развертывание его исследований породили множество, подчас противоречивых, его определений. Г. Оллпорт проанализировав и обобщив их, выделил те его черты, которые признавались всеми учеными: аттитюд – это определенное состояние сознания, которое выражает готовность к реакции, источником его есть предшествующий опыт, внутренне организованное и оказывающее направляющее влияние на поведение его носителя [259, с. 34–35].

Г. Оллпорт также установил зависимость аттитюда от предшествующего опыта, установил его роль в регуляции поведения, и предложил свое определение: «аттитюд есть состояние психической готовности, складывающийся на основе опыта, и оказывающий направляющее и (или) динамическое влияние на реакции индивида относительно объектов или ситуаций, с которыми он связан» [там же, с. 37].

В 1942 году М. Смит предложил трехкомпонентную структуру аттитюда, в котором он выделил а) когнитивный компонент, который обнаруживается в виде мнений, утверждений относительно объекта установки; знания о свойствах, назначении, способах обращения с объектом; б) аффективный компонент – обнаруживается в виде отношения к объекту, выражаемому на языке непосредственных переживаний и чувств, которые он вызывает; оценки «нравится – не нравится» или амбивалентное отношение; в) конатативный компонент, который проявляется в готовности индивида к осуществлению конкретного поведения с объектом [274, с. 171–174].

Являясь обычными и широко распространенными психическими регуляторами, аттитюды / социальные установки, по мнению Ф. Зимбардо и М. Ляйппе, оказывают влияние на восприятие и мышление, направляя когнитивные процессы и процессы восприятия; служат готовыми обобщенными оценками; определяют нас самих, поскольку установки по отношению к наиболее важным предметам могут являться значительной частью нашего восприятия собственного «Я» и нашей самооценки [103, с. 49].

Основная функция социальных установок – регуляция социального поведения человека: система индивидуальных социальных установок обеспечивает возможность его ориентации в социальной действительности [243].

Основателем отечественной теории установки является Д. Н. Узнадзе. В своем подходе к проблеме он исходил из того, что человек, так же как и вообще все живое, достигает наличной в каждый данный момент степени своего развития лишь в процессе взаимодействия со средой, причем в активное взаимодействие с действительностью вступает сам субъект, а не отдельные акты его психической деятельности [221, с. 39–40]. Наличествуется два условия, без которых акты поведения невозможны: это, прежде всего, наличие какой-то потребности у субъекта поведения, а затем и ситуация, в которой эта потребность могла бы быть удовлетворена. Это – основное условие возникновения всякого поведения, и, прежде всего, установок к нему [там же, с. 43]. Потребность может существовать и вне ситуации, делающей возможным ее удовлетворение. Но в таком случае она не имеет законченного, индивидуально определенного характера. Она получает его лишь в результате наличной ситуации, могущей принести ей удовлетворение: потребность конкретизируется, она становится индивидуально определенной потребностью, удовлетворение которой возможно в конкретных условиях данной ситуации лишь при наличии этой последней [там же, с. 47]. Наличие потребности и ситуации вызывает особое состояние, которое характеризует спонтанность, направленность, готовность совершать определенные действия [там же, с. 165]. Это состояние и есть установка: модификация живого существа, соответствующая объективному ходу вещей, как особое состояние личности, модус ее в конкретных условиях. Это – личностный фактор, конкретная определенность личности в каждый данный момент [там же, с. 187]. Установка не представляет собой специфически человеческой особенности [там же, с. 150], но самую примитивную, но и самую существенную форму реакции живого организма на воздействие окружающей среды [там же, с. 151].

Различные типы установок реализуются двумя формами поведения: экстерогенной и интерогенной. К экстерогенным формам поведения Д.Н. Узнадзе относит потребление, обслуживание, занятия, труд; к интерогенным – эстетическое наслаждение, игра, развлечение, спорт, художественное творчество [там же, с. 264–270].

Существуют различные формы психической активности человека, главные из которых – установка и объективация [там же, с. 153]. Акт объективации включает в себя идентификацию того, что переживается сейчас, с тем, что переживалось только что перед этим, сознание их тождества, закрепленного актом номинации в речи [там же, с. 162]. В этом акте закреплено познавательное отношение к миру, он равнозначен механизму сознания [там же, с. 163]. Предметами объективации являются: душевный мир,

который помогает индивиду выделить в процессе поведения мешающие ему предметы, а также социальные требования и «Я» [там же, с. 164].

Хотя универсализация понятия установки как бессознательного, делает невозможным применение этой теории к регуляции наиболее сложных, высших форм человеческой деятельности, вместе с тем, в способности к объективации, отмеченной Д.Н. Узнадзе, заложен выход за пределы личного, в сферу другого человека. Именно здесь у Д.Н. Узнадзе начинается переход от психологии личности к социальной психологии личности.

Этот переход, был осуществлен Ш.А. Надирашвили, который подчеркивал, что личные ориентации личности создаются у человека под воздействием индивидуальных потребностей и нужд, тогда как социальные ориентации обуславливаются требованиями других людей [208, с. 174].

Ш.А. Надирашвили дополнил двухуровневую характеристику психической активности человека, данную Д.Н. Узнадзе, введением третьего уровня. На этом уровне в сферу потребностей включаются социальные потребности, процессы мотивации, воображаемое, приемлемое поведение, автопортрет. Процесс принятия решений на основе этих психологических образований приводит к формированию установки социального поведения. Психическая активность на этом уровне реализуется в социальном поведении [161, с. 63].

Выражением потребностной составляющей поведения на этом уровне являются личные потребности человека как социального существа. Он включает в их состав ценности, социальные и моральные ориентации, социальные оценки. Центральное место в концепции Ш.А. Надирашвили занимает анализ социальной установки. Он пишет: «Установка, определяющая социальное поведение и представляющая собой его психологическую основу, является социальной установкой, т.к. в ее формировании наряду с другими факторами участвуют и факторы социальные. Социальная установка создается на третьем уровне, а осуществляемое на ее основе поведение дает личности возможность действовать в социальной среде в качестве члена социальных взаимоотношений» [там же, с. 68].

Разработанные в школе Д.Н. Узнадзе идеи послужили отправными моментами в создании диспозиционной концепции В.А. Ядова [198, 254].

По мысли В.А. Ядова, главное в проблеме внутренней регуляции социального поведения – это вопрос о структурировании личности как объекта деятельности. Представление о целостной структуре личности предполагает выделение определенного системообразующего признака или системообразующего отношения, поскольку наиболее существенное в личности – ее отношение к условиям деятельности, сформировавшееся благодаря предшествующему опыту [254, с. 90]. В.А. Ядов предположил, что существуют устойчивые диспозиционные механизмы регуляции социального поведения личности, которые правомерно рассматривать в рамках некой общей диспозиционной структуры личности как целостного субъекта

деятельности. Системообразующим признаком, единым для этой целостности, должны быть различные состояния и различные уровни предрасположенности человека к восприятию условий деятельности, его поведенческих готовности, направляющих деятельность, которые так или иначе формируются в личностной структуре в результате онтогенеза [там же, с. 92].

Приняв за основу положение Д.Н. Узнадзе о том, что установки представляют собой ценностно-личностные состояния готовности, настроенности на поведение в данной ситуации, В.А. Ядов проанализировал все основные части этой системы.

Потребности, ситуации деятельности и диспозиции образуют иерархические системы. Им выделяются потребности низшего уровня – психофизиологические (витальные) и потребности более возвышенные – социальные. Кроме того, потребности структурируются по уровням включенности личности в различные сферы социального общения, социальной деятельности [там же, с. 93]. Основанием здесь служит как бы последовательное расширение границ активности личности, источник которой со стороны субъекта – потребность или нужда в определенных и расширяющихся условиях полноценной жизнедеятельности человека.

Условия деятельности (ситуации), в которых могут быть реализованы те или иные потребности личности, также образуют некую иерархическую структуру. В качестве основания их структуризации принимается длительность времени, в течении которого сохраняется данная ситуация деятельности. Низший уровень – предметные ситуации; следующий уровень – условия группового общения; самый высокий – «общесоциальные» ситуации активности [там же, с. 94].

Рассматривая иерархическую систему диспозиций, В.А. Ядов, к низшему ее уровню относит элементарные фиксированные установки (установки в понимании Д.Н. Узнадзе). Они формируются на основе витальных потребностей, в простейших ситуациях и не становятся предметом осмысления. Второй уровень диспозиционной структуры – социальные фиксированные установки. В отличие от элементарных поведенческих готовности социальные установки обладают сложной структурой с выделением в ней эмоционального (оценочного), когнитивного (рассудочного) и собственно поведенческого аспектов. Факторами формирования их выступают социальные потребности, связанные с включением индивида в первичные контактные группы и соответствующие социальные ситуации.

Следующий диспозиционный уровень – общая направленность интересов личности на ту или иную сферу социальной активности, или базовые социальные установки. Установки этого уровня фиксируются на основе более сложных социальных потребностей приобщения к определенным сферам деятельности и включение в эту деятельность как доминирующую среди других. Предполагается, что социальные установки этого уровня тоже содержат три компонента [там же, с. 94–95].

Поведение как третий элемент диспозиционной системы имеет ряд уровней развития. В.А. Ядов выделяет: 1) специфические реакции субъекта на актуальную предметную ситуацию; реакции на специфические и быстро сменяемые друг друга условия среды (поведенческие акты); 2) поступок (привычное действие), который как бы komponуется из целого ряда поведенческих актов. По В.А. Ядову, поступок – есть элементарная социально значимая «единица» поведения, и его цель – установление соответствия между простейшей социальной ситуацией и социальной потребностью; 3) целенаправленная последовательность поступков образует поведение в той или иной сфере деятельности, где человек преследует существенно более отдаленные цели, достижение которых обеспечивается системой поступков; 4) целостность поведения в различных сферах и есть и есть собственно деятельность во всем ее объеме [там же, с. 97–98].

Можно заключить, что система диспозиций представляет собой систему социальных установок (за исключением установок в понимании Д.Н. Узнадзе), близких по своей психологической сущности, но различных по значимости их социальных объектов. Важнейшей функцией диспозиционного механизма личности является «психическая регуляция социальной деятельности, социального поведения личности» [там же, с. 97].

Применительно к родительству*, как к социально-психологическому образованию в личности, диспозиционная система социальных установок может иметь следующий вид:

1) на уровне базовых социальных установок, в системе ценностных ориентаций личности – позиция таких ценностей, как «семья», «родительство», «ребенок»; система семейных и родительских ценностей; вся совокупность семейных и гендерных идеалов;

2) на уровне социальных фиксированных установок: сценарии реализации родительства, супружеские и родительские ожидания, репродуктивные установки и установки на воспитание детей (на детско-родительское взаимодействие). Во всей их совокупности и взаимосвязи они и составляют систему установок личности на родительство.

Различные элементы диспозиционной структуры, образованные как разными ее подсистемами (когнитивной, эмоциональной и поведенческой), так и разными уровнями (от элементарных фиксированных установок до ценностных ориентаций) следует рассматривать как механизм функционирования диспозиционной системы в целом. [254, с. 101–102]. Поэтому родительские и репродуктивные установки, ожидания, семейные идеалы и ценности не являются отдельными актами сознания субъекта, поскольку они – лишь модус его состояния как целого [31, с. 123].

* В отечественной литературе имеется опыт приложения диспозиционной теории регуляции социального поведения к поведению репродуктивному [11].

Хотя человек рождается со многими биологическими задатками, формирование его личностных свойств обуславливается социальными взаимодействиями и закономерностями. Потребности человека, его сознательные и бессознательные отношения к действительности, личностные взаимосвязи должны рассматриваться как феномены, являющиеся результатом дифференцировки и конкретизации закономерностей системы социально культурных ценностей [208, с. 171–172].

В самом обобщенном виде под ценностями понимается: «субъективно-объективный феномен, раскрывающий универсальное взаимодействие явлений; основа значимого отношения человека к окружающим, имеющего форму общих принципов; элементы общественного сознания, выполняющие по отношению к социальному субъекту нормативные и регулятивные функции» [199, с. 80].

Содержание ценностей обусловлено культурными достижениями общества. Мир ценностей – это сфера духовной деятельности человека, его нравственного сознания, его привязанностей – тех оценок, в которых выражается мера духовного богатства личности [176, с. 30].

Существование ценностей связано с таким восприятием действительности, которое опосредуется социальными чувствами и которое возвышается над миром непосредственных потребностей и интересов. Ценностное восприятие действительности порождает и мотивацию действий и поступков, основанную на ценностных отношениях, дополняющую и обогащающую мотивацию, основанную на потребностях [101, с. 165–166].

Существуют общепринятые ценности: универсальные (любовь, справедливость, свобода), внутригрупповые (семейные, религиозные, политические) и индивидуальные (личностные). Они организованы в системы, которые носят синтетический характер; в такой системе переплетаются все результаты духовной деятельности общества [там же, с. 170].

В психологии под ценностями понимаются разделяемые обществом или социальными группами убеждения по поводу целей, которые необходимо достичь, и тех основных путей и средств, которые ведут к этим целям: и ценности базовые, терминальные и ценности-средства, инструментальные [8, 28, 134, 139, 179, 198, 209]. Таким образом, ценности составляют единую нормативную иерархически организованную систему, регулирующую поведение людей и социальных групп в обществе. Они являются ориентирами при выборе способа действий. Именно они проверяют и отбирают идеалы, выстраивают цели, содержат способы достижения этих целей. Ценности являются частью сознания, как отдельного человека, так и общественного сознания в целом [179, с. 256]. Они, по замечанию Б.Г. Ананьева, «образуют первичный класс личностных свойств» [7, с. 146].

В отличие от ценностей, ценностные ориентации – особое субъективное, индивидуализированное и мотивированное отражение в психике и сознании человека или социальной группы ценностей общества на кон-

кретном этапе его исторического развития [139, с. 608]. И если ценности выражают некоторые абсолютные нормы, цели, идеалы, которым следует все общество и которые оно свято чтит, то ценностные ориентации относительны и индивидуальны: они описывают индивидуальное отношение к ценностям или выбор конкретных ценностей в качестве нормы своего поведения.

С.Л. Рубинштейн отмечал, что ценностные ориентации, наряду с направленностью личности, проявляются в динамических тенденциях, которые «в качестве мотивов определяют человеческую деятельность, сами, в свою очередь, определяясь ее целями и задачами» [197, с. 519]. Иначе говоря, система ценностных ориентаций помогает человеку классифицировать все многообразие явлений и предметов действительности с точки зрения их полезности, необходимости; позволяет организовать, систематизировать самую разнообразную информацию, которую человек получает от окружающего мира для удовлетворения своих собственных потребностей, желаний и намерений [217, с. 69]

Ценностные ориентации играют главную роль в регуляции социального поведения человека, определяя его диспозиции [254], установки [95,161], мотивы [19], интересы [92] и «смысл жизни» [164].

По мнению И.С. Кона, ценностные ориентации – это «целая система установок, в свете которых индивид (группа) воспринимает ситуацию и выбирает соответствующий образ жизни» [134, с. 36]. Сходного мнения придерживается и С.К. Роцин. Он отмечает, что ценностные ориентации включают в себя не только знание и оценку ценностей конкретного общества, но и соответствующее им поведение. При этом они «отличаются от других социальных установок лишь наиболее высокой социальной и (или) личностной значимостью своих объектов, а по своей психологической природе они ничем не выделяются из общей системы социальных установок» [209, с. 93].

Система ценностных ориентаций обладает сложной структурой, компоненты которой прослеживаются в конкретных видах общественных отношений. По замечанию Б.Ф. Ломова, «ценностные ориентации, как и любую психологическую систему, можно представить как многомерное динамическое пространство, каждое измерение которого соответствует определенному виду общественных отношений и имеет у каждой личности различные веса» [145, с. 36].

В структуре ценностных ориентаций личности обычно выделяют три интегративных компонента: 1) когнитивный, – который характеризуется тем, что информация в нем находится на уровне убеждений. Это убеждения в приоритетности каких-либо целей, типов и форм поведения, а также убеждения в приоритетности каких-либо объектов в некоторой иерархии; 2) эмоциональный, который характеризуется направленностью эмоций по отношению к той или иной ценностной ориентации и реализующийся в эмоциональной окраске и оценочном отношении к наблюдаемому. Именно аффективный компонент определяет переживания и чувства человека, по-

казывает значимость той или иной ценности; 3) поведенческий, который может быть как рациональным, так и иррациональным; главное в нем – направленность на реализацию ценностных ориентаций, достижение значимых целей, защиту той или иной субъективной ценности. Каждый из этих трех компонентов, участвуя в формировании ценностных ориентаций, может иметь и самостоятельное значение, как по содержанию, так и по степени проявления [8, 28, 104, 179, 208, 209].

По мнению Р.В. Овчаровой, ценностные ориентации являются мощным интегрирующим фактором для семейной системы – как на уровне взаимодействия супругов друг с другом, так и на уровне взаимодействия родителей с детьми. Они определяют динамику семьи в целом и родительства в частности [166, с. 12].

Семейные ценности относятся к групповым ценностям и составляют один из элементов фундамента всей культуры. Ценности семьи определяют активность ее членов, функционирование семьи как целостного организма. Ценности каждой семьи уникальны сами по себе. В каждой семье – свой набор ценностей, их структуры могут различаться как в количественном, так и в качественном планах. Однако многие из них повторяются. Число ценностей в семье зависит от многих факторов: потребностей и целей ее членов, стажа супружеской жизни, степени важности для семьи тех или иных ценностей [56].

М.С. Мацковским был проведен предметный анализ ценностей и ценностных ориентаций семьи. Он выделяет три основных класса семейных ценностей: 1) ценности, касающиеся непосредственно самой семьи (направленность на семью); 2) ценности, представляющие связи с более широкими социальными системами (направленность на общество); 3) ценности, отражающие связи и отношения семьи с включенными в нее индивидами (направленность на личность) [157].

Особенностью семейных ценностей есть то, что они, по сути, представляют сплав эмоций, чувств, убеждений и поведенческих проявлений. Семейные ценности являются основополагающими для остальных компонентов родительства и реализуются в направленности личности родителя и направленности его поведения [166, с. 24].

Сходство семейных ценностей отражает совпадение, ориентационное единство взглядов и отношений членов семьи к общечеловеческим нормам, правилам, принципам формирования, развития и функционирования семьи как малой социальной группы. [244, с. 123].

Ценности представляют собой обобщенные понятия для такого явления духовной жизни, как идеал [100, с. 170]. Именно ценности формируют идеалы [165, с. 388].

Человеческая фантазия, мышление обеспечивают создание идеальной картины мира, общества, отдельных его групп и личностей, которых, как таковых, нет, но которые возможны, хотя и не обязательно станут реально-

стью. В идеале всегда есть переконструирование действительности, когда отбрасывается несущественное и элементы несовершенного, подчеркивается прекрасное, совершенное, превозносится то, чего нет, но что предвосхищает разум как возможное в будущем [121, с. 182].

Появление таких идеальных картин связано с тем, что «вещи и люди, нас окружающие, явления действительности, события, происходящие в мире, так или иначе, затрагивают потребности и интересы отражающего их субъекта» [196, с. 236]. Все ценное и в этом смысле привлекательное в них становится лично значимым, собственными убеждениями человека. Именно это отражается в идеалах – «образах, которые служат образцами» [197, с. 531].

В идеале, как бы в концентрированном виде проявляются убеждения человека, его жизненная позиция [121, с. 181].

Одними из наиболее значимых разновидностей идеалов являются обобщенные образы «идеальных» представителей той или иной социальной группы. Эти образы-идеалы могут отражать как целостную идею, так и наиболее существенные черты в конкретной ситуации. В любом случае, в «идеалах человека ярко проявляется его общая направленность» [197, с. 532].

Такие идеалы атрибутируются на основании предшествующего опыта межличностного взаимодействия, именно в них представлены самые важные для данного типа взаимодействия личностные свойства отраженного человека. Вместе с тем, основное их содержание формируется социокультурными факторами. В идеалах, по замечанию С. Рубинштейна, «время и среда, дух эпохи воплощает наиболее значимые черты» [198, с. 236].

Способность ценностей фиксировать не только предпочтения тех или иных личностных качеств человека, но и предпочитаемый характер отношений между людьми, связывает их с социальными ожиданиями и социальными установками личности [214, с. 48].

Каждый член семьи имеет свои представления и ожидания о самых разнообразных сторонах семейной жизни: «о необычных и каждодневных событиях, о прошлом и будущем, о желаниях и реальностях, о себе и других членах семьи, об их чувствах и мыслях, привычках, планах» [249, с. 83].

Такие предчувствия и ожидания могут представлять собой и своеобразный сценарий развития и реализации себя в качестве родителя. Будучи внутренне принятым, он составляет часть ее ценностных ориентаций. Межличностное общение придает ему социально-значимый смысл, – выступает как мотив поведения [139, с. 513], помогает ориентироваться в происходящем, предвидеть, каких событий следует ожидать, с какими проблемами и трудностями можно столкнуться [249, с. 84].

Эти сценарии представляют собой комплекс социальных установок достаточно высокого уровня обобщения, в них, следуя Р.В. Овчаровой [166, с. 16], можно выделить в них несколько разноуровневых планов:

– социальный план, как ответ индивида на потребности общества в воспроизводстве социальной структуры. Этот уровень ориентирует инди-

вида на весь комплекс чувств и обязанностей, связанных с воспитанием нового человека;

– социально-психологический, – как ответ индивида на реальное (предполагаемое) его взаимодействие в специфически человеческой микрогруппе – семье;

– личностно-смысловой уровень, – как ответ индивида на потребность в самоактуализации.*

Трудно переоценить значение стилей общения родителей с детьми в формировании личности ребенка, и неудивительно, что установки на воспитание, которые как раз то и определяют его, являются одним из наиболее изученных аспектов детско-родительских взаимоотношений.

Л.Б. Шнейдер указывает, что «установки супругов на воспитание детей представляют собой своего рода готовность действовать тем или иным образом, указывают, что каждый из супругов не только отражает окружающую действительность, но и эмоционально переживает ее, осмысливает и предпринимает определенные действия для выполнения ее требований в психических свойствах и качествах ребенка. Они обозначают субъективные ориентации индивидов, как членов малой социальной группы по отношению к тем или иным объектам или людям, ценностям, обуславливающим определенные нормы поведения своих детей» [244, с. 313].

Я. Рембовский, обратив внимание на различие моделей поведения отцов и матерей, отметил, что родительские модели поведения связаны с определенными установками, образами действий по отношению к ребенку, которые, являются относительно постоянным элементом их личности. Он определил родительские установки как «тенденции родителей к характерным поступкам по отношению к своим детям» [269, с. 310].

По мнению М. Земской, способ взаимодействия родителей с детьми зависит от того, как они относятся к самому факту своего родительства, т.е. к своей материнской или отцовской роли. Родительские установки, по М. Земской, – «приобретенные познавательно-направленные структуры, которые определяют поступки родителей по отношению к ребенку». Некая модель поведения может называться родительской только тогда, когда закрепиться тенденция реагировать на ребенка определенным образом [275, с. 25].

Когда говорят о родительских установках, то обычно имеют ввиду множество установок, которые можно подразделить на две большие группы: установки на рождение (репродуктивные) детей и установки на их воспитание (установки и ожидания в детско-родительских отношениях**). К первым относятся установки детности, регулирующие достижение главного результата репродуктивного поведения, – рождения определенного числа детей; ко второй группе относятся все остальные установки, так или иначе связанные с воспитанием детей [166, с. 13].

* А. Маслоу

** Р.В. Овчарова [166, с. 25].

С.В. Ковалев, рассматривает установки на воспитание детей в качестве структурного элемента системы репродуктивных установок личности; он указывает, что она не более чем специфические формы социальных установок вообще, полностью подчиняются всем, открытым для этих установок закономерностям. Как и любые социальные установки, установки на воспитание детей состоит из трех, выделенных еще Смитом компонентов: когнитивного, аффективного и конатативного [122, с. 83].

Наличие сложной структуры родительских установок указывает на невозможность ее одномерного истолкования и подчеркивает ее суть как психологического регулятора поведения, когда все три компонента находятся во взаимодействии, в согласовании либо расхождении. Это показывает уже внутренний источник противоречивости индивидуального поведения, подчеркивает упрощенность толкования поведения в рациональном духе. [11, с. 116–117].

Когнитивный компонент родительских установок определяет своеобразие того типа объектов и явлений социального мира, по отношению к которым сформирована установка, и представляет собой комплекс знаний, позволяющих отличить друг от друга различные объекты. Когнитивный компонент выражается во мнениях относительно данного объекта [Там же, с. 118].

В своем когнитивном компоненте родительские установки связаны с представлением и о том, какие изменения произойдут в жизни семьи в связи с рождением ребенка, какие положительные и отрицательные моменты связаны с воспитанием детей в семье, что нового вносит ребенок во взаимоотношения супругов и т.д. [234, с. 192]. Кроме того, они содержат знания и представления о репродуктивной норме общества, о распределении родительских ролей, идеальном и реальном образе ребенка, способах взаимодействия с ним в различных контекстах [166, с. 26].

Объекты окружающего мира вызывают различные чувства, и эти негативные и позитивные чувства, связанные с рождением и воспитанием детей, образуют аффективный компонент установки [11, с. 118]. Он отражает эмоциональное отношение к детям независимо от конкретных условий. Это отношение может по-разному проявляться у мужа и жены, связываться с их образовательными представлениями о ребенке и взаимоотношении с ним на различных этапах жизни семьи, с теми или иными выражениями как родительской потребности воспроизводить себя в детях, покровительствовать им, так и желания поддержки с их стороны. [234, с. 192]. Кроме того, они могут включать доминирующий эмоциональный фон в реализации родительских установок и ожиданий [166, с. 26]. По мнению А.И. Антонова, именно психологические переживания, связанные с детьми, «проливают свет на отнюдь не рационалистическую природу родительских установок» [11, с. 118].

Различие между когнитивным и аффективным компонентами состоит в том, что рационально индивид может ориентироваться на те или иные

способы взаимодействия с детьми, однако события семейной жизни или другие жизненные обстоятельства, повлекшие изменения его эмоциональных состояний, могут существенно изменять способы взаимодействия с детьми «теоретически оформленные» в когнитивном компоненте родительских установок. Это дало основание А.Г. Харчеву и М.С. Мацковскому отметить, что «рациональный компонент установки достаточно устойчив, в то время как эмоциональный возникает лишь в связи с соответствующим настроением и может относительно быстро исчезнуть» [234, с. 192].

Нетрудно заметить, что, когнитивный и аффективный компоненты родительских установок накладываются друг на друга, причем характер связи между ними остается еще не достаточно выясненным, однако можно утверждать, что чувства не просто сопровождают отдельные представления, но и обладают относительной самостоятельностью [11, с. 118].

Конатативный компонент родительских установок относится к силе готовности совершать соответствующие действия и характеризует интенсивность побуждений от действительной активности до благих пожеланий [11, с. 119–120]. Он включает в себя формы и способы поддержания контакта с ребенком, форм контроля, воспитание взаимоотношениями путем определения дистанции общения [166, с. 16].

Индивидуальное сознание избирательно, и отношение к объекту на рациональном уровне может существенно изменяться в зависимости от его эмоциональной оценки. Под воздействием последствий индивид склонен, во-первых, производить соответствующий отбор преимуществ и недостатков принимаемого решения, а во-вторых, определять относительную важность каждого из них. Поэтому при позитивном эмоциональном отношении к объекту установки индивид будет акцентировать внимание на преимуществах и необязательно принимать во внимание все недостатки. При негативном же отношении будет наблюдаться обратная картина. Существует и обратное влияние когнитивного компонента на аффективный, поскольку эмоции – всегда результат не только непосредственного воздействия объекта или его образа, но и рационального познания их сущности, свойств, характеристик [234, с. 193].

Г.В. Акопов, исследуя феномен родительского сознания, пришел к выводу о существовании различных планов проявления родительских установок: социального, с доминированием ценностей личностных качеств; текущего психологического, с доминированием потребности в ролевой семейной стабильности; перспективного психологического, с доминированием личностных целей [4, с. 225].

Хотя репродуктивные и родительские установки обладают определенной степенью устойчивости [234, с. 80], они, как структуры динамические, способны изменяться [268, с. 310]. Так, например, рост сознательности родителей, означающий критическое отношение к себе как к члену семьи и воспитателю, ведет к изменению и углублению родительских уста-

новок [275, с. 17]. Родительские установки могут изменяться по мере того, как изменяется ребенок. Свидетельством этого может служить изменение стиля взаимодействия родителей с детьми, что выражается в характере предоставляемой ребенку свободы, формы контроля за его поведением, способов физического и психического контакта с ним [там же, с. 25].

Вместе с тем, К. Роджерс, на основе многолетней практики пришел к выводу, что прямое обучение не дает эффективных результатов в коррекции родительских установок, так как они характеризуются необыкновенной устойчивостью и повышенной сопротивляемостью к изменениям [191, с. 327].

Последователь К. Роджерса, Т. Гордон указывал, что родителям трудно избавиться от догматической системы ценностей, полученной в наследство от собственных родителей, трудно изменить свое отношение к детям, поэтому изменение родительских установок и повышение родительской эффективности требует не только значительных усилий, но и специально организованного обучения родителей под руководством опытных педагогов [59, с. 583–586].

Роль родительских установок заключается в интеграции различных потребностей индивида, реализуемых в семейной жизни и родительстве, в придании им обобщающего смысла в контексте либо контекстах жизненных обстоятельств личности, либо в воображаемой ситуации. И в том, и в другом случае установки упорядочивают потребности, взгляды и поведение человека, связанное с рождением и воспитанием детей [31, с. 122].

Понятия «родительское отношение» и «родительская позиция» часто употребляются синонимично понятию «родительские установки», все же целесообразно сохранить термин «родительское отношение» для установок и соответствующего поведения, которые не связаны именно с данным ребенком, а характеризуют отношения к детям вообще. Родительская позиция скорее связывается с сознательно принятыми, выработанными взглядами, намерениями; установка – не так однозначна.

Понятие «родительская позиция» предложила А.С. Спиваковская для анализа реального взаимодействия родителей с конкретным ребенком, под которой она понимает реальную направленность поведения родителей по отношению к ребенку, в основе которого лежат сознательные или бессознательные оценки ребенка, выражающиеся в способах и формах взаимодействия с ним [210, с.39].

Описаны различные параметры родительских установок, родительского отношения, родительских позиций.*

* М. Арутюнян [15], М. Браун-Галковска [262], Дж. Боулби [37], А.Я. Варга [177], В.И. Гарбузов [52], А.И. Захаров [99], М. Земска [275], Л. Каннер [по 91], В. Ковальский [по 212], Л. Ковар [по 91], А.Е. Личко [144], Д. Макаровиц [по 212], Е. Маккоби [267], М. Пилькевич [267], А. Рое [270], Е.Т. Соколова [206], П. Слатер [по 267], А. Спиваковская [211], М. Фитс-Симонс [по 212], А. Фрейд [226], Г. Хоментаскас [240], Е. Шефер [272], Р. Шпиц [245], Н. Штирман [по 91], Э.Г. Эйдемиллер [249].

И.М. Марковская, анализируя данные литературы, предприняла попытку выделить параметры, по которым возможна оценка родительского отношения к ребенку [147, с. 30]. Здесь мы приводим их с *нашими дополнениями*:

– автономия – контроль (Е. Шеффер, Р. Белл, С. Броуди, Е. Маккоби, Р. Шпиц, *Н. Штирман, А.Е. Личко, Е.Г. Эйдемиллер, Е.Т. Соколова, Д. Макаровиц, М. Браун-Галковска, В. Ковальский*);

– отвержение – принятие (А. Роэ, М. Сегелман, А.И. Захаров, Д.И. Исаев, А.Я. Варга, *Н. Штирман, А.Е. Личко, Е.Г. Эйдемиллер, Е.Т. Соколова, Л. Каннер, М. Фитс-Симонс*);

– требовательность (Е. Маккоби, О. Коннер, П. Слатер, *Л. Ковар, А. Роэ, Д. Макаровиц, М. Браун-Галковска*);

– степень эмоциональной близости, привязанности (Дж. Боулби, Р. Шпиц, Г. Хоментаскас, *В.И. Гарбузов, А.Е. Личко, Е.Г. Эйдемиллер, Л. Ковар, Л. Каннер, М. Фитс-Симонс, Е. Шеффер, М. Браун-Галковска, В. Ковальский, М. Пилькевич, П. Слатер*);

– строгость (Е. Маккоби, П. Слатер, *Л. Ковар*);

– непоследовательность – последовательность (С. Броуди, Е. Маккоби, У.-Х. Севелла, А.И. Захаров).

На наш взгляд, следует выделить еще и такие параметры детско-родительских отношений, как «доминирование – подчинение» (Л. Ковар, Е.Т. Соколова, А.Е. Личко, Е.Г. Эйдемиллер, М. Арутюнян, А.Я. Варга, А.С. Спиваковская), а, так же предложенный А. Фрейд – «степень удовлетворения потребностей ребенка».

Чаще всего в психолого-педагогических исследованиях для определения и анализа родительского отношения используются два критерия: степень эмоциональной близости, теплоты родителей (любовь, принятие, тепло или эмоциональное отвержение) и степень контроля за его поведением (высокая – с большим количеством ограничений, запретов; низкая – с минимальными запретительными тенденциями). При этом учет сочетания крайних вариантов проявления этих факторов позволяет более точно охарактеризовать родительское отношение и соответствующее поведение по отношению к ребенку [181, с. 89]. В целом, содержание родительского отношения противоречиво, так как в нем сосуществуют в различной пропорции противоположные элементы эмоционально-ценностного отношения [211].

Система родительских диспозиций личности, в совокупности с направленностью личности, как обобщенной, относительно устойчивой мотивационной тенденцией, занятой по отношению к партнеру общения, образуют стиль родительского отношения, или стиль воспитания [181, с. 89]. Являясь своеобразной квинтэссенцией остальных структурных компонентов родительства, он наиболее очевиден, доступен для внешнего наблюдения. В силу своей очевидности он важен, прежде всего, для самого ребенка,

так как он детерминирует родительскую роль и в целом оказывает влияние развитие на ребенка и его становление как личности [166, с. 22].

В настоящее время наиболее популярна классификация стилей родительского воспитания Дианы Бомринд [261], которой следуют многие, как зарубежные, так и отечественные авторы [9, 122, 137, 143, 244, 273].

Она установила, что существуют несколько стилей родительского воспитания. Так, авторитарный стиль предполагает, что главное – обеспечить абсолютное послушание ребенка. Согласно Д. Бомрид, существует две разновидности авторитарного стиля: а) авторитарный – неотвергающий, когда родители строго следят за соблюдением правил, не поощряют независимость и индивидуальность ребенка, не скрывают гнева и требуют конформизма, и авторитарный – отвергающий, когда они не только авторитарны, но вдобавок отвергают своих детей и предпринимают весьма незначительные попытки стимулировать развитие детского ума; б) авторитетный стиль, который характеризуется тем, что родители устанавливают строгие правила, но меняют их по договоренности с ребенком. Они ценят индивидуальность и точку зрения своего ребенка; в) либеральный стиль, для родителей, которые его практикуют, главное – обеспечить детей всем необходимым и удовлетворить все их желания. Такие родители не стремятся наказывать ребенка и принимают его своеволия и считают, что он сам должен регулировать свое поведение.

Вместе с тем, А.И. Антонов и В.М. Медков отмечают, что «фиксация лишь внешних фактов поведения недостаточна, надо учитывать и внутренние факты, социально-психологические структуры – ценностные ориентации личности, ее установки, мотивы и потребности» [13, с. 210]. Дело в том, что родительское поведение выражается не только во внешних поступках, событиях детско-родительских отношений, но и в изменении внутренних структур личности родителя. Следовательно, структура родительского поведения с необходимостью включает в себя и всю совокупность его регуляторов, в том числе и на уровне личности, и их взаимодействие между собой.

На наш взгляд, концепция диспозиционной регуляции поведения, предложенная В.А. Ядовым, разрешает задачу моделирования структуры поведения, в том числе и родительского. Ее, в самом общем виде, можно представить следующим образом:

ПОТРЕБНОСТИ – ДИСПОЗИЦИИ – СИТУАЦИЯ

В центре этой модели – система диспозиций (предрасположенности личности к восприятию условий деятельности), благодаря которой оцениваются ситуации повседневной жизни с точки зрения возможности удовлетворения потребности, специфической для данного вида поведения.

Применительно к родительскому поведению такой специфической потребностью является потребность в родительстве. Ситуация либо способствует, либо препятствует ее удовлетворению, но не прямо, а через сис-

тему диспозиций и конкретно – через систему ценностных ориентаций. Оценка обуславливает принятие того или иного решения и последующее за ней поведение.

Заметим, что в ситуацию реализации родительства включен самый широкий круг макро- и микросоциальных факторов: социально-экономическая ситуация развития общества, материальное положение конкретной семьи, состояние супружеских отношений, число детей в семье и их возраст и многие другие [203, с. 15]. Таким элементом ситуации становится и пол ребенка. При этом различия в поведении обнаруживаются не только между мужчинами (отцами) и женщинами (матерями), но и по отношению к полу ребенка – мальчик (сын) или девочка (дочь). Как полагает Т.В. Бендас [25, с. 320], эти различия могут обнаруживаться в следующем:

- в использовании инструментального или экспрессивного лидерского стиля;
- в степени грубого физического взаимодействия;
- в различной сенситивности к проявлениям эмоций у детей;
- в проявлении либо взаимности, либо властной ассертивности при предъявлении требований;
- в конфронтации и дисциплине;
- в обучении и информировании детей.

В качестве иллюстрации кратко рассмотрим только некоторые из этих положений.

Так, на протяжении первого года жизни отцы, в отличие от матерей, почти не взаимодействуют ни с сыновьями, ни с дочерьми [137, с. 323]. В течение первых месяцев жизни мать чаще находится в физическом контакте с мальчиками, однако, с девочками они больше разговаривают. После шестого месяца в этих отношениях наступают изменения: у матерей увеличивается физический контакт с девочками. При этом мальчиков отлучают от физического контакта раньше, чем девочек [91, с. 277]. В старшем возрасте матери уделяют больше внимания дочерям [215, с. 174], а отцы проявляют большую активность во взаимоотношениях с сыновьями [22, с. 177]. Отмечают, что родители более требовательны к сыновьям, чем к дочерям. Вследствие этого, сыновья более дистанцированы от родителей, чем дочери [5, с. 78]. Вместе с тем, отцы больше контролируют сыновей. А матери – дочерей [22, с. 177]. Кроме того, отцы предпочитают физические наказания, а матери – непрямые и психические. Вместе с тем, мальчиков чаще подвергают физическим наказаниям, чем девочек [91, с. 282]. Родители поощряют дочерей выражать свои чувства, а сыновей – контролировать эмоции. Дочерей воспитывают так, чтобы они умели устанавливать хорошие отношения с окружающими, а сыновей учат быть независимыми [26, с. 103].

Все это может свидетельствовать о том, что отношения родителей и детей носят, в том числе, и гендерный характер.

Таким образом, на уровне личности родительство предстает перед нами, и как социально-психологическое образование в личности – система диспозиций – выражающих готовность действовать в отношении ребенка тем или иным образом, в совокупности с соответствующей мотивацией, и как реальное поведение, наиболее зримо являющее себя в стиле родительского воспитания.

При этом не следует забывать, что родителей и детей объединяют не только родственные узы, но и сложные социально-экономические, нравственные и функциональные зависимости. Именно они диктуют смысл ради чего в ту или иную эпоху родителям нужны дети, а детям – родители. И, как отмечает В.В. Бойко, «при всем кажущемся постоянстве родительских уз они меняются вместе с общественными формациями, этапами развития социальной системы, подвержены влиянию идеологии, распространенных видов деятельности и модных человеческих качеств» [32, с. 33]. Не вызывает сомнения тот факт, что существуют огромные социально-исторические и межкультурные различия в природе и иерархии родительских ценностей, представлениях о том, чего можно и чего нельзя ожидать от детей, и какие средства ведут к достижению желаемой цели. Без учета культурно-символической стороны дела невозможно, по словам И.С. Кона, понять, как объективные потребности социума в определенном уровне рождаемости и воспроизводстве половозрастной структуры населения претворяются в мотивационные силы индивидуального поведения [132, с. 255].

В связи с этим, нам представляется необходимым исследовать социокультурную эволюцию родительства как особого типа специфически человеческого поведения.

3. ОТЦОВСТВО И МАТЕРИНСТВО В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ СЕМЬИ

У млекопитающих, в том числе и у человека, участие самца в выращивании потомства и дифференциация отцовской и материнской функции тесно связано с видовыми особенностями, в частности с длительностью периода роста и созревания и экологическими условиями. Материнство, как правило, предполагает не только зачатие, но и вскармливание, выращивание потомства, а отцовство у многих видов сводится практически только к акту оплодотворения. Однако родительские вклады самца и самки следует сравнивать не столько количественно сколько качественно. У высших животных отец, если он вообще участвует в выращивании потомства, в отличие от матери, осуществляющий физический уход, выхаживание и заботу о детях, выполняет функцию защиты от внешней опасности, и в большей или меньшей степени, отвечают за жизнеобеспечение [133, с. 463–464] У человека тоже существует выраженное неравенство

между двумя полами в отношении минимального вклада, необходимого для продолжения рода. Если наименьший вклад женщины в репродукцию равен девяти месяцам (продолжительность беременности), то минимальное время, необходимое мужчине для продолжения рода, может ограничиться несколькими минутами. Обязательная часть репродуктивной функции мужчины заключается лишь в эякуляции спермы во влагалище фертильной женщины и ни в чем более.

Но в тех условиях, в которых жили наши предки, женщина должна была потратить намного больше девяти месяцев, чтобы быть уверенной в жизнеспособности своего потомства. Уже в примитивной обстановке для воспитания потомства было характерно хотя бы несколько лет заботы и ухода, а затем – еще больший срок содержания на иждивении [169, с. 152].

Существует мнение, что в ходе развития человека из гоминид существовало давление эволюционного отбора в сторону предпочтения тех форм, которые вносили больший вклад в заботу о потомстве [236, с. 547].

Можно предположить, что, уже в переходный период к возникновению человека длительная привязанность ребенка к матери (т.е. матрилинейная социальная связь, которую можно обнаружить уже у шимпанзе), в результате постепенного включения в семью мужчины нашла свое завершение в семейном союзе брачного типа. Такого рода семейно организованный союз родителей и детей сделал возможным просоциальное инвестирование (в смысле родственного отбора) в свое потомство. Это инвестирование, сочетавшееся с тесной и длительной привязанностью к родителям со стороны детей, создало предпосылки для более длительного периода детства и юности, в ходе которого осваиваются способности, отличающие *Homo sapiens* от других видов, – такие, как способности к представлению и мышлению, речевому общению и представлению о времени [там же, с. 548].

Из-за длительной зависимости и уязвимости детей у гоминид выживание потомства подвергалось большому риску, если образовавший с матерью пару самец не снабжал их продовольствием [169, с. 173].

По меньшей мере два обстоятельства способствовали включению предмужчин в материнско-детскую группу.

Во-первых, наши древние предки жили социальными группами. Жизнь в группах выполняет защитную функцию и обеспечивает ресурсами. Однако эти функции первобытное стадо могло выполнять только в условиях относительно бесконфликтного существования внутри группы. Вместе с тем, в первобытном стаде предлюдей существовал промискуитет, т.е. имели место неупорядоченные половые отношения, когда самцы спаривались поочередно с разными самками [там же, с. 216]. Кроме того, число взрослых самцов в стаде превышало число взрослых самок, поэтому значительная часть конфликтов имело своей основой соперничество из-за самок. Пока у самок был эструс, они не могли выбирать время спаривания. Им был безразличен состав и число партнеров. С исчезновением эструса

предженщины получили возможность выбирать время спаривания, отвергать домогательства партнеров или уступать им [201, с. 111]. Однако предмужчины в общем и целом доминировали над предженщинами, последние нередко выступали как простые объекты удовлетворения потребностей первых. Образование пар было не чем иным, как монополизацией самок доминирующими самцами [там же, с. 115].

Другое обстоятельство связано с разделением труда по признаку пола. На протяжении многих тысяч лет люди вели образ жизни охотников и собирателей. Собирательством обычно занимались женщины, находясь в близости от опорного пункта, а охота была прерогативой мужчин, и могла потребовать передвижения в течение дней нескольких или даже недель [169, с. 173].

Совершенствование деятельности по добыванию пищи имело своим следствием увеличение значения охоты, которая постепенно стала превращаться в основной источник пищи для формирующихся людей.

Развитие охоты неизбежно сопровождалось увеличением зависимости ее результатов от сплоченности первобытной общины. Так как главным источником столкновений были анонимные отношения между полами, то фактором, препятствующим полному уничтожению сообщества предчеловеков, стало введение норм, регулирующих половые отношения и создание устойчивых парных связей [201, с. 119]. Впервые такие нормы возникают с появлением группового брака, представляющего собой союз двух родов, который обеспечивал половые отношения между ними [91, с. 42].

Формой общежития являлась родовая коммуна, которая, помимо мужской и женской групп, включала и детскую [201, с. 152]. Заметим, что отношения в такой коммуне еще не были персонифицированы: существовали отношения не «личность – личность», а «группа – группа» [91, с. 42].

В условиях группового брака постепенно возникали права и обязанности по обеспечению потомства и воспитанию детей и подростков. Все дети находились в женской группе, и лишь повзрослев, мальчики переходили в группу мужчин. Ведущая роль в таком союзе принадлежала женщинам, однако, это было связано не с их главенством, а с многофункциональностью их роли в поддержании стабильности группы и ее воспроизводстве [265, с. 87].

Отличительной чертой человеческих сообществ является то, что их жизнь управляется не инстинктами, а адаптивными нормами жизнедеятельности, которые усваиваются в процессе социализации. В условиях группового брака приобщение потомства к этим нормам осуществляли не кровные родители, а функция родительства распространялась на весь род-племя, на старших представителей рода [13, с. 95]. При этом детей поощряли считать себя принадлежащим к группе как целому. В таких условиях, по мнению И.С. Кона, «исключительная индивидуальная привязанность между ребенком и его физическими родителями ... не может возникнуть и поддерживаться»

[132, с. 253]. Потребовалась длительная эволюция для выделения и детализации социальных ролей матери и отца, других родственных уз.

Следует обратить внимание на то, что в примитивных человеческих обществах особым образом проходил переход юношей в мужскую психологическую группу. «Во всяком случае, – по замечанию В.Н. Дружинина, – он проходил сложнее и болезненней, чем переход девушек в группу взрослых, если учитывать структуру психологической близости мужской, женской и детской группы» [91, с. 42]. По мнению М. Мид, это было связано с тем, что требовались особые социальные усилия, чтобы мужчина выполнял обязанность кормить семью и детей, поскольку у этой социальной обязанности нет биологического механизма, между тем, как материнская обязанность к ребенку природная. Поэтому каждое поколение молодых мужчин должно было учиться родительскому поведению: их биологическая роль дополняется социальной, выученной родительской ролью [152, с. 321].

Уже в первобытных обществах отношения между взрослыми его членами и детьми представляли собой достаточно сложную и весьма устойчивую систему. Хотя они и зависели, в значительной степени, от внешних регуляторов, но были точно «подогнаны» к условиям жизни тех или иных первобытных населений [47, с. 54].

Несколько позднее сложились пуналуальная семья – групповой брак, охватывающий братьев с их женами или группу сестер с их мужьями; затем сформировался полигамный брак: многоженство, многомужество.

Следующим этапом развития брачно-семейных отношений явился моногамный брак, однако, для возникновения семьи было необходимо наличие экономики и собственности, отношений власти и подчинения, укорененных в сложно-иерархической социальной структуре [13, с. 97].

Значение экономики как главного фактора, определяющего изменение форм брака и семьи, наиболее ярко проявляется при переходе от полигамии к единобрачию [233, с. 86].

С возникновением частной собственности и меновой торговли постепенно на первый план выдвигается мужчина. Если в парной семье и мужчина, и женщина участвовали по мере своих сил в создании материальных и бытовых благ, то теперь постепенно женщина утрачивает свое положение, и мужчина захватывает бразды правления в свои руки. Задача женщины сводится к рождению детей, которые будут наследовать имущество отца [244, с. 51].

Ф. Энгельс высказал предположение, что моногамная семья «основывается на господстве мужа с определенно выраженной целью родить детей, происхождение которых от определенного отца не подлежит сомнению, эта бесспорность происхождения необходима потому, что дети со временем в качестве прямых наследников должны вступить во владение отцовским имуществом» [150, с. 65].

Следовательно, возникновение моногамной семьи было прямым последствием возникновения частной собственности: ведь материнство всегда достоверно известно, а отцовство – нет. Единственный «надежный» способ для мужчины получить в наследники своего собственного ребенка – жестко контролировать и ограничивать женщину [244, с. 51].

И хотя подчиненной стороной в собственническом моногамном браке является женщина, – мужчина соединен с ней как супруг, но противостоит ей как господин [233, с. 87], – однако патриархат, по своей психологической сути «выражает не власть мужа, а власть отца, поскольку связан с наследственным правом» [244, с. 52].

Таким образом, решающую роль в победе семьи сыграла возможность расширения сферы личной собственности в условиях производящей экономики и превращения семьи в самообеспечивающуюся хозяйственную единицу, возникновения наследуемого имущественного неравенства, эксплуатации человека человеком, неизвестных родовому строю. Однако семьей, в современном смысле этого слова, она стала только тогда, когда объединила в себе все этапы воспроизводства поколений от зачатия до смерти [47, с. 67–58].

При рабовладельческом строе семья включала в себя не только парную семью с домочадцами, но и рабов, и имущество, домашних животных. Являясь полифункциональной (хотя ядром широкого круга выполняемых ею функций было воспроизводство населения), она была, чуть ли не единственной формой бытия личности: производство, обучение, отдых – все совершалось в семье. Даже физическое выживание зависело от принадлежности к семейному клану, так что весь строй жизни определял ориентацию личности на семью, ибо только она обеспечивала индивидуальное благополучие [13, с. 98].

Возникновение городской цивилизации, развитие навыков письма и чтения привели к появлению (в Вавилоне и Египте) письменных законов о браке. Письменные памятники свидетельствуют о том, что уже в те времена он носил экономический характер, а романтические отношения, хотя и играли в браках определенную роль, все же в первую очередь учитывались финансовые соображения [244, с. 54]. В Древнем Израиле мужчина в семье нередко был деспотом, но женщина все же имела огромное влияние на воспитание ребенка, она полностью посвящала себя семье. Дети считались благословением, а сознательный отказ от деторождения считался преступлением [141, с. 209].

Отказ от паритета во взаимоотношениях мужа и жены происходил постепенно: и если сначала брак имел открытый характер, а женщина обладала определенными правами и свободами, то уже в Афинах классического периода жена считалась юридически и финансово зависимой от мужа. В ее обязанности входил уход за детьми и поддержание «в чистоте» семейного рода. Муж имел право убить жену, если она ему изменила. При этом зна-

чение женщины принижалось, а супружеская любовь нередко придавалась осмеянию.

Согласно законам древнего Рима, женщина, соединяясь с мужчиной узами законного брака, становилась частью его имущества. Мужья обладали над ней всей полнотой власти, и им предписывалось управлять своими женами как необходимым своим имуществом. Женам же полагалось полностью приспособляться к характеру своих супругов. Законы Рима гласили, что брак существует исключительно ради деторождения, при этом все дети, рожденные в браке, составляли собственность отца [89]. В республиканском Риме отец семьи (*pater familias*) по-настоящему считался воспитателем ребенка лишь с семилетнего возраста, тогда как в раннем детстве все заботы о ребенке ложились на плечи матери. Но уже в период распада Римской империи происходит не только значительное ослабление отцовской власти, но все чаще супружеская пара предпочитает оставаться бездетной или отказывается уже от рожденных детей [141, с. 209].

В.Н. Дружинин [91] предложил модель семьи, в основу которой он полагает тип религии, господствующий в обществе: язычество или христианство. Согласно его модели, дохристианская семья выглядела следующим образом: родители (отец и мать) могли находиться в различных отношениях: доминирования – подчинения или отрицания – конфликта. В первом случае были возможны патриархальный и матриархальный варианты. Во втором случае имело место равенство, но как результат противоречия разных сущностей, их борьбы.

В целом, в дохристианской семье родители, как целое, противостояли детям, а дети – всегда находились в подчинении [91, с. 52–53]. При этом, отношения «дети – родители» в дохристианской культуре напоминали отношения «раб – господин» [88, с. 36].

Долгое время убийства детей родителями считались нормой, но уже на исходе язычества детоубийства осознаются как недопустимо грубые, варварские. Хотя практика их еще продолжалась, однако, они уже не носили массовый характер, как во времена варварства, и рассматривались скорее как социальная девиация, чем как норма [47, с. 58].

Христианство радикально изменило многие законы о браке, доставшие ему в «наследство» от языческого Рима. Оно рассматривало человека как образ и подобие Божие, обладающего неотчуждаемым достоинством богосыновства в силу самой своей принадлежности к человеческому роду. Такой взгляд распространялся и на личность ребенка. В связи с этим, за детьми закрепляются определенные права, которые становились священными и в глазах отца. Возникает другое начало в отношениях родителей и детей, – на первый план выдвигается их охрана и защита. Ко времени Юстиниана относится постановление, в силу которого дети отца, который забывает свои обязанности или принимает дисциплинарные меры не в интересах детей, могут быть эмансипированы против воли родителей. Это

постановление исходит из убеждения в том, что ребенка необходимо воспитывать, и именно этим утверждает отцовскую власть над ним. Причем власть эта может быть оправдана только в пределах неопытности и беззащитности ребенка [116, с. 82–83].

Христианская Церковь была инициатором введения ответственности родителей за детоубийство. Причем осуждению подвергались не только убийцы рожденных младенцев, но и сам факт аборта (даже препятствие к зачатию, сначала существующее только в древнеиудейской демографической практике) стал рассматриваться как социальная девиация.

В период Средневековья происходит постепенная либерализация брака: становятся возможными браки, основанные на добровольной основе. Однако на женщину все еще продолжали смотреть, следуя Аристотелю, как на испорченный вариант мужчины, но уже не как на вещь, в связи с чем, детей воспитывают в большем почтении к отцу, чем к матери [89]. Зависимость детей от родителей продолжает носить жесткий характер, в родительском доме они всего лишь послушные и верные вассалы [248, с. 297]. Это, впрочем, не означает, что «человеку прошлого были чужды какие-либо чувства к детям, но эмоциональная сторона отношений родителям к детям не была развита» [47, с. 190].

Это было связано с тем, что семья в доиндустриальном обществе не была автономной структурой, а включалась в более широкие социальные структуры, – родовые, общинные, цеховые. Она была более институтом производства, чем воспроизводства. По мнению М.Р. Рабжаевой, «социализация детей не только не была основной функцией семьи, но зачастую не являлась семейной функцией» [185, с. 167]. В связи с чем, поведение человека было «жестко запрограммировано и ориентировано не на конечный результат, а непосредственно на определенный образ действия, который был для него одновременно и целью, и средством» [47, с. 172–173].

Дальнейшая эволюция семьи была связана с развитием капитализма. Э. Фромм определяет капитализм, как экономическую систему, общие черты которой сводятся к следующему: 1) существование политических и юридических свобод людей; продажа этими свободными людьми (рабочими и служащими) своей рабочей силы на рынке труда владельцу капитала – по контракту; 3) наличие товарного рынка как механизма, определяющего цены и регулирующего обмен общественного продукта; 4) принцип, согласно которому каждый индивид действует, стремясь добиться пользы для себя лично, при этом предполагается, что конкуренция многих должна принести выгоду всем [231, с. 202].

Развитие капитализма породило относительную доступность материальных и духовных благ, принесло с собой невиданную ранее дифференциацию человеческой деятельности, что вело к непрерывному возникновению и развитию разнообразных потребностей. Был создан мир, в котором каждому поступку должен был предшествовать выбор одной из многих,

зачастую конкурировавших между собой возможностей. Все это способствовало тому, что поведение, в основе которого лежит непреложное следование традиционному образцу, вытесняется поведением, в основе которого лежит рациональная мотивация каждого поступка [47, с. 64].

Семья утрачивает свою ведущую роль в качестве основной производственной ячейки общества, а «индустриализация и промышленное производство, втягивает всех членов семьи из лоно семейного производства в сферу наемного труда» [13, с. 99].

При капитализме (особенно на ранних этапах его развития) все еще сохраняется «потребность в неравноправном и подчиненном положении женщины как гарантии прочности и незыблемости собственнической семьи» [149, с. 168]. Сохранялась зависимость наследственного права с деторождением. Поэтому строгое соблюдение замужней женщиной сексуальной верности мужу и добрачное целомудрие девушки, рассматривалось как условие отцовского попечения над ее детьми, и как условие законного закрепления брака. Такая идеология сексуального контроля мужчины над женщиной, являлась выражением экономических интересов, господствующих в обществе мужчин [187, с. 68].

С XVII и особенно в XVIII веке усилился индивидуализм, что привело к нуклеаризации семьи, которая представляла теперь ячейку, состоящую из мужа и жены и находящихся на их иждивении детей. В основу браков все чаще полагали романтическую любовь, а отношения между супругами и детьми стали теснее, с оттенком домашней уединенности [89, 102, 219, 271]. В обществе укрепляются представления о женщинах как «естественно опекающих» и о мужчинах, как о «кормильцах» [219, с. 181]. Но капитализм, нуждаясь в дешевой рабочей силе, все энергичнее вовлекал женщин в производство, тем самым закладывая основы их экономической независимости [233, с. 94]. Постепенно дети перестают играть свою экономическую роль, утрачивают смысл в качестве рабочей силы и трудовых ресурсов для семьи [13, с. 99]. Удлиняется период их социализации. Детство и подростковость окончательно закрепляются как социальные феномены [19, с. 409]. Увеличиваются экономические затраты родителей на детей, они все чаще рассматриваются как «финансовые обязательства» – в противоположность «экономическому активу», который они представляли в обществах, где использовался детский труд. Изменяется их статус внутри семьи, и если раньше они были собственностью отца, то постепенно на них стали смотреть как на иждивенцев, нуждающихся в заботе и защите [219, с. 164].

Новая этика и новый эмоциональный строй отношений родителей и детей были одним из итогов многообразных процессов, преобразовавших европейское общество по мере того, как оно все дальше уходило от средневековья. Если раньше родительские чувства не воспринимались как добродетель, а их проявление зачастую считалось неприемлемым, то теперь развивается детоцентрическая ориентация семьи и общества, выдвигающая

на первый план ответственность родителей за судьбу детей и это становится частью этического кодекса [47, с. 194].

Для России, как и для Европейского Запада, языческая семья явилась исторически первой формой брачно-семейных отношений.

По мнению В.Я. Стоюнина, древнерусская языческая семья не составляла отдельной, независимой единицы. Она была частью целого рода, который состоял из многих семей, тесно связанных между собой общностью происхождения от одного предка и признававших власть старшего в роде. Главой семьи был, как правило, старший мужчина, он же представлял интересы своих домочадцев перед внешним семье миром, т.е. родом. Род умерял неограниченную власть отца над семьей. У каждой семьи кроме своих семейных интересов был еще интерес жизни общей, родовой, потому что каждый имел значение не сам по себе, как личность, а по своему роду. Кто не хотел подчиниться общим требованиям, тот должен был оставить свой род, – он извергался из его среды и ни к какому роду не мог пристать, потому что везде оказывали честь чужому человеку только по его роду. Таким образом, каждая семья была в зависимости от своего рода, каждый член семьи воспитывался в уважении к роду, который составлял одну общину по отношению к той земле, какой владел [213, с. 26–27].

В.Н. Дружинин полагает, что отношения между мужем и женой в такой семье строились на изначальной конфликтности [91, с. 49].

Это определялось двумя обстоятельствами. Во-первых, в славянском язычестве женщина не являлась существом, подчиненным мужчине: и до брака, и в браке, она обладала свободой [184, с. 70]; во-вторых, супруги, как правило, происходили из разных, нередко конфликтующих между собой родов. В таком случае их отношения в браке зачастую носили оттенок скрытой вражды и конфликтности [91, с. 50].

По мнению В.Г. Иваницкого, разделение между мужскими и женскими функциями в семье происходило не по ролям, а территориально. Мужчина отвечал за внешнее природное и социальное пространство, а женщина доминировала во внутреннем пространстве, в доме и семье. Власть мужчины в семье как мужа и отца ограничивалась еще и тем, что фактическое руководство семьей принадлежало большухе (наиболее трудоспособной и опытной женщине) обычно жене отца или старшего сына, ей подчинялись все младшие мужчины семьи [105, с. 162]. Вместе с тем, родители (как целое) противостояли детям, одно поколение боролось с другим [91, с. 54].

Большинство исследователей полагают, что развитие брачно-семейных отношений на Руси происходило от больших семей, в VI–VIII вв., к экономически и юридически самостоятельным малым семьям в XI–XII вв. [246, с. 218–219]. По всей видимости, уже к XII–XIII вв. начинается вытеснение большесемейных отношений. Исследователи говорят о появлении семьи малого типа как среди княжеских и боярских семей, так и среди свободных общинников и полузависимых крестьян [184, с. 86].

Так же, как и на Западе, структура индивидуальной семьи, ее внутренняя организация в эпоху средневековья складывались под воздействием развивающегося христианства, а генезис супружеских и детско-родительских отношений в семье регулировался нормами христианской морали [201, 247].

Основу православной церковной концепции семьи составлял тезис о святости супружества. Однако брак рассматривался как непреодолимое и неизбежное зло, а целомудрие преподавалось как путь ко спасению души. В связи с чем, в теологическую концепцию семьи постепенно проникала идея аскезы, как идеала супружеских отношений [225, с. 66]. Церковь не только пыталась ограничивать генитальные контакты между супругами [184, с. 88], она внедряла в повседневную жизнь венчанное единобрачие [194, с. 193] и постепенный отказ от практики разводов [там же, с. 200].

Принятие христианства привело также к установлению патриархата, – господства мужчины в семье, когда отец семейства становился властителем своей жены и детей [213, с. 26]. При этом, власть мужа над женой и детьми представлялась как идеал. Женщина в супружеской чете должна была быть покорной, тихой, безмолвной [184, с. 87].

Согласно православной концепции, величайшим благом для семьи были дети: именно их рождение оправдывало «несовершенство» сексуальных отношений в браке. Кроме того, церковь поощряла многодетность, а детоубийство, попытки избежать беременности или прервать ее сурово наказывались [184, 194, 225].

Хотя процесс христианизации Руси был долгим и болезненным, в городах он завершился уже к началу XVI века. Это нашло свое отражение в московском памятнике семейно-бытовой мысли «Домострое». Его автор, – Сильвестр, – был современником Ивана Грозного и умер в 1566 году, представляя семью, оперирует понятием «дом», как неким единым хозяйственным и психологическим целым, члены которого, хотя и находятся в отношениях господства-подчинения, но равно необходимы для нормальной жизни домашнего организма. Дом имеет зримую границу – высокий забор вокруг усадьбы. В такой усадьбе жило все семейное сообщество, включая домочадцев и слуг. Обязанность главы дома – забота о благосостоянии дома и воспитании, в том числе и духовном, его членов. Жена обязана сама заниматься рукоделем и знать всю домашнюю работу с тем, чтобы учить и контролировать слуг. Кроме того, она занимается воспитанием и обучением дочерей (воспитание и обучение сыновей – обязанность отца). Хотя отец семейства является «господином дома», все решения, связанные с «домовым строением», муж и жена принимают совместно, причем семейные проблемы они должны обсуждать ежедневно и наедине. При всем при этом жене рекомендуется «мужу уноровить», т.е. поступать сообразно с его желаниями и представлениями.

Согласно Сильвестру дети – дар Божий, которых надо любить. Причем любовь к детям автор рассматривает как вполне естественное чувство, Однако, по своему положению в семье они ближе к слугам, чем к родителям. Главная обязанность детей «угождать родителям своим во всяком добром замысле» [90, с. 88], которая выражается в полном послушании им в детстве и юности, в заботе о них в старости. Основа родительского воспитания – страх Божий. Лучшими воспитательными средствами признаются запреты: «воспитывай детей в запретах и найдешь в них покой и благословение» [там же, с. 86]. Однако при этом не следует пренебрегать поучениями и наставлениями. Отношения с детьми должны быть умеренно жесткими, но равными: «в малом послабишь – в большем пострадаешь, скорбя» [там же]. Детей, в случае их грубых провинностей*, предписывалось наказывать физически: «не жалея, младенца бия: если железом накажешь его, не умрет, но здоровее будет» [там же]. Вместе с тем, бить следует только за большую вину, наедине и притом «примолвить» и «пожалеть».

Уже к концу XVII в. внимательные, доверительные и уважительные отношения между родителями и их «чадами» считаются нормой, что характеризует зачатки нарождающегося в России индивидуализма и гуманизма [248, с. 331]. В первой половине XVIII в. и вплоть до начала XX в. формы семейной жизни во всех сословных группах постепенно менялись. Сначала дворянство, а затем интеллигенция, мещане прошли путь от составной сложной семьи к малой (нуклеарной) семье, так что к концу XIX в. малая семья в России стала основной и единственной формой массовой организации семейной жизни в городе [185, с. 167].

А.Н. Остроградский так описывает русскую дореформенную семью: «В прежней семейной жизни было более домоседства в жизни родителей. Утро отцов уходило на службу или другие дела, вечер, после обеда, посвящался семье. Родители часто сами учили своих детей начаткам учения, дочери помогали матери в ее хозяйственных хлопотах и в уходе за младшими, к обеду и чаю собиралась вся семья, велись общие разговоры; шли дети играть во двор, за ними нередко шел и отец, чтобы принять участие в лапте или пускании змея. Дети прежде больше пользовались обществом своих родителей, что семейный круг жил теснее, одной общей жизнью» [168, с. 144].

С изменением условий общественной жизни, изменилась и жизнь семейная. Теперь отцу приходится больше работать, посвящать работе часть времени, которое предки отдавали семье. Детей стали отдавать в школу. Теперь они меньше времени проводят с родителями, главным образом, в ранние годы детства, а позже, лет уже с 10–12, дети подвергаются обильным внешним воздействиям. Это приводит к тому, что от внимания родителей ускользает период перехода их в юношеский возраст. Возросла вне-семейная активность женщин. Теперь у каждого из членов семьи появи-

* Сквернословие, срамословие, ярость, гнев, злопамятство.

лись «свои интересы, свое общество, свои избранники и друзья, свое счастье»; собрать за чайным столом семью стало невозможно» [там же, с. 145]. Хотя власть отца была значительно ограничена общественным мнением, юридически он продолжает оставаться главой и распорядителем семьи, однако, ввиду служебной занятости он часто отсутствует в семье и не может быть ее руководителем; кроме того, отец фактически отлучен от детей. Женщина становится центром семьи: «тон семейной жизни, ее уклад определяется женщинами» [116, с. 84]. Вместе с тем, ее положение в семье, с правовой точки зрения, недостаточно ясно, что, по мнению П.Ф. Каптерева, «препятствует установлению правильных отношений с детьми» [там же, с. 86]. При этом, общественное мнение рассматривает отца как представителя закона, авторитета и строгости, а матери – нежности, снисходительности и любви: «поэтому симпатия детей на стороне матери, а боязливость и недоверие нередки в отношениях к отцу» [там же, с. 99].

П.Ф. Каптерев одним из первых указал на противоречия семейного воспитания. Он пишет, что главная добродетель, к которой приучают детей родители, – послушание. [114, с. 206]* Вместе с тем, дети в семье уже не чувствуют себя слугами, они числят за собой не только обязанности, но и права, которые при случае смело предъявляют родителю. Появляются «господа» – дети, которым все должны в доме служить; они становятся центром семейной жизни, а родители отодвигаются на второй план [там же, с. 209]. Положение с семейным воспитанием усугубляется еще и тем, что дети, достигнув известных лет, все меньше и меньше времени проводят в семье: их наставниками становятся педагоги и казенные воспитатели.

Если городская семья трансформировалась в соответствии с устоявшимися к тому времени европейскими культурными стандартами, то крестьянская семья, по образному выражению Б.Н. Миронова, длительное время была как бы «законсервирована» [155, с. 226]. Исследователи, анализируя ее историческое развитие, пришли к выводу о том, что в течение XVII – начале XX в. крестьянская семья не претерпела существенных изменений [140, 155, 185]. Незначительные перемены затронули лишь некоторые губернии с развитым отходничеством, которые лежали вблизи столиц и крупных городов и были связаны с последними тесными экономическими, торговыми и культурными отношениями [155, с. 101–102].

Дело в том, что русская крестьянская семья жила в рамках и под опекой крестьянской общины (мира), которая и представляла собой малую социальную группу, имела сравнительно большую численность.

По мнению Б.Н. Миронова, к важным особенностям общины следует отнести громадную роль общественного мнения и эффективную систему

* П.Ф. Каптерев рассматривает послушание как состояние неприятное, связанное с лишением свободы, предполагающее обязанность жить по чужой воле и терпеть наказание любое за проявление своей личности. Он допускает его только в тех пределах, пока дети неопытны, не знают окружающего мира, а потому и не могут поступать разумно.

неофициального социального контроля, которые служили главным регулятором поведения крестьян, поглощенность личности общиной, принудительность и жесткая регламентация его хозяйственной и прочей жизни [там же, с. 220].

Крестьянская семья была как бы «слепком» с общины: преобладала большая отцовская семья, включающая три поколения. Она была не только родственным, но что не менее важно, хозяйственным союзом, основанным на разделении труда по половозрастному признаку, в котором главе семьи принадлежало доминирующее положение. Внутрисемейные отношения основывались на принципах иерархизма и неравенства: все принижены перед главой семьи, женщины – перед мужчинами, младшие – перед старшими, дети – перед взрослыми. В семье господствовал принудительный коллективизм и централизм, общие интересы семьи, в понимании их главой семьи. При этом индивидуальные интересы отдельных членов семьи в расчет не принимались. Женщина не имела голоса в семье и должна была беспрекословно слушаться своего мужа, он же относился к ней как работнице [там же, с. 216]. Насилие признавалось совершенно нормальной и главной формой воздействия. Физически наказывались дети, особенно часто маленькие; но розга не обходила вниманием и взрослых детей. Страдали от побоев и женщины. В крестьянских семьях отношения между родителями и детьми были, как правило, авторитарные [там же, с. 231]. В крестьянском мировоззрении отсутствовал пункт об ответственности родителей перед детьми, зато ответственность детей перед родителями существует в преувеличенном виде [там же, с. 215]. Как отмечает В.В. Бочаров, отношения между поколениями в традиционной русской общине характеризовались довольно сильной напряженностью, а иногда переходили в открытый конфликт [38, с. 170].

Впрочем, такой взгляд на отношения детей и родителей в традиционной крестьянской семье разделяют не все исследователи. Так Н.А. Миненко, полагает, что его следует признать тенденциозным, и замечает: «без взаимной доброты и привязанности невозможен был бы плодотворный труд, воспроизводство полноценного потомства, накопление и передача от поколения к поколению трудовых и культурных традиций» [153, с. 138]. Н.А. Миненко обращает внимание на то, что в крестьянской среде существовало уходящее своими корнями в глубокую древность требование народной этики – родителям содержать, воспитывать и довольствоваться своих детей. «Даже находясь в «совершенном» возрасте дети, по народным воззрениям, имели право на материальную поддержку со стороны родителей» [там же, с. 139].

Уважение к старшим по возрасту – к родителям, дедам и прадедам, к старшим в общине – было тем фундаментом, на котором строилось воспитание в крестьянской семье [140, 153, 185]. Воспитательные функции семьи сводились, прежде всего, к привитию детям трудовых навыков. Уже с восьми лет, а иногда и раньше, на ребенка возлагались хозяйственные

заботы: «мальчику поручаются хозяйственные работы вне дома, девочке – в доме. Ее рано усаживают дома прясть, ткать, вязать чулки, исполнять кухонные работы, ухаживать на дворе за скотиной, часто ухаживать за маленькими братьями и сестрами» [111, с. 57]. Помимо этого, отцом и матерью решалась задача воспитания в ребенке определенных нравственных качеств – в основном силой собственного примера [153, с. 139]. Здесь следует заметить, что уже к концу XVIII и особенно в XIX веке в крестьянской среде заметно ослабевает авторитет старших [61, с. 143].

Только к концу XIX в России формируется «пролетарский» тип семьи. Хотя ряд авторов (К.К. Баздырев, Г.В. Жирнова) полагают, что она представляла собой высший демократический тип семьи в дореволюционной России [21, 94], однако, воспитание детей в семьях рабочих вызывали особую тревогу уже у современников. В таких семьях «отец и мать ежедневно покидают своих детей, оставляя их на время фабричной работы попечениям отдаленных родственников, а нередко и без всякого попечения» [129, с. 21]. Нередко родители-рабочие оставляли своих детей не только без образования, но и без воспитания: многие дети были безнадзорны. Жилищная скученность, бедность, усугубляющаяся пьянством, оставляли мало возможностей для стабильной и счастливой жизни. Положение усугублялось еще и тем, что многие женщины-работницы были вынуждены прирабатывать проституцией [там же, с.169]. По этому поводу А.Ф. Кони заметил, что с городом связаны и «преждевременное половое развитие отроков и искусственно вызываемый им разврат юношей, под влиянием дурных примеров товарищей, своеобразного молодечества и широко развитой проституции, а также вредные развлечения, по большей части недоступные сельской жизни» [135, с. 465].

Долгое время для России были характерны браки по экономическим и социальным мотивам. Они не были основаны на любви, что, однако, не означало, невозможности индивидуальной любви, хотя она и считалась не существенной. Действовал принцип: «Стерпится – слюбится». Причем это было характерно для всех слоев населения [129, с. 165]. Ранняя брачность была свойственна в целом населению Европейской России, она являлась отражением особенностей брачности преобладающей его части – жителей села [220, с. 139]. На селе в браке были заинтересованы и семья, и община, и сами молодые люди. До брака крестьянский парень, сколько бы ему ни было лет, никем в деревне всерьез не принимался и находился в полном подчинении у старших. Он не имеет права голоса в семье, ни на крестьянском сходе – главном органе крестьянского самоуправления. Молодой человек становился полноправным «мужиком» только после женитьбы, а холостяков в деревне не любили и не уважали [154, с. 104]. Городское же население отличалось от сельского несколько более поздним вступлением в брак. Однако и для городского, и для сельского населения дореволюционной России брачность была не только ранней, но и почти всеобщей [220, с. 140].

Уже к концу XIX века сложилась ситуация, которую П.Ф. Каптерев обозначил как «кризис российской семьи». Это, по его мнению, проявилось в том, что «исчезают ранние браки, они становятся все более и более поздними. Кроме того, в обществе крепнет убеждение в необходимости легализации разводов, звучат мнения в ненужности семьи» [114, с. 209]. Сходные тенденции были обнаружены Райнхардом Зидером и в состоянии западноевропейской семьи на пороге XX века [102, с. 206].

Институт семьи в развитых странах Западной и Восточной Европы (включая страны бывшего СССР) и США, особенно после окончания второй мировой войны, претерпел значительные метаморфозы: возникли новые семейные структуры, перераспределились акценты в выполнении социальных и индивидуально-личностных функций, уменьшились позиции в отношении числа детей, изменились тенденции таких брачно-семейных отношений, как моногамия. Обычно говорят о том, что произошла смена концепций семейной жизни с традиционной на модернистскую, и все это на фоне ускоряющегося промышленного развития и урбанизации.

Согласно традиционной концепции семейной жизни, женщина является той стороной, которая несет главную ответственность за воспитание детей и уход за ними, по крайней мере, до того времени, как они начинают учиться в школе. В соответствии с этой концепцией считается, что, сколько бы времени отец ни проводил с детьми, это имеет второстепенное значение по сравнению с тем, сколько женщина проводит на работе и, следовательно, вне дома. Отсюда следует, что отец может работать, а мать – нет, исключением может быть занятость женщины неполный день; она должна оставить профессиональную деятельность, если этого потребует семья [188, с. 188].

Вместе с тем, в прошедшем веке (и особенно с конца 40-х и начала 50-х годов) эта четкая схема устойчивых стереотипов стремительно трансформировалась. Свершившимся фактом можно считать предоставление женщинам доступа к образованию на равной основе с мужчинами. Кроме того, в развитых странах появилось множество профессий в равной степени доступных и мужчинам, и женщинам. Все это привело к изменению числа работающих женщин, причем сроки их трудовой деятельности в рамках общего периода их семейной жизни на всех ее этапах увеличились. Об этом свидетельствует ряд как зарубежных, так и отечественных исследований [102, 148, 170, 175, 260, 271]. Однако в условиях развитой профессиональной ориентации женщин, с повышением для них внесемейных ценностей, потребность в материнстве в известной мере деградирует [215, с. 84]. Это проявилось прежде всего в массовой малодетности и одноплодности современной семьи. Причем отказ от рождения большого числа детей в браке затронул все индустриально развитые страны. Хотя в системе ценностей современной женщины семья и работа связаны [158], это не значит, что здесь не обходится без определенных противоречий. И они проявляются в том, что работа женщин все же отрицательно сказывается на ее воспитательных

функциях – современная женщина, меньше, чем ее предшественница в XIX в. проводит с детьми: обычной практикой стала передача детей раннего возраста на попечение дошкольных учреждений для того, чтобы женщина имела возможность вернуться на работу [137, 260, 271].

Возросшая профессиональная занятость женщин, а с ней – и возросшая их экономическая самостоятельность – выступают, по мнению А.Г. Харчева и З.А. Янковой, в качестве главных факторов, от которых зависит преобразование семьи [235, с. 8]. Современная семья отходит от функционирования в качестве эффективно действующего социального института с жесткими нормами и четко заданными образцами поведения и превращается в общность, где доминирующее значение имеют признаки социально-психологической группы [234, с. 109]. Повышаются требования к выполнению семьей ее социально-психологических функций, таких, как поддержание в своих членах чувства защищенности и безопасности, возможности самоутверждения и личностного роста, то есть интимность становится востребованным элементом современной семьи [101, с. 85]. Для значительной части вступающих в брак основным мотивом становится мотив любви в сочетании с другими эмоциональными чувствами, а это, наряду с положительными, имеет и негативные последствия. Так, в массовом сознании устанавливается твердая связь между любовью и браком, при этом зачастую прекращение любви рассматривается как повод для прекращения брака [222, с. 134]. Гедонистическое отношение к браку значительно снижает социальный контроль не только на стадии формирования семьи, но и на всех этапах ее развития. В связи с этим, постоянно увеличивается число разводов, главным мотивом которых является «прекращение любви». Таким образом, если для традиционной семьи был вполне обычен стабильный брак при полной неудовлетворенности супругами своими отношениями, то в современной семье подобная неудовлетворенность может привести к разрыву отношений даже при наличии детей [233, с. 86].

Кроме того, урбанизация и связанные с ней массовые миграции населения, вызванные промышленным развитием, привели к ослаблению социального контроля над личностью со стороны семьи, соседей и других стабильных социальных групп. Произошло принятие женщинами сексуальных норм (ранее свойственных только мужчинам), разрешающих добрачную половую жизнь. Что, несомненно, стало одним из главных факторов увеличения внебрачной рождаемости. «Декриминализация» внебрачной рождаемости (когда дети, рожденные вне брака, приравниваются в правах с детьми, рожденными в браке) и заключение брачных союзов на основе индивидуальной любви привели к тому, что все больше браков заключаются по правилам «временной моногамии». Все это привело к тому, что развитие семьи в последние десятилетия выявляет наглядные признаки ее небрачности, при этом, все большее число детей растет вне семейного круга [36, с. 200–201].

Трансформация семьи привела к изменению характера детско-родительских отношений.

Как уже отмечалось, индустриализация сформировала устойчивый спрос на женскую рабочую силу, который особенно усиливался во времена экономического роста. Данные исследований позволяют сделать вывод о том, что все большее число женщин намеренно продолжают работать, не смотря на брак и материнство. Однако, если в 20–30-е или в 50-е годы работающая женщина была четко ориентирована на семью, то в 70–80-е годы на передний план все очевиднее выходят личные мотивы: женщины заявляют, что своей работой хотят обеспечить собственный доход, относительную независимость от мужа, расширить свои социальные контакты [102, с. 245]. Вместе с тем, в семье все еще продолжает сохраняться традиционное разделение труда (причем это не зависит от того, работает женщина, или – нет). Жена, как правило, занята приготовлением еды, ежедневным обслуживанием детей, организацией семейных торжеств и заботой о престарелых членах семьи. Типичный мужчина все еще чувствует себя главным добытчиком в семье, ответственным за внешнюю сферу ее деятельности. В доме он занимается необходимым ремонтом или заботится об автомобиле или домашней бытовой технике [148, 175, 271].

Современная женщина уже не может быть только «добродетельной матерью и верной супругой». Ее самоуважение имеет кроме материнства много других оснований – профессиональные достижения, социальную независимость, самостоятельно достигнутое социальное положение. Однако это не отменяет ценность материнской любви: женщины все же продолжают нести большую часть нагрузки по уходу и воспитанию детей. И хотя современные отцы проводят со своими детьми несколько меньше времени, чем матери (при этом, лишь незначительная его часть расходуется на уход за ними), они, в этом отношении, не только не уступают прежним поколениям, но даже превосходят их [132, с. 273]. Вместе с тем, проблема детской и подростковой безнадзорности стоит весьма остро: даже в полных семьях оба родителя обычно целый день на работе, а это значит, что подростки предоставлены сами себе в период после школы и до прихода родителей с работы [137, с. 612].

Отношения детей и родителей в Европе и США на протяжении прошедшего века претерпели значительные изменения. Так, если в руководствах по воспитанию детей, опубликованные в начале прошедшего столетия, родителям советовали не вступать в излишне теплые отношения со своими детьми – на том основании, что это может ослабить их родительский авторитет, – то позднее получил развитие взгляд, согласно которому родители должны поддерживать тесные эмоциональные связи с детьми, в то же время предоставляя им определенную автономию [54, с. 116]. И если в течение 50-х и в начале 60-х годов педагоги призывали родителей держаться против применения строгих, подавляющих волю детей дис-

циплинарных мер, то в литературе 70-х и 80-х годов, напротив, указывалось на то, что детям обходим определенный внешний социальный контроль, последовательность и твердость требований родителей. В 90-е годы сохранилась тенденция к более жесткому родительскому контролю [137, с. 445]. По словам Дж. Масиониса, за последние сто лет ребенок из источника дохода (от себя добавим – объекта любви и заботы), превратился в «платежное обязательство» [148, с. 593]. И это притом, что состояние детско-родительских отношений позволяет говорить о явно обнаруживающихся тенденциях, враждебных детоцентризму [132, с. 273].

Развитие детско-родительских отношений в XX веке принесло с собой не только переориентацию на более гуманные способы подчинения и управления детьми, но привело к появлению феномена влияния детей на родителей [137, с. 32], – детско-родительские отношения перестали быть «улицей с односторонним движением»*.

Развитие семьи в СССР, кроме общих с европейским Западом и США, имело и свои черты, которые связаны, прежде всего, с особенностями исторического развития в последние сто лет.

Так, главная из них, по мнению А.И. Антонова, заключается в том, что система наемного труда с внеэкономическим принуждением к труду, сопровождаемая социальным однообразием жизни и тотальным отчуждением личности, явилась в самой общей форме главным барьером к участию людей в процессах социальной активности, в том числе, и в семейной сфере жизни. В личных потребностях все меньше присутствовало общественного интереса, человек привыкал «халтурить», что явилось реакцией на неподлинность существования, отчужденность от ценностей, навязываемых обществом. Привыкая «халтурить», человек втягивал в процесс отчуждаемого восприятия и подлинные ценности, такие, как ценность существования человеческого рода, к которым отчужденный человек стал относиться не как к своим собственным, а словно к навязанным извне. И результат этой трансформации ценностей не замедлил сказаться: «массовая малодетность семей – вот ее итог» [10, с. 18].

В.Н. Дружинин обращает внимание на то, что семья, как независимый агент социализации, не вписывалась в тоталитарную систему. За социализацию детей в традиционной семье отвечает, как правило, отец. Вся политика советской власти была направлена на то, чтобы свести роль отца к нулю, а всю ответственность за воспитание детей переложить на «общество». Однако общество не справлялась с этой задачей. И весь груз ответственности за семью и детей лег на плечи матери. В современной семье женщина хочет безраздельно и полностью доминировать, а мужчина не в состоянии обеспечить ее, и, соответственно, быть образцом для подражания [91, с. 96–105].

* Э. Фромм.

Широкое вовлечение женщин в общественное производство не могло не сказаться на воспитании детей. Так, в 60-е годы в СССР произошел массовый переход к малодетной семье, а в 70-е годы малодетность стала обычным явлением. Кроме того, в результате появления новых, более сложных потребностей происходит своеобразное «выталкивание» одних жизненных ценностей другими. В частности, брак и супружество, как жизненные ценности, испытали серьезное давление со стороны таких ценностей, как карьера, образование, престижные виды отдыха или место жительства [217, с. 15]. Среди различных мотивов в решении рождения первенца значительное место занимают психологические факторы: подражание, стремление выглядеть «как все», неудобство перед близкими людьми и родственниками, страх перед абортом и «перспективой» бесплодия [215, с. 133].

Так же, как и на Западе, превращение внедомашнего оплачиваемого труда женщин из вынужденной необходимости в массовое общественно одобряемое явление привело к отмиранию «традиционных» внутрисемейных отношений. Исследования 70–80-х годов фиксируют устойчивую тенденцию к изменению структуры семейной власти от традиционной к эгалитарной и, в связи с этим, изменение ролей мужа и жены в семье [13, 54, 102, 132, 233, 257, 258, 260, 271]. Было отмечено, что установки супругов в сфере разделения семейных ролей более эгалитарны, чем их реальное поведение [162, с. 150]. Вместе с тем распределение домашней работы между супругами по-прежнему происходит на традиционной основе, объективная тенденция такова, что распределение семейной нагрузки между мужем и женой становится более равномерной, хотя основная часть ее все же продолжает оставаться на плечах женщины [217, с. 86].

Не может не вызывать тревоги появление среди определенной части мужчин «эксплуататорского» подхода к организации семейной жизни. Он находит свое выражение в том, что женам дается право на равное с мужем участие в общественном труде наряду с исключительным «правом» на домашний труд [16, с. 58].

В связи с этим, обратим внимание на факт, отмеченный в исследованиях О.В. Митиной и соавторов: женщинам хотелось бы, чтобы мужчина в доме выполнял мужскую работу, однако мужчины видят свою роль в домашнем хозяйстве, скорее, в качестве помощника женщины, выполняющего ее поручения [157, с. 174].

Вопреки традиционной культуре, согласно которой финансовая политика семьи связана с мужчиной, получила распространение совершенно иная практика. Женщина не только тратит выделенные средства на личные и семейные нужды, но планирует бюджет, определяет семейную финансовую стратегию, в то время как мужчины являются добытчиками денег. В современной постсоветской семье складывается парадоксальная ситуация, когда главный добытчик семьи не контролирует ее финансовую ситуацию: доходы мужчины становятся доходами семьи, а со стороны жен-

щины устанавливается неусыпный контроль над рациональным использованием средств [123]. Иначе говоря, распоряжается и контролирует средства не тот, кто зарабатывает, а тот, кто имеет доступ к непосредственному их использованию, обеспечивая себе более выгодные условия по сравнению с зарабатывающим. Это приводит к тому, что мать доминирует и в семье, и в домашнем хозяйстве и в целом несет основную ответственность за семью [9, с. 97].

Заметим, что рост ответственности женщин за все стороны семейной жизни способствовал еще большему повышению ее роли как воспитателя детей в семье. В этой связи мужчина не только лишился абсолютного главенства в семье, но и в какой-то мере утратил свой отцовский авторитет и влияние [155, 215, 216, 233, 257, 258]. Как правило, матери помогают детям делать уроки, следят за посещением школы и внешкольным поведением, а также представляют интересы ребенка в школе, посещают родительские собрания; обычно матери выступают «экспертами» при выборе профессии, причем в большей степени для девушек, чем для юношей. Юноши же предпочитают советоваться с друзьями и очень редко – с отцами [14].

Т.С. Лыткиной было установлено, что, несмотря на практически единодушное мнение жен и мужей о том, что воспитывать детей должны оба родителя, отражающие нормы традиционного уклада, в повседневной практике воспитанием детей чаще занимаются жены. Хотя разделение обязанностей по воспитанию детей в семье происходит согласно традиционному разделению труда по половому признаку и является его продолжением, однако случаев активного отцовского участия в воспитании детей немного, что приводит к еще большей оторванности отцов от семейной жизни, формирует чувство отчужденности между отцами и детьми. В связи с чем, их отношения во многом зависят от психологического климата, созданного матерью, и от того, в какой степени женщина приучила мужа ухаживать и заботиться о своем ребенке. Поэтому отцы любят своих детей «через» мать, а отношения отца и ребенка являются скорее отражением семейных отношений, а не проявлением отцовского чувства [146, с. 87–88].

Зачастую дети не воспринимают родителей как целое, они строят свои коммуникации отдельно с отцом и с матерью [162, с. 144]. И хотя отец, как правило, уважаем детьми, но с ним они имеют меньший эмоциональный контакт. По данным И.А. Савченко, большинство детей подросткового возраста утверждают, что мама их любит больше, чем папа, а при конфликтах в семье дети принимают сторону матери [цит. по: 91, с. 106]. Происходит своеобразное «вытеснение» отцов на периферию детско-родительских отношений. Этому способствует и то, что мужчины, в большинстве своем, ориентированы на профессиональную и общественную деятельность. Так, до 30–35 лет отцы заняты своим социальным становлением, а общению с ребенком не уделяют должного внимания. Иначе говоря, развитие отца и ребенка, по словам В.В. Бойко, идет «по конкурирую-

щему типу» [32, с. 44–45]. Естественно ожидать и соответствующую реакцию детей – они стали менее привязанными к отцам.

Говоря о детско-родительских отношениях, следует отметить, что авторитарная система воспитания детей в целом утратила свое значение [162, с. 151].

Еще в 1984 г. И.С. Голод, в концепции исторических типов семьи выделил детоцентрический ее тип, превалировавший, по мнению автора, в нашей стране. Автор приводит его основные черты: поведение родителей по отношению к детям мотивировано интимно-эмоциональной привязанностью к ним. При этом, дети становятся главным смыслом жизни родителей, которые стремятся дать им образование и специальность, всячески избавляют их от трудностей социального роста, взяв их на себя. Однако гипертрофия долга родителей по отношению к детям может приводить и к неблагоприятным последствиям: дети становятся эгоистичными и требовательными, не понимают своего долга перед родителями. Кроме того, родители часто выстраивают, по отношению к детям, отношения гиперопеки, навязывая ребенку свое мнение, не позволяют ему проявлять самостоятельность [57, с. 118–119].

Анализ установок матерей в сфере межличностных отношений с детьми, проведенный Т.А. Гурко, неким образом может подтверждать тезисы, высказанные С.И. Голодом. Так, более половины матерей, опрошенных Т.А. Гурко, имеют максимальные показатели по шкале «концентрация на ребенке», однако, только у трети матерей зафиксированы высокие показатели по шкале «партнерство», при этом, почти каждая пятая из опрошенных ориентирована на дистанцирование во взаимоотношениях с ребенком [65, с. 75].

Здесь следует заметить, что семья в России, а равно как и в других славянских республиках бывшего СССР, не просто модернизируется вместе со всем западным обществом, но находится в системе, которая переживает кризис. В условиях социально-экономического кризиса семья не может чувствовать себя нормально и легко принимать происходящие перемены [113, с. 71]. Социально-экономические катаклизмы, затронули и детско-родительские отношения. Необходимость поиска заработка, перегрузки на работе и сокращение в связи с этим свободного времени приводят к ухудшению физического и психического состояния родителей. По мнению Н.Ю. Синягиной, практически каждую семью сегодня по той или иной причине можно отнести к разряду неблагополучных, а затянувшийся кризис привел к тому, что большинство семей попало в разряд необеспеченных или нищих. Данные, полученные в ходе исследования* характера взаимоотношений родителей и детей, позволяют говорить о наличии разных, часто противоположных типов детско-родительского взаимодействия. Н.Ю. Синягина выделяет: 1) положительный тип взаимоотношений

* Исследование, в котором приняло участие 1500 родителей и младших школьников, проводилось в 1995–1998 гг. и включало наблюдения, интервью и тестирование.

(19,7%), который характеризуется устойчивым эмоциональным контактом между детьми и родителями, почти полным отсутствием конфликтов; 2) амбивалентный тип взаимоотношений (56,1%), для которого характерна противоречивость, непоследовательность, чередование близких контактов с отчужденностью и конфликтностью; 3) отрицательные взаимоотношения (24,2%), которые связаны с частыми и острыми конфликтами, приводящими к полному нарушению эмоционального контакта детей и родителей [203, с. 14].

Отметим, что для постсоветских отцов и матерей характерна значительная вариативность в сфере представлений о родительстве. Так, среди молодого поколения мужчин и женщин, в сравнении с «советским», гораздо реже встречаются такие стереотипы, как «долг каждой женщины быть матерью, а мужчины – отцом», а также осуждающие супругов, которые не хотят иметь детей. При этом межпоколенные различия оказываются более существенными, нежели различия по полу. Все это может свидетельствовать о том, что трансформация социокультурных ценностей происходит достаточно интенсивно даже в таких консервативных институтах, как семья и родительство [64, с. 96–97].

В целом, изменения в различных сторонах семейной жизни, происшедшие в последние десятилетия в Европе (включая Россию, Украину, Беларусь и страны Балтии) свидетельствуют о девальвации традиционной формы совместной жизни – семьи, возникающей на основе заключения брака. При этом все большее одобрение получают мнения, что для роста и развития ребенка необязательно наличие обоих родителей, а женщина, если она этого желает, вполне может растить ребенка одна, хотя, при этом, семейная жизнь – во всех ее формах – остается в сознании большинства людей естественным образом жизни. Следует так же отметить, что ценность детей в жизни семьи снизилась, хотя для большинства людей она все еще продолжает оставаться достаточно высокой [158, с. 72].

4. ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ РОДИТЕЛЬСТВА В ОНТОГЕНЕЗЕ

Родительство, по мысли А.И. Антонова, суть «подлинно бастион человеческого существования 'Я'» [10, с. 15]. Однако в высшем своем проявлении – родительской любви – оно не является врожденным, инстинктивным свойством, а формируется в течение жизни человека [46, 132, 167, 204, 211]. Основания родительских чувств закладываются еще в детстве самого потенциального родителя. По мнению Г. Розинаёвой, освоение родительской роли начинается практически со дня рождения ребенка [193, с. 48] и является неотъемлемым компонентом социализации, процесса, в результате которой ребенок «усваивает поведение, навыки, мотивы, установки и

нормы, свойственные его культуре, считающиеся в ней необходимыми и желательными» [179, с. 252]. Следовательно, чтобы стать родителем каждое новое поколение молодых мужчин и женщин должно учиться родительскому поведению: их «биологическая роль дополняется социальной, выученной родительской ролью» [91, с. 44].

Р.В. Овчарова выделяет два больших этапа в формировании родительства. Первый относится к добрачному периоду, еще до того, как мужчина или женщина сами станут отцом или матерью. На этом этапе существует лишь его образно сконструированное содержание. Оно может включать в себя «образы эмоций, связанные с процессом воспитания детей, отдельные и общие когнитивные схемы: планирование уклада жизни в условиях родительства, планирование воспитательного процесса и др., а также образы отдельных поведенческих актов и всего поведения в целом» [167, с. 54]. Это этап потенциального родительства; именно на этом этапе в процессе социализации закладывается сама возможность стать родителем.

С рождением собственного ребенка начинается следующий этап родительства, – этап реализующегося родительства, – продолжающийся в течение всей жизни [8, 91, 97, 137, 167, 189, 250]. По мысли Э. Эриксона, становление родительства знаменует критический период в развитии личности взрослого и его социализации [250, с. 83], а И.В. Шаповаленко полагает, что «формирование родительской позиции означает окончательное приобщение к взрослому поколению» [181, с. 95].

Вместе с тем, и предшествующий его этап – этап, когда родительство существует лишь на «теоретическом» уровне, в его ментальной репрезентации – важен для становления будущего родителя, так как фантазии, мечты, образы-представления, являясь мощными мотивирующими факторами, могут определить его становление, представить его будущее «лицо» [сравни: 108, с. 149]. Его условно можно разделить на два больших периода. Первый начинается с самого рождения и продолжается до начала пубертата. Второй приходится на позднее отрочество и продолжается в юности. Эти периоды различаются по «весу» в его формировании двух основных факторов. Первый из них можно определить как «Фактор семьи и внесемейного окружения». Если в первый период ребенок преимущественно взаимодействует с родителями и другими членами семьи, то во втором он испытывает значительные влияния широкого круга агентов социализации: от сверстников до институтов образования и профессионализации. Вторым фактором можно определить как «Фактор полового созревания». Именно на фоне полового созревания происходит становление личности ребенка и его гендерной идентичности.

Хотя личность ребенка в самых ее существенных чертах всегда отражает культуру, в которой он был воспитан, однако опыт взаимоотношения ребенка с родителями может иметь далеко идущие последствия для его становления и развития той совокупности качеств и свойств, которую мы

называем «личность». В связи с этим, семья традиционно рассматривается в качестве важнейшего института социализации: свой первый опыт специфически человеческих взаимоотношений ребенок приобретает именно в ней. Не следует забывать, что на протяжении длительного периода семья является для ребенка единственным местом получения социального опыта. В связи с этим А.А. Реан предлагает рассматривать ее в качестве «модели и формы базового жизненного тренинга личности» [179, с. 252]. И действительно, характер взаимоотношений ребенка с родителями проявляется во всем; иначе говоря, – речь идет о влиянии первостепенной важности. Причем родители могут стать инициаторами как положительного, так и отрицательного опыта своих детей.

Так, М. Раттер отмечает, что зрелые отношения ребенка с людьми (любовь, дружба, семейные узы) будут построены на основе его переживаний, контактов с родителями в младенчестве [190, с. 165].

Уже с ранних лет жизни родительские отношения становятся одним из важнейших факторов формирования мировоззрения личности. Кроме того, потребности человека очень часто связаны с его воспитанием, с впечатлениями прошлого. И если в детские годы важнейшие потребности были не удовлетворены, то в последующие годы, особенно в браке, они могут принять экстремальную форму.

Ряд авторов отмечают, что в семье ребенок усваивает определенный стиль отношений между мужем и женой, и это может послужить для него образцом супружеских отношений. Таким образом, настоящее каждого брака коренится в событиях детства [1, 31, 39, 58, 91, 160, 166, 167, 172, 207, 211, 212, 215, 218, 240, 262, 268, 275].

Б.Ю. Шапиро указывает на то, что одной из предпосылок формирования негативной установки на брак является тот факт, что в конфликтных семьях имеется возможность наглядно убедиться в том, что в браке нет ничего хорошего. Им было отмечено, что для подростков и юношей, у которых сложились хорошие взаимоотношения с родителями, характерны возвышенные взгляды на представителей противоположного пола и на любовь. И, напротив, у подростков и юношей из семей с низким уровнем детско-родительских взаимоотношений, взгляды на любовь либо отрицательны, либо ее они считают привычкой, а выходцы из семей с плохими детско-родительскими взаимоотношениями чаще отождествляют любовь с физиологией [241, с. 58].

Эмоциональный климат семьи во многом определяется характером общения супругов. Значение общения между супругами и место ребенка в этом общении для формирования личности ребенка связано также с тем, что, глядя на родителей и бессознательно подражая им, ребенок с раннего детства усваивает «взрослые» и «семейные» образцы общения. У него с раннего детства формируется установка не только в отношении к своему

будущему супругу, но и со своими собственными детьми он будет воспроизводить усвоенные когда-то в детстве способы поведения [190, с. 45].

Говоря о том, что детско-родительские взаимоотношения детерминируют личностное развитие ребенка и значительно определяют его социальные установки нельзя забывать и о том, что влияние родительского поведения нельзя считать фатальным. Личность развивается на протяжении всей жизни, под влиянием множества различных моделей и обстоятельств.

Постепенно в социальное поле растущего человека включаются его сверстники, а так же и другие взрослые – педагоги, наставники, воспитатели; влияние родителей несколько ослабевает и «смешивается» с воздействиями «значимых других», причем этот процесс происходит на фоне полового созревания мальчика и девочки. Именно это обстоятельство определяет юность как один из важнейших периодов в формировании родительства.

По мнению З. Фрейда, в период полового созревания происходит кульминация серии изменений, цель которых – привести сексуальную жизнь ребенка к окончательной форме, нормальной для взрослого человека [227].

С половой зрелостью приходит лучшее понимание противоположного пола, исчезают неприязненные чувства по отношению к нему, устанавливаются эмоциональные контакты [186, с. 365]. Кроме того, содержание половых гормонов в подростковом и юношеском возрасте обычно выше, чем у взрослых. Это обстоятельство обуславливает усиленные половые желания подростков – юношескую гиперсексуальность [117,124, 125, 143, 180, 183, 231, 263].

С.В. Ковалев отмечает, что если в подростковом возрасте чувство к человеку противоположного пола находит свое выражение в возрастающей тяге к общению, жадном интересе к объекту любви и своеобразном фетишизме, то в юношеском возрасте привязанность девушек и юношей друг к другу носит уже почти «взрослый» характер, ибо основывается на тяге к глубокой личной интимности, стремлении познать личность объекта любви [122, с. 62]. Эмпирические данные позволяют утверждать, что опыт дружбы, полученный в юности, оказывает большое влияние на способность человека «быть для другого». Так, например, сравнение группы юношей, имеющих близких друзей, с юношами, у которых таких друзей нет, показало, что первая группа отличается более высоким альтруизмом, большей способностью ставить себя на место другого человека [128, с. 237].

Можно предполагать, что юношеский опыт взаимодействия с противоположным полом так же значительно влияет на формирование супружеских и родительских параметров личности. Вместе с тем, самые общие тенденции сексуальной жизни современной молодежи конца XX века – более раннее сексуальное созревание и пробуждение эротических чувств у подростков, снижение возраста сексуального дебюта и уменьшение разницы в этом между юношами и девушками, социальное и моральное принятие добрачной сексуальности и сожителства, признание сексуальной

удовлетворенности одним из главных факторов удовлетворенности партнерскими и супружескими отношениями, ослабление «двойного стандарта», разных норм сексуального поведения для мужчин и женщин, активное использование контрацепции и рост терпимости к абортам, сужение сферы запретного и рост терпимости по отношению к необычным и девиантным формам сексуальности [129, с. 12]. Это, на наш взгляд, не может способствовать формированию ответственного родительства и супружества: сексуальные отношения перестают восприниматься как отношения, налагающие длительные обязательства не только сексуальных партнеров друг перед другом, но и перед ребенком, рождением которого они могут сопровождаться. Косвенным подтверждением этого может служить как рост внебрачных рождений, так и увеличение числа аборт среди молодых женщин, не состоящих в браке.

Еще одно обстоятельство определяет значение юности в формировании будущего родительства. Так, согласно Э. Эриксону – это время «нормативного кризиса»; когда подросток стоит перед задачей сформировать чувство идентичности. Чем успешнее индивид проходит в юности через кризис идентичности, тем легче он справляется с подобными переживаниями в последующем. Именно в юношеском возрасте происходит объединение всех элементов самосознания. Это долгий и сложный процесс, обеспечивающий непрерывность прошлого, настоящего и будущего индивидуума, помогающий ему узнать свое место в обществе и определиться с направлением и целями жизни [250, с. 250].

Таким образом, идентичность можно описать, пользуясь общим понятием Я-концепции; она состоит из многих компонентов: психических, сексуальных, социальных, профессиональных, моральных, идеологических и психологических качеств, совокупность которых образует целостную личность [186, с. 62].

Э. Эриксон придавал большое значение формированию однозначной идентификации с тем или другим полом, которая в будущем станет основой для гетеросексуальных интимных отношений и четко определенной идентичности. Более того, он был уверен в необходимости поляризации по признаку пола, полагая, что только тогда общество сможет нормально функционировать, когда мужчины и женщины будут стремиться принять на себя соответствующие их полу роли [251]. На наш взгляд, формирование гендерной идентичности является одним из центральных моментов формирования родительства, ведь оно, как известно, выступает как отцовство и материнство.

Я.Л. Коломинский и М.Х. Мелтсас в своей обзорной статье отмечают, что половая идентичность делится большинством авторов на две составляющие: 1) половая идентичность как понимание принадлежности себя к определенному полу: единство сознания и поведения индивида, относящего себя к тому или иному полу; 2) половая идентичность как знание и усвоение ролей мужчины и женщины [126].

Ш. Берн описывает четыре стадии усвоения половой идентичности; гендерную идентификацию (отнесение ребенком себя к тому или иному полу); гендерную константность (понимание, что гендер постоянен, и изменить его нельзя); дифференциальное подражание (желание быть самым лучшим мальчиком или девочкой) и гендерную саморегуляцию (ребенок сам начинает контролировать свое поведение, используя санкции, которые он применяет сам к себе) [26].

По мнению В.Л. Ситникова, пол – первая категория, в которой ребенок осмысливает свое Я. «Гендерная социализация начинается буквально с момента рождения ребенка и формируется у него к полутора годам, составляя наиболее устойчивый, но изменяющийся с возрастом элемент его самосознания» [204, с. 87]. Гендерная идентичность формируется в контексте стереотипных культурных представлений о различиях между мужским и женским полом. Уже в первые два года жизни у детей складываются стереотипы, связанные с мужским и женским началом [181, с. 334]. Двухлетний ребенок знает свой пол, но еще не умеет обосновать эту атрибуцию. Младшие дошкольники уверены, что форма одежды, фасон стрижки, вид деятельности могут привести к тому, что мальчик станет девочкой, а девочка – мальчиком [232, с. 426]. До 2–3 лет большинство мальчиков пробуют надевать мамины туфли, играть с ее косметикой. Однако когда мальчики достигают гендерной константности, такие игры прекращаются [107, с. 81].

В три–четыре года дети уже осознанно различают пол окружающих людей, но часто ассоциируют его со случайными внешними признаками. [204, с.87], а 4-летние дети, в процессе игры дифференцируют свое поведение в зависимости от того, с кем – мальчиком или девочкой – они имеют дело [137, с. 426].

К 6–7 годам половая идентификация формируется практически у всех детей [107, с. 82]. В этом возрасте начинается период бурной половой дифференциации, которая способствует кристаллизации и осознанию половых различий и устойчивому проявлению их в выполнении соответствующей гендерной роли [204, с. 88].

Было установлено, что мальчики раньше девочек приходят к осознанию половых различий. Так, в возрасте от 5 до 11 лет мальчики оказывают более решительное предпочтение мужской роли, чем девочки – женской. Мальчики предпочитают типичное для их пола поведение и отвергают нетипичное. Девочки тоже предпочитают типичное для их пола поведение, но при этом не отвергают и нетипичное [107, с. 84].

До 7–8 летнего возраста дети, как правило, придерживаются жестких поло-ролевых стереотипов, затем их влияние несколько ослабевает [232, с. 430]. В подростковом возрасте стереотипы «маскулинности» и «фемининности» вновь поляризуются особенно резко, а потребность соответствовать им становится как никогда остро. Это распространяется не только на внешность, но и на многие социальные и психологические качества. Старшеклассники еще

сохраняют подростковую узость и стереотипность ролевых предписаний, но в то же время уже чувствуют, что индивидуальность не вписывается в жесткие рамки дихотомии, и что женские и мужские качества не обязательно альтернативны и что сочетание их может быть разным [130, с. 115].

Обычно завершение формирования полоролевых позиций связывают с юношеским возрастом [117, 124, 125, 127, 130, 180, 183, 263, 273], однако Д. Пайнз полагает, что кризисной точкой в поиске своей идентичности у женщин является беременность. При этом автор ничего не говорит об аналогичной точке у мужчин. Е.П. Ильин полагает, что такой кризисной точкой у мужчин может стать их первый половой акт [107, с. 83]. С этим можно согласиться, если учесть, что у мужчин-гомосексуалистов первый гетеросексуальный акт зачастую не только предшествует первой гомосексуальной связи (исключая препубертатные и начала пубертата), но и служит своеобразным «ключом», к осознанию собственной гомосексуальности [120, с. 174].

Гендерная идентичность является одним из результатов гендерной социализации – процесса усвоения норм, правил поведения, установок в соответствии с культурными представлениями о роли, положении и предназначении мужчины и женщины в обществе [178, с. 85]. Особенности этого процесса в конкретных социально-исторических условиях зависят от положения и характера деятельности мужчин и женщин. В современном социуме изменились роли мужчин и женщин в производственных отношениях и семье, изменилась структура половой стратификации, а, следовательно, и характер социализации мужчин и женщин, с соответствующими им базовыми гендерными критериями [51, с. 99]. Особенно ярко это проявляется на примере изменения гендерных стереотипов мужской успешности: теперь, чтобы добиться жизненного успеха, нужно быть не смелым, а хитрым, не гордым, а сервильным, не самостоятельным, а конформным [157, с. 175].

Изменение привычного гендерного порядка связано, прежде всего, с изменением социального положения и деятельности женщин. Именно они выступают носителями изменений в сфере гендерного сознания, так как их социальная (а с ней, и социальная роль) позиция меняется быстрее и радикальнее, нежели позиция мужчин [54, с.187]. Так, в исследовании О.В. Митиной и соавторов, посвященном изучению современных гендерных стереотипов, было установлено, что женщины, по сравнению с мужчинами в меньшей степени поддерживают традиционные нормы гендерного поведения, и в большей степени – нетрадиционные [157, с.174].

К числу наиболее важных факторов гендерной социализации традиционно относят институты образования, семью и группы сверстников [148, 178, 204]. XX век стал веком не только всеобщего, но и совместного обучения девочек и мальчиков. Это по мнению В.В. Гаврилюк, во-первых, не только уменьшает половую сегрегацию, но и создает предпосылки для психологически комфортных последующих взаимоотношений мужчин и

женщин: если классический канон воспитания мужскости сводился к формированию самообладания у мальчиков (а это предполагает отрицание нежности и чувствительности); во-вторых, предполагается, что совместное обучение приводит к тому, что ожидания взаимопонимания и бережного отношения со стороны девочек повлияют на формирование соответствующих норм и стереотипов мужского поведения, а взаимоотношения между мальчиками и девочками распространяются и на взаимоотношения между мальчиками, юношами, мужчинами, что, в свою очередь, вызывает смещение структуры гендерных отношений в обществе [51, с.100].

Смеем усомниться в таких выводах автора. Дело в том, что наша школа пропитана сексизмом – убеждениями, что человеческие помы имеют различия, определяющие их жизнь [219, с. 264]. Этому способствует два обстоятельства: во-первых, подавляющее большинство педагогов начальной и средней школы – женщины; во-вторых, образование (в том числе и школьное) сложилось как система, основанная на мужских ценностях, преподающая воспитанникам мужскую историю и мужскую культуру.

Школьные годы – возраст наиболее чувствительный для усвоения гендерных норм. Для школьника учитель нередко становится значимым в большей степени, чем родители. Вместе с тем, школа лишает мальчиков (да и девочек тоже) моделей мужского поведения, а учителя-женщины нередко практикуют, ставший, впрочем, традиционным для отечественной школы, авторитарный стиль педагогического руководства, так мало имеющий общего с традиционным стереотипом женственности.

Проблема еще состоит в том, что содержание учебных планов и учебных предметов имеет явно технократическую и естественнонаучную направленность, т.е. в основном мужской уклон. Преподают же эти предметы в основном женщины, предъявляющие требования, которые ближе девочкам, да и школьные требования нацелены на тщательность выполнения заданий, что ставит девочек в более выгодное положение, так как женщины лучше выполняют задания, типовые, требующие усердия и тщательности. При этом, предварительное объяснение задания исключает этап поиска, который присущ мужскому интеллекту, что ставит мальчиков в несколько более худшие образовательные условия [107, с. 301].

Однако затрудняется и гендерная социализация девочек: установившийся взгляд на науку как на мужское дело, способствует формированию у них определенных внутренних состояний-барьеров, затрудняющих личностную и профессиональную ориентацию. К ним можно отнести: боязнь неудачи, боязнь утраты женственности, недостаток настойчивости в достижении цели, боязнь общественного отвержения [204, с. 112].

Еще одно обстоятельство затрудняет процесс гендерной социализации в школе. Более раннее половое созревание девочек приводит к явному расхождению их психологических установок и ожиданий с установками мальчиков. Так, девочки уже хотят, чтобы к ним относились не как к бес-

полым существам, у мальчиков же эти пожелания и требования не находят понимания и соответствующего ответа, так как они остаются в половом отношении физиологически инфантильными, хотя формально могут признавать половую дифференциацию и специфику взаимоотношений между полами. Более того, у мальчиков в предподростковом возрасте появляется тенденция не только к избеганию общения с девочками, но и к полному с ними размежеванию [107, с. 300].

Все это, не только затрудняет гендерную социализацию мальчиков и девочек, но и не способствует установлению между ними отношений сотрудничества и кооперации, т.е. только увеличивает гендерную сегрегацию, которая может распространяться и на будущие их взаимоотношения. Впрочем, это последнее положение еще ждет своей эмпирической проверки.

Еще одним фактором гендерной социализации является семья. Отношения, связывающие ребенка с родителями являются, по словам М. Земской, полными, поскольку функционируют во всех сферах: эмоциональной, социальной, религиозной и т.д. Это приводит к тому, что семья становится для ребенка первой школой, в которой возникают и развиваются его социальные установки [275, с. 34]. Степень влияния этого института сопоставима с влиянием образования, хотя в конце XX столетия повсеместным стало утверждение о значительном ослаблении воспитательного воздействия семьи, о самоустранении родителей из процесса социализации детей [51, с. 100].

Формирование социальных установок ребенка в семье в значительной степени зависит от взаимодействий между членами семьи, и, в немалой степени, между отцом и матерью. Вместе с тем, исследователи отмечают, что гендерные отношения между супругами в семье определенно противоречивы: их установки в сфере разделения семейных ролей более эгалитарны, чем их поведение. Это приводит к тому, что у современных подростков формируются традиционные установки в сфере разделения супружеских ролей, несмотря на эгалитарные установки большинства их родителей. Дело в том, что дети воспринимают и усваивают в своем поведении образцы поведения родителей в большей степени, чем их установки, а у родителей сфера сознания в этом вопросе определяет сферу практической деятельности [162, с. 150].

Еще одна трудность гендерной социализации в семье обусловлена ослаблением мужского влияния на социализацию мальчиков и сверхдоминированием матери. Самоустранение отцов от воспитания сыновей проиллюстрировано в исследованиях О.В. Митиной и соавторов. Отцы как бы передают сыновей на «поруки» матери: отвечая на вопрос анкеты о своей занятости в домашнем труде, они полагают, что их не следует обременять домашними заботами, а помочь матери по дому должен ... сын [157, с. 174].

В другом своем исследовании О.В. Митина [150] отмечает, что провозглашенное в стране равенство требовало от мужчины и от женщины подчинения усредненным правилам. Но поскольку традиционно и импли-

цитно подразумевалось, что дом и семья – это среда преимущественного обитания женщин и детей, а общество и производство – мужчин, то женщинам вне семьи приходилось подчиняться правилам маскулинного поведения, а мужчинам в семье доставалась роль ребенка. В другом своем исследовании автор говорит о наличии своеобразных «ножниц» между требованиями, предъявляемыми обществом к мужчинам и возможностями этим требованиям соответствовать в семье [157, с. 175].

В работе Я.Л. Коломинского и М.Х. Мелтсас [126] рассматриваются проблемы, связанные с отсутствием или ограничением влияния отца на гендерную социализацию ребенка:

- отсутствие отца сильнее сказывается на полоролевой социализации мальчика, чем девочки;

- в семьях, где отсутствует отец, черты, свойственные мужской роли, возникают у мальчиков медленнее;

- мальчики, лишенные отца, более зависимы и агрессивны, чем мальчики из полных семей. Им труднее дается усвоение мужских половых ролей, поэтому они чаще гипертрофируют свою маскулинность, проявляя грубость и драчливость;

- отсутствие отца влияет на полоролевую ориентацию ребенка в возрасте до 4 лет сильнее, чем в более старшем возрасте.

Если учесть, что 20% российских семей с несовершеннолетними детьми были неполными и 19,6% всех детей рождены вне брака, то можно представить себе «масштабы» проблемы гендерной социализации, связанные с отсутствием отцов в семье* [51, с. 100].

Формирование гендерной идентичности происходит на фоне главного новообразования переходного возраста. Согласно Л.С. Выготскому, теперь «в драму развития вступает ... новый качественно своеобразный фактор – личность самого подростка... В связи с возникновением самосознания для подростка становится возможным и неизмеримо более глубокое и широкое понимание других людей. Социальное развитие, которое приводит к образованию личности, приобретает в самосознании опору для своего дальнейшего развития» [50, с. 238].

Согласно Л.И. Божович, целостная структура личности определяется, прежде всего, ее направленностью, «в основе которой лежит устойчиво доминирующая система мотивов, в которой основные, ведущие мотивы, подчиняя себе все остальные, характеризуют строение мотивационной сферы человека. Возникновение такого рода иерархической системы мотивов обеспечивает наивысшую устойчивость личности» [30, с. 237].

Центральным звеном в формировании личности является развитие мотивационной структуры человека: его потребностей, желаний, стремлений и намерений. В старшем школьном возрасте потребности ребенка не

* Данные выборочного обследования на 1994 год.

только увеличиваются в своем числе, но и сами развиваются: они из непосредственных превращаются в опосредованные, приобретая сознательный и произвольный характер. Возникновение опосредованных потребностей (т.е. побуждений, исходящих от сознательно поставленной цели) делает для юноши возможным сознательное управление своими потребностями и стремлениями. Изменения в потребностной сфере происходят на фоне становления морального мировоззрения школьника, которое в юношеском возрасте начинает представлять собой такую устойчивую систему нравственных идеалов и принципов, которая становится постоянно действующим побудителем, опосредствующим все их поведение. При этом основным новообразованием в мотивационной сфере юношества является то, что «по содержанию на первое место выдвигаются мотивы, связанные с жизненными планами ученика, его намерениями в будущем» [29, с. 418].

В этот период впервые появляется и становится предметом сознания и переживания новая и могучая биологическая потребность – половое влечение. Она, так же как и все биологические потребности человека, приобретает в процессе развития иной, опосредованный характер, являя себя в форме человеческой любви. Войдя в структуру уже существующих новообразований (интересов, нравственных и эстетических чувств, взглядов и оценок), она формирует отношение к другому полу.

По мнению Л.И. Божович, депривация половой потребности не играет определяющей роли в кризисе подросткового возраста. Она полагает, что он связан с возникновением в этот период нового уровня самосознания, характерной чертой которого является появление у человека способности и потребности познать самого себя как личность. Это и порождает у подростка стремление к самоутверждению, самовыражению и самовоспитанию [30, с. 230].

Еще одним важным отличительным признаком юности являются преобразования в сфере самосознания. Так, А.Б. Ананьев пишет: «Преобразование мотивов деятельности и их перспективное «выдвижение» далеко вперед текущей деятельности превращает самосознание подростка и юноши в осознание *будущего* жизненного пути, *будущей* самостоятельной общественно-полезной деятельности, *будущего* характера и таланта» [6, с. 209]*.

Л.А. Регуш экспериментально изучала содержание отражения и переживание будущего в юношеском возрасте. Ею было установлено, что будущее осознается и переживается юношами и девушками как проблема, причем степень переживания будущего как проблемы у молодых людей варьируется от низкой до высокой. При осознании препятствий для реализации значимых событий в будущем молодые люди испытывают разные эмоциональные переживания, такие, как страх, неприятие, сожаление, желание, надежду, решительность. В своей совокупности эти переживания определяют качественный состав переживания будущего как проблемы.

* Выделено Б.Г. Ананьевым.

Во временной перспективе значительно преобладает дальняя перспектива – начало взрослой жизни, причем самое большое количество ожиданий приходится на третье десятилетие жизни.

Содержательная наполненность образов будущего отличается преобладанием ориентации на себя, свою личную жизнь, которую они рассматривают как главную ценность: переживания будущего напоминают набор признаков «удачной жизни», которые не связаны между собой, не отражают внутренние стремления и склонности молодых людей. Кроме того, у них отсутствуют представления о способах реализации желаемого [192, с. 241–244].

В исследованиях И.В. Дубровиной и соавторов было установлено, что ориентация юношей на будущее практически всецело определяется будущей профессиональной деятельностью, у девушек же она представлена двумя разнонаправленными тенденциями: с одной стороны, стремлением реализовать свои собственные цели (образование, выбор профессии), с другой – желанием выйти замуж, растить детей [223, с. 62].

Подростковый и юношеский возраст в психологии развития рассматривается как период интенсивного формирования ценностных ориентаций личности. Это связано с появлением на данном возрастном этапе необходимых для формирования ценностных ориентаций предпосылок: овладением понятийным мышлением, накоплением достаточного морального опыта, занятием определенного социального положения [119, с. 30].

Так, исследования И.В. Дубровиной и ее коллег показывают, что учащиеся не одинаково ранжируют предлагаемые ценности. Это дает основание говорить о том, что одни учащиеся уже имеют более или менее дифференцированную структуру ценностей, а для остальных все предложенные ценности представляются одинаковыми по своему значению, и у них, следовательно, пока еще отсутствует дифференцированная структура ценностных ориентаций. Кроме того, было отмечено, что развитие механизма дифференциации интенсивнее протекает в старшем школьном возрасте у юношей, чем у девушек [224, с. 16].

С.С. Бубнова отмечает, что структура ценностных ориентаций в юношеском возрасте чрезвычайно динамична и подвергается качественному изменению каждые 1,5–3 года. И если у 17-летних в число значимых ценностей входят «стремление к уважению своей личности», «познание нового» и «любовь близких», то у 19-летних в структуру наиболее значимых ценностей входят «здоровье», «общение» и «любовь». Структура ценностных ориентаций этой возрастной группы не зависит от профессиональной «принадлежности» испытуемых [41, с. 43]. Вместе с тем, в иерархии жизненных планов молодежи дети занимают далеко не первое место. Так, по данным Б.И. Говако, только 15% девушек-студенток считает появление малыша наиважнейшим событием в их ближайшем будущем при этом данный показатель у них в два раза выше, чем у студентов-юношей [55, с. 136].

В исследованиях коллектива психологов под руководством И.В. Дубровиной было установлено, что юноши в большей степени ориентированы на такую ценность, как профессиональная карьера, чем семью. Девушки – в равной степени и на ценность семьи, и на ценность профессиональной карьеры [224, с. 17]. Многие исследователи отмечают, что ценность «счастливая семейная жизнь» является приоритетной в ряду других жизненных ценностей и для юношей, и для девушек, вместе с тем, ее значимость все же выше для девушек, чем для юношей [41, 180, 186]. По мнению И.В. Дубровиной, ценностные ориентации девушек имеют более сложный сюжет, который определяется их «двойной» ориентацией: на социокультурные традиции, признающие особую важность супружества и материнства для женщин, и на принцип равноправия мужчины и женщины, в том числе, и в выборе профессии [223, с. 64].

В.С. Собкин и Н.И. Кузнецова, исследуя ценностные ориентации юношей и девушек, установили, что за пять лет, прошедших между опросами 1991 и 1996 гг., ценность воспитания детей у юношей и девушек практически не изменилась, но значимость счастливой семейной жизни резко снизилась у девушек, а у юношей осталась на том же уровне. Обсуждая полученные результаты в целом, авторы говорят о том, у молодежи 90-х доминируют индивидуалистические ценности, в отличие от юношей и девушек 50-х и 60-х, которым были присущи ценности коллективистского характера [цит. по 180, с. 81–82]. Кроме того, в современной семье в отношении семейных ценностей наблюдается две тенденции. Первая – поляризация ценностных ориентаций среди членов семьи – детей и родителей. Вторая – деформация семейных ценностей и появление отличных от традиционно сложившихся целей, идеалов, убеждений и ожиданий членов семьи. Каждая из этих тенденций оказывает дестабилизирующее воздействие на психологическое здоровье семьи [244, с. 123].

Интенсивное развитие в подростковом и юношеском возрасте получает такой феномен психического мира человека, как идеал. Идеал – это не обязательно какая-либо конкретная личность, это может быть и обобщенный образ желаемых человеческих черт. В юношеском возрасте идеал воплощает в себе определенную систему требований молодого человека, как к самому себе, так и к окружающим его людям, к партнерам по взаимодействию [29, с. 405]. По мнению Б.В. Кайгородова, идеал для подростка выступает общим смыслообразующим устремлением личности растущего человека [цит. по 180]. Именно в юности они становятся ориентирами в практической деятельности, хотя, как замечает И.С. Кон, для идеалов юности свойственны элементы иллюзорности [130, с. 175].

Формирование эталонов мужественности и женственности начинается с первых дней жизни ребенка. Однако наиболее интенсивно оно осуществляется именно в юношеском возрасте, когда усвоенное на предшествую-

ших стадиях начинает проверяться и уточняться в ходе интенсивного общения с лицами противоположного пола [9, с. 37].

По мысли В.Л. Ситникова, в основе психологического механизма социализации лежит система образов: «образов-эталонов», «образов-отражений», «образы-ориентиры», и «образов-идей» мужчин и женщин разного возраста, а также «образов маскулинное/фемининное-Я». Их взаимодействие организует и процесс идентификации, и социальные подкрепления, и осознание половой социальной роли, и социальные ожидания. Кроме того, все эти образы выполняют ориентировочно-корректировочную функцию, в результате которой происходит закрепление наиболее адекватных черт и линий поведения, а «образы-эталоны», создавая систему гендерных приоритетов, несут ценностно-мотивационную функцию [204, с. 115].

В юности формирование идеальных представлений о мужественности и женственности – значимая для них сфера взаимоотношений с ровесниками противоположного пола. Она включает актуальные потребности, связанные с сексуальным развитием, осознание себя в качестве человека определенного пола» [252, с. 90]. При этом, практически единственной сферой жизнедеятельности, в которой формируются представления подростков об образах мужественности и женственности, являются взаимоотношения с противоположным полом.

Согласно данным Т.И. Юферевой, девушки характеризуют мужчину как мужа и отца, выделяют его роль как помощника жены. В то же время, к сфере семейных отношений относится наибольшее число негативных характеристик мужчины. Описания юношей практически идентичны описаниям девушек, но отличаются от них отсутствием негативных характеристик. Кроме того, качества, связанные с традиционным пониманием мужественности, в представлениях старшеклассников обоего пола занимают самый высокий ранг.

Для юношей женщина выступает как жена, мать. Она должна любить мужа, воспитывать детей, быть хорошей домохозяйкой.

Описания женщин у девушек более детальны, разносторонни. Все они признают роль женщины в семье, однако, отношения девушек к этой роли неоднозначное: наряду с положительным у значительной части испытуемых имеется и отрицательное отношение к ней [там же, с. 88–89].

В.Е. Каган установил, что портрет отца в восприятии юношей высокодостоверно маскулинен, а в восприятии девушек он оказался фемининным. Портрет будущей жены у юношей по всем показателям ярко фемининен, а свой портрет как будущего мужа – столь же ярко маскулинен. В автопортретах девушек как будущих жен отрицание маскулинности преобладает над утверждением фемининности. Портрет же будущего мужа в восприятии девушек более фемининен, чем маскулинен. Таким образом, «в установках юношей муж и жена подобно отцу и матери контрастны: он – маскулинен, она – фемининна. В установках девушек муж и жена подобно

отцу и матери скорее фемининны, чем маскулинны [110, с. 58–59]. Все это, по мнению В.Е. Кагана, свидетельствует на то, что на формирование установочных знаний о поле и семье у девушек большее влияние оказывает ситуация демократизации половых и семейных ролей, тогда как у юношей скорее влияние традиционных стереотипов [там же, с. 60].

Р. Муксинов, исследуя образы родителей у 17–18-летних девушек и юношей установил, что для них мать и отец прежде сего являются воплощением доброты и хорошего отношения к детям. И хотя для большинства из них мать и отец авторитетны в равной степени, все же мать в жизни ребенка играет более значимую роль, чем отец [159, с. 132–133].

Т.В. Андреева, в исследованиях предбрачных предпочтений студенческой молодежи установила, что у юношей рассогласованы образ партнерши, с которой они хотели бы общаться, и образ будущей жены. Качества последней оказались для юношей менее определенными, что, по мнению Т.В. Андреевой, может указывать на общую неопределенность их представлений о семейном будущем. Кроме того, в ответах девушек просматривается тенденция чрезмерной требовательности как к партнеру по общению, так и к будущему супругу. Обобщая результаты своих исследований, Т.В. Андреева заключает, что для молодежи в целом «характерно расхождение качеств желаемого спутника жизни и партнера по повседневному общению, из круга которого этот спутник в общем-то и должен выбираться» [9, с. 33].

В связи с этим уместно напомнить результаты опроса 16–17-летних девушек. Им было предложено распределить по степени важности мужские и женские качества. Опрошенные девушки воспитанность в мужчине поставили на 12–13-е места, мужественность – на 10–11-е места. Среди мужских качеств на первые два места было выдвинуто уважение к женщине, но уважение к мужчине среди необходимых женских качеств получило 13–14-е места. Среди женских качеств на первые места попали гордость, сила воли, в то время как хозяйственность и аккуратность были отнесены на последние места и соседствовали с уважением к мужчине. Д.Н. Исаев и В.Е. Каган объясняют это тем, что «многие девушки и женщины жестоки, эгоистичны и грубы, а многие юноши безвольны, инфантильны, неблагородны» – то есть разрушением традиционных гендерных моделей» [109, с. 94].

Было установлено, что в 18–23 года в сознании юношества происходят существенные изменения взглядов на супружество: уменьшается значимость любви для устойчивости брака, но зато увеличивается вес взаимного уважения и верности. Иерархия факторов у юношей и девушек несколько различается, хотя общая направленность едина. Из ценностей семейной жизни, на первое место они ставят взаимное уважение, затем – доверие и взаимопонимание, а любовь – лишь на четвертом месте [56, с. 50]. К похожим выводам приходит и И.В. Дубровина с соавторами, однако, она несколько сдвигает границу возраста, в котором происходит смена идеаль-

ных представлений о семейной жизни на более реальные, в сторону его уменьшения, и относит его к 16–17 годам [223, с. 63].

Р.В. Овчарова установила, что представления о родительстве юношей отличаются от представлений девушек. Так, в представлениях девушек на первых местах фигурирует любовь, ответственность, внимание и трудности воспитания детей. В представлениях юношей на первых местах находятся проблемы обеспечения будущего для ребенка, затрат времени на воспитание и родительского авторитета. Однако испытуемые не говорят о том, какие личностные качества им придется в себе развить, как нужно работать над собой. И в этом, по мнению автора, отражается узость представлений молодежи о родительстве [166, с. 63–64].

Оценивая брачно-семейные представления современной молодежи в целом, Т.В. Андреева отмечает в них две негативные особенности: во-первых, молодые люди разделяют и противопоставляют понятия любовь и брак, воспринимая семью как помеху своим чувствам; во-вторых, брачно-семейные представления молодежи характеризует их явная потребительская нереалистичность [9, с. 32].

Необходимо отметить, что в установках многих молодых людей брак ассоциируется только с любовными отношениями и отвлеченной перспективой рождения ребенка, при этом молодые люди не подготовлены к выполнению всего комплекса функций, необходимых в семье [234, с. 85]. Так, по данным Б.И. Говако, у значительной части молодых людей отсутствуют самые элементарные знания и навыки по уходу за маленькими детьми, особенно за грудными [55, с. 135]. Мало того, многие молодые мамы не умеют ухаживать за новорожденными, не могут организовать его питание, диету, ежедневного ухода и нуждаются в помощи [215, с. 207]. А.И. Воднева, обобщая результаты исследования* готовности юношей и девушек к выполнению домашних обязанностей, пришла к выводу, что осознанная неподготовленность к семейной жизни и уходу за детьми и их воспитанию существует у двух третей опрошенных юношей и девушек [49, с. 34].

Ряд авторов [42, 49, 96, 106, 129] говорят о том, что репродуктивные установки подростков и юношей являются в основном продуктом стихийно сложившегося, неуправляемого процесса.

Заметим, что определенный опыт родительства, ценностные ориентации, образцы поведения будущие отцы и матери получают в родительской семье. Именно от усилий родительской семьи, по мысли В.А. Сысенко, во многом зависит успешность выполнения юношами и девушками будущей родительской роли. Вместе с тем, матери довольно редко разговаривают с дочерьми на темы их будущей супружеской и родительской жизни, а отцы крайне редко обсуждают эти вопросы с сыновьями [215, с. 175]. Родители практически освободили детей (особенно в городах) от участия в домашней

* Исследование проводилось в Минске и Могилеве (Республика Беларусь) в 1998 г.

работе, что еще больше усугубляет их неподготовленность к будущей семейной жизни [202, с. 37]. К.К. Баздырев приводит результаты опроса юношей и девушек 17 и 20 лет, посвященного готовности молодежи к ведению семейного хозяйства. Из 17-летних, только треть опрошенных ответила, что умеют планировать бюджет семьи и рационально вести домашнее хозяйство, среди опрошенных 20-летних юношей и девушек таковых оказалось уже около половины от всех, принявших участие в опросе [21, с. 171–172].

Как отмечает С.Н. Бурова, получение знаний о браке и семье предполагает какие-то систематические знания. Здесь имеется ввиду теоретическая подготовка, включающая усвоение упорядоченных данных, важной и необходимой информации о различных аспектах брачно-семейных отношений. Во второй половине 80-х и начале 90-х гг. в СССР преподавался курс «Этика и психология семейной жизни», который был призван дать учащимся комплекс знаний о семье и браке и теоретически подготовить их в этом направлении. По мнению С.Н. Буровой, этот курс дал многим юношам и девушкам при наличии положительного семейного опыта теоретически подготовиться к будущей самостоятельной жизни. Отсутствие этого курса в школьных программах в настоящее время негативно сказывается на уровне подготовленности молодежи к семейной жизни [42, с. 42].

Нетрудно заметить, что к вступлению в брак и рождению ребенка молодые мужчины и женщины, – будущие отцы и матери, – приходят с определенным «багажом» родительских установок, сценариев родительского поведения, представлений о себе, как о родителе, представлений о своем будущем ребенке. Все это и составляет «теоретический» уровень родительства, однако реализуется оно в реальном поведении отцов и матерей как по отношению к ребенку, так и по отношению друг к другу, как к отцу или матери своего ребенка.

Этап реализующегося родительства так же можно представить как последовательность сменяющих друг друга периодов, в течение которых в личности и поведении родителя происходят определенные изменения, являющиеся реакцией на рождение и развитие ребенка, и на его взросление. В работах отечественных и зарубежных авторов эти периоды, как правило, «привязаны» к этапам жизненного цикла семьи.

Так, А.И. Антонов выделяет пять семейных событий (заключение брака, рождение первенца, рождение последнего ребенка, отделение родителей от взрослых детей или, точнее, рождение первого внука, смерть одного и другого супругов прародителей), которые образуют следующие четыре стадии реализации родительства:

– стадия предродительства, когда супруги только готовятся стать родителями;

– стадия репродуктивного родительства, на которой появляется первый ребенок и возможно рождение второго и последующих детей. Эта стадия может быть короче или длиннее в связи с числом детей;

– стадия социализированного родительства, она связана с воспитанием детей;

– стадия прародительства, которая наступает с появлением первого внука, что превращает родителей в прародителей, в дедушку и бабушку. Это не означает прекращение стадии «социализированного родительства», и, по большому счету, она может завершиться только со смертью родителя [цит. по: 167, с. 101].

На наш взгляд, целесообразно принять такую периодизацию этапа реализующегося родительства, которая бы учитывала как возрастные особенности ребенка, его рост и взросление, так и изменения в личности родителя, в модификации его поведения по отношению к ребенку.

Эта последовательность может иметь следующий вид: период от заключения брака и ожидания ребенка до его рождения; период, начинающийся с рождения ребенка и охватывающий его дошкольное и предшкольное детство; период школьного детства ребенка; период его подростковости и юности; период взрослости ребенка, создания им своей семьи и рождение детей в ней, и переход к выполнению роли прародителя [сравни: 39, с. 40–63]*.

Рассмотрим вкратце эти основные периоды.

Период от заключения брака и до рождения первого ребенка обычно рассматривается как период «молодой семьи». Важнейшая задача этого периода заключается в том, чтобы супруги функционировали в рамках семейной системы. Теперь им необходимо установить новые отношения с расширенными семьями, при этом их роли сына и дочери должны стать вторичными, уступив место ролям мужа и жены [39, с. 40].

Формирование внутрисемейной коммуникации предполагает решение следующих задач:

– установление правил взаимодействия между супругами. Это включает в себя установление необходимой степени близости; определение того, какие жизненные области супруги разделяют друг с другом, а какие остаются исключительно их личным делом; и приемлемое для себя и партнера соотношение конвенционального (брачного) и межличностного (семейного) компонентов в поведении;

– определение границ семьи, т.е. отделение семьи от того, что в семью не входит. Границы семьи – это правила, определяющие, кто и как участвует во взаимодействии. Это гласные и негласные договоренности между членами семьи относительно того, кто и что может позволить делать в семье и вне ее [167, с. 131–135].

Уже в период беременности оба родителя должны внести в свою жизнь существенные коррективы. Нередко роль родителя принимается под давлением культуры, так как родительство требует существенных ограни-

* Заметим, что данная периодизация возможна в связи с переходом к «массовой однодетности».

чений в личной жизни. Сюда относятся изменения режима дня, перераспределение домашних обязанностей, денежных трат с учетом потребностей будущей матери и ребенка, подготовка дома к появлению младенца и другие [там же, с. 152].

Появление ребенка на свет следует рассматривать как период нормативного семейного кризиса, так как включение в семью еще одного члена делает невозможным существование семейной системы в прежнем виде, требует значительной ее перестройки, а именно, перераспределения взаимоотношений между супругами, освоения новых внутрисемейных ролей и установления новых межличностных отношений [9, с. 70]. С рождением ребенка пара автоматически формирует «треугольник» отношений. Приспособление к роли родителя является главной задачей в период взрослости, которая особенно сложна при появлении первого ребенка [137, с. 192]. Процесс принятия ребенка в семью может происходить в следующей последовательности: прежде формируются связи в системе «мать – ребенок», а затем женщина помогает отцу включиться в процесс общения с ребенком. В отношениях с ребенком супруги осваивают материнскую и отцовскую роль, формируя собственную родительскую позицию. Далее на этой основе выстраивается новая система внутрисемейных отношений, отличная от той, которая существовала до зачатия ребенка [167, с. 153]. Становление родительства – тонкий, интимный и личностный процесс. Оно может быть затруднено и даже нарушено. Среди множества факторов, затрудняющих этот процесс – психическое или соматическое нездоровье родителей, мотивационная, когнитивная, поведенческая неготовность матери и отца к осуществлению родительской роли, личностные особенности, нарушения внутрисемейной коммуникации, приоритет других ценностей над родительскими [182, с. 95]. Родительство предполагает существенные перемены в Я-образе личности, в критериях самооценивания [183, с. 454]. Изменения касаются самоидентичности личности, имеет место перераспределение ролей в супружеских отношениях и в отношениях старшего поколения, меняется личный статус человека вне семьи. Степень эффективности таких личностных преобразований зависит от самооценки родителей: те, у кого она выше, приспособляются лучше [137, с. 708].

Независимо от своей готовности к принятию ребенка пара сразу же сталкивается с потребностью новорожденного в привязанности. В первый год жизни основная, связанная с развитием, потребность ребенка (помимо потребности в жизнеобеспечении) – это сформировать привязанность хотя бы к одному из членов семьи [37, с. 6]. Привязанности ребенка могут меняться на протяжении первых шести месяцев его жизни, однако обычно она формируется к тем взрослым, которые незамедлительно реагируют на эмоциональные потребности детей, так или иначе взаимодействуют с ним. Обычно это мать (именно она большую часть времени ухаживает за младенцем), но у детей развивается привязанность и к отцу [39, с. 45]. Более того,

ребенок скорее привяжется к внимательному отцу, чем к невнимательной матери, несмотря на более продолжительный контакт с ней [137, с. 323].

По мере роста ребенка родители устанавливают определенные правила, призванные обеспечить его безопасность, при этом, не замедляя его роста. Задачами развития родительства здесь выступает способность установить баланс между ограничениями и свободой, причем по мере взросления ребенка требования к нему должны постепенно меняться [39, с. 45].

Самые главные достижения в психическом развитии в раннем детстве связаны с освоением социальных функций и способов действий с предметами. Взрослый выступает как субъект ситуативно-делового общения, сотрудничества, как образец для подражания, контролер, а также, как источник эмоциональной поддержки. На втором году жизни возникают новые виды деятельности ребенка – игровая, продуктивная. Родитель может помочь зарождению игры, проявляя живой интерес к играм ребенка. Второй-третий годы жизни ребенка – сензитивный период для речевого развития. При этом родители должны создать благоприятные условия для понимания чужой речи и формирования собственной активной речи ребенка [182, с. 101].

Уже в дошкольном возрасте многие современные родители ориентируются на подготовку ребенка к школе. Но только с поступлением ребенка в школу (или в дошкольное учреждение) семья начинает испытывать давление со стороны внешних систем – соседей и школы. Возникает необходимость установить новые правила, которые позволят контактировать с внесемейным окружением для того, чтобы ребенок приобрел собственный опыт завязывания отношений [39, 47]. При этом важно избежать излишней центрированности семьи только на школьном аспекте жизни ребенка, не сводить свое отношение к нему преимущественно с точки зрения его школьных успехов, сохранить и поддерживать чувство безусловной любви и принятия [182, с. 104].

Следующий период развития родительства связан с достижением ребенком половой зрелости. Он продолжается вплоть до его ухода из семьи.

С наступлением подростковой стадии правила и роли в семье вновь изменяются. Родители учатся предоставлять подростку большую свободу и автономию. Они уже не обладают всей полнотой власти и должны считаться со все возрастающей компетентностью ребенка [137, с. 573].

На этом этапе супружеские отношения вновь нуждаются в переоценке, ибо само взросление ребенка как бы «запускает» в семейной системе процессы, направленные на поддержание прежней семейной организации, это связано с тем, что подросток бросает вызов семейным правилам, регламентирующим его личную жизнь и устанавливающим границы его личной ответственности, а также рамки родительского контроля. Ключевой задачей родителей в этот период является обеспечение сепарации и индивидуации ребенка, через перестройку всех отношений с ним [39, с. 49]. Важной задачей родителей в период юности ребенка и, особенно второго

периода, – поздней юности, является, на наш взгляд, принятие его сексуальности, устанавливающихся отношений с противоположным полом. Сюда входит не только обеспечение его аутентичной и своевременной информацией по вопросам половой жизни и сексуальности, но и принятие его межличностного выбора в гетеросексуальных отношениях. В любом случае, оценка этого выбора не должна быть основана на личных желаниях и предпочтениях родителей, но учитывать желания (пусть и несовершеннолетние) и предпочтения ребенка.

Кроме того, этот период – время, когда родители должны перестроить свои отношения с прародителями. Они должны быть готовы принять на себя выполнение тех функций по отношению к расширенной семье, которые раньше выполняла прародительская семья. Связь со стареющими родителями включает в себя регулярное общение, обмен взаимопомощью. В этих новых условиях родители должны помочь ребенку найти и занять новую позицию в отношениях со стареющими бабушками и дедушками [167, с. 187]. Это период некоторого дистанцирования молодежи от родителей, однако взрослеющие дети по-прежнему остро нуждаются в контакте со взрослыми, поэтому особо настоятельной становится задача построения неформальных, нерегламентированных, доверительных отношений. Все это происходит на фоне того, что отношения родитель – ребенок постепенно теряют свой иерархический характер, становятся взаимодействием между взрослыми равными людьми [182, с. 107].

Семью, в основном выполнившую свою родительскую функцию, часто называют «опустевшим гнездом». Этот этап начинается с уходом из дома последнего ребенка; он может протекать вполне гладко, если паре удалось дать детям и автономию, и близость. [39, с. 53]. Супружество детей и рождения у них первенца приводит стареющих родителей к освоению новой семейной роли, – роли бабушки или дедушки. Обычно он сопровождается перестройкой сложившейся иерархии отношений, поиском гармонии возникшей социальной роли и уже имеющихся ролей, которые часто противоречат друг другу. Освоение прародительского статуса требует выработки новой внутренней личностной позиции, при этом, оптимальная готовность бабушек и дедушек состоит в осознании своей собственной особой роли [182, с. 114].

Становление мужчины и женщины в качестве родителя связано с процессом изменения их ценностных ориентаций: с возрастом на смену романтически окрашенным ценностям приходят более практичные. Так, если у мужчин 20–23 года на первом месте стоит творчество и работа, то в 30–33 года – семья, здоровье и материальная обеспеченность. Для женщин 20–23 лет характерна ценностная ориентация на любовь и создание семьи, а для 30–33 летних – семья, уверенность в себе и творчество [183, с. 438–439]. Таким образом, становление родительства предполагает, что человек начинает реальнее смотреть на жизнь, жить настоящими событиями и достижениями.

Р.В. Овчарова, исследуя феномен родительской любви, установила, что сущность этого явления формируется в процессе индивидуального развития родителя. В результате проведенных ею исследований была подтверждена гипотеза о динамике представлений о родительской любви в зависимости от пола и возраста родителя. Так, было установлено, что представления о родительской любви у женщин носят относительно статичный характер, а фактор возраста не оказывает на них достаточно сильного влияния. Представления отцов о родительской любви, напротив, со временем становятся все более эмоционально насыщенными. Хотя при этом может сохраняться авторитетная дистанция с ребенком, однако чувство любви к нему после 35 лет носит все более снисходительный характер [166, с. 93–95].

Е.О. Смирнова и М.В. Быкова, исследуя структуру и динамику родительского отношения, пришли к заключению, что оно находится в постоянном изменении в связи с возрастом ребенка. Согласно указанным авторам, сама сущность родительской заботы предполагает любовь к растущему ребенку. Здесь, по мысли авторов, родительское отношение переживает самый существенный кризис: с одной стороны, родитель стремится сохранить свою связь с ребенком, максимально уберечь его от опасностей, с другой – он должен не только мириться с отделением ребенка, но и желать этого, стремиться к этому. Именно в этом и заключается «одно из сильных переживаний родительского отношения» [205, с. 7]. Экспериментально было установлено, что с возрастом ребенка снижается выраженность содействующего, ситуативного и компромиссного стилей родительского поведения. Выраженность объясняющего и автономного стилей, напротив, возрастает [там же, с. 13]. Таким образом, с возрастом ребенка родители начинают практиковать такой стиль отношения к нему, который предполагает его большую автономию.

Таким образом, родительство каждого отца и матери имеет свою «историю». Точнее сказать, – родительство, – это процесс постоянного изменения как на уровне личности, в части структуры и иерархии ценностных ориентаций, трансформации установок и ожиданий в детско-родительских отношениях, так и на уровне межличностных отношений, причем это проявляется не только в изменении форм и способов взаимодействия родителя с ребенком, но и супругов, как отца и матери, между собой.

Не для кого не секрет, что детско-родительские отношения на пороге XXI века претерпели существенные изменения. Реальность такова, что в обществе ширится убеждение о том, что оно не несет ответственности за воспитание человека, формирование системы его ценностных ориентаций. В то же время многие исследования фиксируют низкую правовую, психологическую и педагогическую культуру родителей [10, 36, 174, 175, 203]. На наш взгляд, ситуация формирования современного родительства требует определенного вмешательства со стороны компетентных служб, и, прежде всего, служб семейного консультирования, в плане организации сис-

тематического и последовательного обучения будущих родителей родительству. Необходимость этого обусловлена еще и тем, что в постиндустриальном обществе связь между поколениями в семье нарушается, поэтому передача необходимых знаний о формировании семьи и воспитании детей не может оставаться только прерогативой семьи прародительской, а должно стать одной из важных забот всего общества [237, с. 7].

Что же можно сделать уже сейчас, чтобы помочь воспитанию достойных родителей? Думается, необходимо обратиться к опыту преподавания курса «Этика и психология семейной жизни», однако, на наш взгляд, следует отказаться от узкой направленности этого курса или на формирование репродуктивных установок, или на половое просвещение, но, не исключая их, значительно восполнить курс задачами формирования практических навыков полноценного межличностного общения. Кроме того, возможности школы (как средней, так и профессиональной и высшей) в коррекции установок юношей и девушек на семью и родительство не могут быть ограничены только преподаванием. Работа с родителями – является не менее важным (хотя и более сложным) участком деятельности школы в оптимизации детско-родительских отношений и повышении стабильности семьи. Кроме того, это еще одна возможность влиять на формирование семейно-родительских установок учащихся. Целесообразно организовать в каждой школе постоянно действующие семинары для родителей, причем в них могут принимать участие и дети, другие члены семьи. Но для начала необходимо отказаться от излишней заорганизованности и заадминистрированности, формализма, который, на наш взгляд, и служит основной причиной того, что и родители, и дети избегают обращаться за консультативной помощью к специалистам учебных заведений. Но это уже другая проблема.

ВЫВОДЫ

1. Семья, являясь необходимым компонентом социальной структуры любого цивилизованного общества, представляет собой исторически-конкретную систему взаимоотношений между супругами, между родителями и детьми. Как малая социальная группа, члены которой связаны между собой родственными отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью, семья выполняет задачи воспитания молодого поколения и обеспечения личного счастья каждого ее члена; как социальный институт, за которым стоит определенная совокупность общественных потребностей, семья выполняет функцию как физического воспроизводства населения, так и воспроизводства определенного образа жизни.

2. Супружеский союз мужчины и женщины является «ядром» семьи, но создают ее отношения «мать – ребенок» и «отец – ребенок», что с необходимостью предполагает и отношения «мать – отец». Таким образом, семья

представляет собой систему социальных ролей, которые разделяются на супружеские и детско-родительские. При этом носители этих семейных ролей выступают как два противоположных пола, – мужской и женский, – в связи с чем, в основании семейных ролей лежит половая дифференциация и сформированные на ее основе половые роли. Пол представляет собой совокупность морфологических и физиологических особенностей организма, обеспечивающих половое размножение, при этом культура выступает в качестве организационного начала того поведения, которое обозначается как мужское и женское. В связи с чем, социальное понимание мужественности и женственности, выступая далеко за рамки биологически заданных различий, воплощается в гендерных ролях, которые представляют собой социальные нормы, определяющие должное для каждого пола поведение. Хотя система гендерных ролей и является универсальной, данные современной науки не позволяют однозначно решить вопрос о соотношении биологического (природного) и социального (надприродного) в их основании.

3. Супруги в браке выступают друг по отношению к другу как мужчина и женщина, как муж и жена и как отец и мать рожденных ими детей. При этом они реализуют как свои биологические различия, – участвуя различным образом в рождении ребенка, – так и социальные предписания, предписывающие матери и отцу разные типы поведения по отношению к детям. Таким образом, отцовство и материнство в функциональном плане выступают как два различных, как по своим последствиям для ребенка, так и по формам взаимодействия с ним, предписываемых, поощряемых и контролируемых обществом, социальных института.

4. Родительство реализует свои функции не только как средство удовлетворения общественных потребностей, но и как удовлетворение потребностей индивидуальных, личностных. Как устойчивое социально-психологическое образование в личности, потребность в родительстве имеет сложный характер, включает в себя элементы как общественного, так и индивидуального планов. За время существования человека эта потребность подверглась качественному преобразованию: если в начале она была близка к простому инстинкту сохранения вида, то, по мере «взросления человечества», она приобретает социальный характер. При этом природа соотношения природных и социальных мотивов в ее выражении, – родительской любви, – не может быть однозначно решена.

5. Хотя родительство имеет корни в генетической природной связи между родителем и ребенком, однако, это особый тип специфически человеческого поведения, представляющего собой сплав биологического и социального. При этом, оно определяется в основном двумя мотивами: родительской любовью и социальным долгом. На уровне личности родительство представлено системой социальных установок разного уровня обобщения и конкретизации. Они представляют собой предрасположенность к восприятию условий деятельности, основанную как на предшествующем

этой деятельности опыте, так и учитывающей актуальные условия и возможности ее осуществления.

6. Наиболее доступным для наблюдения компонентом родительства является стиль родительского отношения, который проявляется как реальное поведение конкретного родителя по отношению к конкретному ребенку. Причем отношения «ребенок – родитель» носят гендерный характер.

7. Детско-родительские отношения реализуются в контексте отношений социальных; характер их функционирования изменяется в месте с изменениями общественных формаций, этапами развития социальной системы. Так, если на заре человечества родительское отношение описывалось в категориях долга, то современные детско-родительские отношения строятся на основе личного эмоционального принятия ребенка родителем и удовлетворяют эмоционально-психологические потребности личности родителя, хотя и имеют свое происхождение в социально одобряемой и поощряемой ответственности родителя за рожденных им детей. При этом изменение детско-родительских отношений в XX веке происходит на фоне широкого и масштабного включения женщин в общественное производство, достижения ими реального равенства с мужчинами, что неминуемо приводит к изменению гендерной стратификации общества и уточнению гендерных стандартов – социальных ролей мужчины и женщины.

8. Родительство, являясь базовым предназначением каждого мужчины и женщины, имеет, вместе с тем, в каждом конкретном случае свою онтогенетическую историю. Освоение родительской роли включено в процесс социализации личности; оно связано, так же, с обретением личностью гендерной идентичности.

9. В онтогенезе формирование родительства представлено двумя большими этапами. На этапе его потенциального бытия родительство выступает как возможность. Здесь нет факта родительства, но есть его образно сконструированное содержание. При этом, наиболее важным возрастным периодом формирования родительства является период полового созревания потенциального родителя. Родительство как система отношений реализуется с рождением ребенка, – это этап реализующегося родительства, теперь его становление и раскрытие связано с развитием и взрослением ребенка.

10. Особенности формирования современного родительства связаны не только с изменениями системы гендерной стратификации общества, но и многими негативными явлениями в развитии брачно-семейных отношений. В связи с этим, воспитание будущих родителей требует и предполагает помощь со стороны общества в формировании у юношей и девушек установок репродуктивного и родительского поведения, а также в оптимизации детско-родительских отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адлер А. Воспитание детей. Взаимодействие полов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 413 с.
2. Айзенк Г.Ю. Язык счастья. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – 312 с.
3. Акивис Д.С. Отцовская любовь. – М.: Профиздат, 1989. – 208 с.
4. Акопов Г.В. Социальная психология образования. – М.: Флинта, 2000. – 296 с.
5. Алешина Ю.Г., Волович А.С. Проблемы усвоения ролей мужчины и женщины // Вопросы психологии, 1991, № 4. – С. 74–82.
6. Ананьев Б.Г. К постановке проблемы развития детского самосознания // Психология развития / Сост. и общ. ред. авт. коллектив каф. психологии развития и дифференциальной психологии СПбГУ. – СПб.: Питер, 2001. – С. 177–214.
7. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. – СПб.: Питер, 2001. – 288 с.
8. Андреева Г.М. Социальная психология. – М.: Изд.-во МГУ, 1980. – 416 с.
9. Андреева Т.В. Семейная психология: Учеб. пособие. – СПб.: Речь, 2004. – 244 с.
10. Антонов А.И. Кризис семьи и родительство // Проблемы родительства и планирования семьи. – М.: Институт социологии РАН, 1992. – С. 11 – 27.
11. Антонов А. И. Социология рождаемости: Теоретические и методологические проблемы. – М.: Статистика, 1980. – 271 с.
12. Антонов А.И. Социологический подход к изучению взаимоотношений в семье // Психология семьи: Хрестоматия. [Ред.-сост. Д.Я. Райгородский]. – Самара: БАХРАХ-М, 2002. – С. 401–419.
13. Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи: Учеб. пособие для студ. вузов, обуч. по направл. и спец. «Социология». – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 304 с.
14. Аристова Н.Г. Социализация подрастающего поколения и семья // Семья и социальная структура. – М.: Институт социологических исследований АН СССР, 1987. – С. 106–121.
15. Арутюнян М.Ю. Педагогический потенциал семьи и проблема инфантилизма молодежи // Отец в современной семье [Отв. ред. Н.Я. Соловьев]. – Вильнюс: ИФСП АН Лит. ССР. – 1988. – С. 27–31.
16. Арутюнян М.Ю. Распределение обязанностей в семье и отношения между супругами // Семья и социальная структура [Отв. ред. М.С. Мацковский]. – М.: Институт социологических исследований АН СССР, 1987. – С. 53–70.
17. Архангельский В.Н., Дудченко О.Н и др. Судьба семьи – судьба человечества // Проблемы родительства и планирования семьи [Отв. ред. А.И. Антонов]. – М.: Институт социологии РАН, 1992. – С. 28–58.
18. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. – Екатеринбург: Изд-во УГУ, 1999. – 415 с.
19. Асеев В.Г. Мотивация поведения и формирования личности. – М.: Мысль, 1976. – 158 с.

20. Афанасьев В.Г. Системность и общество. – М.: Изд.-во политич. лит.-ры, 1980. – 368 с.
21. Баздырев К.К. Как быть счастливым в браке. – М.: Мысль, 1987. – 222 с.
22. Баранник О.С. Влияние семьи на формирование тревожности у дошкольников // Ананьевские чтения – 99: Тезисы научно-практической конференции. – СПб., 1999. – С. 176 – 177.
23. Белова В.А. Число детей в семье. – М.: Статистика, 1975. – 175 с.
24. Белова В.А., Дарский Л.Е. Статистика мнений в изучении рождаемости. – М.: Статистика, 1972. – 144 с.
25. Бендас Т.В. Гендерная психология: Учебное пособие. – СПб.: Питер, 2005. – 431 с.
26. Берн Ш. Гендерная психология. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК; М.: ОЛМА-Пресс, 2001. – 318 с.
27. Бергер Б. Нуклеарная семья как первооснова цивилизации в исторической перспективе // Вестник МГУ. Серия 18. Социология и политология, 2003, № 3. – С. 93–100.
28. Битянова М.Р. Социальная психология. Наука, практика и образ мыслей. Учебное пособие. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 561 с.
29. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. – М.: Просвещение, 1968. – 464 с.
30. Божович Л.И. Проблемы формирования личности. – М.: Изд-во Московского психолого-социального института, 2001. – 352 с.
31. Бойко В.В. Малодетная семья: социально-психологический аспект. – М.: Мысль, 1988. – 237 с.
32. Бойко В.В. О посреднической роли детей в жизнедеятельности отцов // Отец в современной семье [Отв. ред. Н.Я. Соловьев]. – Вильнюс: ИФСП АН Лит. ССР. – 1988. – С. 33–46
33. Большой толковый психологический словарь. В 2 т. Т. 1: (А-О) / Авт.-сост. А. Ребер. – М.: Вече – АСТ, 2000. – 592 с.
34. Большой толковый социологический словарь (Collins). В 2 т. Том 1 (А – О) / Пер. с англ. – М.: Вече – АСТ, 2001. – 544 с.
35. Борисов В.А. Перспективы рождаемости. – М.: Статистика, 1976. – 248 с.
36. Босанац М. Внебрачная семья. – М.: Прогресс, 1981. – 208 с.
37. Боулби Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей. – М.: Академический проект, 2004. – 237 с.
38. Бочаров В.В. Антропология возраста: Учебное пособие. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. – 192 с.
39. Браун Дж., Кристенсен Д. Теория и практика семейной психотерапии. – СПб.: Питер, 2001. – 351 с.
40. Брутман В.И., Панкратова М.Г., Ениколопов С.Н. Некоторые результаты обследования женщин, отказавшихся от своих новорожденных // Вопросы психологии, 1994, № 5. – С. 31–36.

41. Бубнова С.С. Ценностные ориентации личности как многомерная нелинейная система // Психологический журнал, 1999, т. 20, № 5. – С. 38–44.
42. Бурова С.Н. Гендерные аспекты подготовки молодежи к браку и семейной жизни // Социология [Минск], 2000, № 4. – С. 37–45.
43. Бурова С.Н. Совершенствование взаимоотношений в семье как основной фактор воспитания // Психолого-педагогические проблемы семейного воспитания. Часть 1. – Могилев: МГГПУ им. А. Кулешова, 1985. – С. 41–43.
44. Васильева Э.К. Семья и ее функции: Демографо-статистический анализ. – М.: Статистика, 1975. – 181 с.
45. Визгина А.В., Пантилеев С.Р. Проявление личностных особенностей в самоописаниях мужчин и женщин // Вопросы психологии, 2001, № 3. – С. 91–100.
46. Винникот Д.В. Разговор с родителями. – М.: Независимая фирма «Класс», 1994. – 112 с.
47. Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество: История, современность, взгляд в будущее. – М.: Финансы и статистика, 1982. – 287 с.
48. Волков А.Г. Семья – объект демографии. – М.: Мысль, 1986. – 269 с.
49. Воднева А.И. Молодежь о браке и семье: идеалы, иллюзии, реальность // Адукацыя і выхаванне [Минск], 2000, 4. – С. 31–36.
50. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 6. / Под ред. М.Г. Ярошевского. – М.: Педагогика, 1984. – 400 с.
51. Гаврилюк В.В. Маскулинность в социализации городских подростков // Социологические исследования, 2004, № 4. – С. 98–104.
52. Гарбузов В.И. Неврозы у детей и их лечение. – Л.: Медицина, Ленинградское отд-ние, 1977. – 272 с.
53. Герасимова И.А. Структура семьи. – М.: Статистика, 1976. – 168 с.
54. Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. – СПб.: Питер, 2004. – 208 с.
55. Говако Б.И. Студенческая семья / Редкол.: Э.К. Васильева (пред.) и др. – М.: Мысль, 1988. – 158 с.
56. Голод С.И. Социально-психологические и нравственные ценности семьи // Молодая семья [Сб. статей] / М-во высш. и сред. спец. образования СССР, Науч.-технич. совет, Секция народонаселения [Ред. коллегия: Д.И. Валентей (гл. редактор) и др.]. – М.: Статистика, 1977. – С. 47–56.
57. Голод С.И. Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты / Под ред. Г.М. Романенковой. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1984, – 136 с.
58. Горбатенкова Л.М. Отец и семья. – Мн.: Полымя, 1993. – 127 с.
59. Гордон Т. Р.Е.Т. Повышение родительской эффективности // Фромм А., Гордон Т. Популярная педагогика. – Екатеринбург: АртЛтд., 1997. – С. 321–607.
60. Гребенников И.В. Основы семейной жизни. – М.: Просвещение, 1991, – 157 с.

61. Громько М.М. Мир русской деревни. – М.: Молодая гвардия. – 1991. – 447 с.
62. Гуд У. Социология семьи // Социология сегодня. Проблемы и перспективы. Американская буржуазная социология середины XX века. – М.: Прогресс, 1965. – С. 194–216.
63. Гудков В.М., Девярых С.Ю. Педагогическая культура родителей: результаты одного опроса // Человек в окружающем мире: духовные ценности и проблемы самореализации: Материалы международного научного симпозиума. – Витебск: Изд-во ВГУ, 2003. – С. 157–160.
64. Гурко Т.А. Вариативность представлений в сфере родительства // Социологические исследования, 2000, № 11. – С. 90–97.
65. Гурко Т.А. Родительство в изменяющихся социокультурных условиях // Социологические исследования, 2004, № 9. – С. 85–90.
66. Дарский Л.Е. Формирование семьи: Демографо-статистическое исследование. – М.: Статистика, 1972. – 208 с.
67. Данич О.В., Девярых С.Ю. Введение в социологию образования и воспитания: Информационно-методические материалы к спецкурсу «Социология образования и воспитания». – Витебск: Изд-во ВГУ, 2005. – 40 с.
68. Девярых С.Ю. Взаимоотношения в семье как фактор становления социальной направленности личности по А. Адлеру // Человек в окружающем мире: духовные ценности и проблемы самореализации: Материалы международного научного симпозиума. – Витебск: Изд-во ВГУ, 2003. – С. 96–99.
69. Девярых С.Ю. Воспитание в семье как фактор преодоления социальной напряженности между полами по А. Адлеру // Личность – Слово – Социум: Материалы 3-й Международной научно-практич. конференции. В 3 ч. Ч. 1. – Мн.: Изд. ИСЗ, 2003. – С. 73–75.
70. Девярых С.Ю. К вопросу об источниках представлений юношей и девушек об идеальных родителях // Актуальные проблемы гармонизации социально-трудовых отношений: Материалы шестой международ. научно-практич. конференции. – Витебск: Изд. МИТСО, Витебский фил., 2003. – С. 29–33.
71. Девярых С.Ю. К вопросу о состоянии педагогической культуры родителей // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава, 2003, № 4(30). – С. 34–39.
72. Девярых С.Ю. Компетентные родители – залог здорового общества // Восточнославянские страны в эпоху глобализации: выбор путей развития. Материалы международ. научной конференции. – Гродно: Изд. ГрГУ им. Я. Купалы, 2003. – С. 473–476.
73. Девярых С.Ю. Образ семьи в оценочных эталонах юношей и девушек // Вестник Витебского государственного медицинского университета, 2003, том 2, № 4. – С. 112–115.
74. Девярых С.Ю. Оценочные эталоны матери в юношеском возрасте // История и культура Европы в контексте становления и развития региональных

- цивилизаций и культур: актуальные проблемы из исторического прошлого и настоящего: Материалы международ. научно-теоретич. конференции. – Витебск: Изд-во ВГУ им. П.М. Машерова, 2003. – С. 365–267.
75. Девярых С.Ю. Оценочные эталоны отца у юношей и девушек // Актуальные проблемы гармонизации социально-трудовых отношений: Материалы шестой международной научно-практич. конференции. – Витебск: Изд. МИТСО, Витебский фил., 2003. – С. 33–37.
76. Девярых С.Ю. Школа как фактор формирования установок на родительство у старшеклассников // Новые технологии в современном процессе обучения: Материалы I Республиканской научно-практической конференции. – Новополоцк: Изд-во ПГУ, 2003. – С. 42–43.
77. Девярых С.Ю. Гендерные идеалы в юношеском возрасте // Наука и образование в условиях социально-экономической трансформации общества. Сб. ст. VII Международной научно-методич. конференции. Часть 1. – Брест: Изд. С.Б. Лавров, 2004. – С. 72–75.
78. Девярых С.Ю. Взаимоотношения с родителями и становление личности ребенка: прочтение Фрейда в психоанализе Э. Фромма и К. Хорни // Психология личности: новые подходы в исследовании: Сб. науч. статей [Под общ. ред. С.Л. Богомаза]. – Витебск: Изд-во ВГУ, 2004. – С. 72–77.
79. Девярых С.Ю. Идеалы мужа и жены в юношеском возрасте: прогноз супружеских отношений // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава, 2004, № 4(34). – С. 45–49.
80. Девярых С.Ю. Нужно ли учить родительство со школьной скамьи? // Пачатковае навучанне: сям'я, дзіцячы сад, школа [Минск], 2004, № 2. – С. 41–43.
81. Девярых С.Ю. Образы-идеалы матери и отца как обобщенная система установок на родительство в юношеском возрасте // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава, 2004, № 1(31). – С. 11–17.
82. Девярых С.Ю. Представления о родительстве в юношеском возрасте // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта, 2004, № 2(38). – С. 50–55.
83. Девярых С.Ю. Современная семья в оценочных эталонах юношей и девушек // Человек в окружающем мире: сущность и проблемы глобализации: Сб. ст. по материалам международ. научного семинара. – Витебск: Изд.-во ВГУ им. П.М. Машерова, 2004. – С. 136–141.
84. Девярых С.Ю. Скажи мне, как меня зовут... (Имя ребенка в детско-родительских отношениях) // Личность – слово – социум: Материалы 4-й Международной научно-практич. конференции, 14–16 апреля 2004 г., Минск / Отв. ред. В.В. Фалалеев. – Мн: Изд. ИСЗ, 2004. – С. 239–241.
85. Девярых С.Ю. Юноши и девушки как будущие отцы и матери // Социально-психологические проблемы ментальности: Шестая международ. научно-практич. конференция. Ч. 1. – Смоленск: Изд. СГПУ, 2004. – С. 140–145.

86. Девярых С.Ю., Крупский В.В. Особенности гендерных идеалов воспитанников ВТК // Личность – слово – социум: Материалы 4-й Международной научно-практич. конференции, 14–16 апреля 2004 г., Минск / Отв. ред. В.В. Фалалеев. – Мн: Изд. ИСЗ, 2004. – С. 241–244.
87. Девярых С.Ю., Крупский В.В. Особенности идеалов матери и отца у воспитанников ВТК // Актуальные проблемы государства и права Беларуси: Материалы Республиканской научно-практич. конференции. – Витебск: Изд-во ВГУ, 2005. – С. 23–25.
88. Демоз Ллойд. Психоистория. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. – 512 с.
89. Джеймс М. Брак и любовь. – М.: Прогресс, 1985 – 191 с.
90. Домострой // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. – М.: Художественная литература, 1985. – С. 85–93.
91. Дружинин В.Н. Психология семьи. – Екатеринбург: Деловая книга, 2000. – 199 с.
92. Дубровина И.В., Круглов Б.С. Психологические аспекты формирования ценностных ориентаций и интересов учащихся // Ценностные ориентации и интересы школьников. – М.: Просвещение, 1983. – С. 27–36.
93. Елизаров А.Н. К проблеме основного интерпретирующего фактора семьи // Вестник МГУ. Сер. 1. Психология, 1996, № 1. – С. 42–49.
94. Жирнова Г.В. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем. – М.: Наука, 1980. – 150 с.
95. Жуков Ю.М. Ценности как детерминанты принятия решения. Социально-психологический подход к проблеме // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. – М.: Наука, 1976. – С. 254–277.
96. Журавлева И.В. Репродуктивное здоровье подростков и проблемы полового просвещения // Социологические исследования, 2004, № 7. – С. 133–142.
97. Захаров А.И. Ребенок до рождения и психотерапия последствий психических травм. – СПб.: Союз, 1998. – 144 с.
98. Захаров А.И. Психологические особенности восприятия детьми роли родителей // Вопросы психологии, 1982, № 1. – С. 59–68.
99. Захаров А.И. Происхождение детских неврозов и психотерапия. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. – 448 с.
100. Здравомыслов А.Г. Потребности. Ценности. Интересы. – М.: Изд.-во политич. лит.-ры, 1986. – 233 с.
101. Здравомыслова О.М. Цикл развития семьи: исследования и проблемы // Психология семьи: Хрестоматия [Ред.-сост. Д.Я. Райгородский]. – Самара: БАХРАХ-М, 2002. – С. 82–91.
102. Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVII – XIX вв.). – М.: Гуманит. издат. центр ВЛАДОС, 1997. – 302 с.
103. Зимбардо Ф., Ляйппе М. Социальное влияние. – СПб.: Питер, 2000. – 444 с.
104. Зотова О.И., Бобнева М.И. Ценностные ориентации и механизм социальной регуляции поведения // Методологические проблемы социальной психологии / Отв. ред. Е.В. Шорохова. М.: Наука, 1975. – С. 241–254.

105. Иваницкий В.Г. Русская женщина и эпоха «Домостроя» // Общественные науки и современность, 1995, № 3. – С. 161–174.
106. Ивченкова Н.П., Ефимова А.В., Аккузина О.П. Установки подростков по отношению к началу половой жизни // Вопросы психологии, 2001, № 3. – С. 49–57.
107. Ильин Е.П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. – СПб.: Питер, 2002. – 544 с.
108. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. – СПб.: Питер, 2002. – 512 с.
109. Исаев Д.Н., Каган В.Е. Половое воспитание и психогигиена пола у детей. – Л.: Медицина. Ленинградское отд., 1980. – 184 с.
110. Каган В.Е. Семейные и полоролевые установки у подростков // Вопросы психологии, 1987, № 2. – С. 54–61.
111. Казмин Н.В. Современное семейное воспитание в России // Семейное воспитание: Хрестоматия / Сост. П.А. Лебедев. – М.: ИЦ «Академия», 2001. – С. 48–66.
112. Капра Дж., Сервон Д. Психология личности. – СПб.: Питер, 2003. – 640 с.
113. Карцева Л.В. Семья в трансформирующемся обществе // Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология, 2004, № 1. – С. 65–72.
114. Каптерев П.Ф. Задачи и основы семейного воспитания // Семейное воспитание: Хрестоматия / Сост. П.А. Лебедев. – М.: ИЦ «Академия», 2001. – С. 203–230.
115. Каптерев П.Ф. Из истории нравственного развития детей // Семейное воспитание: Хрестоматия / Сост. П.А. Лебедев. – М.: ИЦ «Академия», 2001. – С. 94–106.
116. Каптерев П.Ф. Родители и дети // Семейное воспитание. Хрестоматия / Сост. П.А. Лебедев. – М.: ИЦ «Академия», 2001. – С. 79–94.
117. Келли Г. Основы современной сексологии. – СПб.: Питер, 2000. – 896 с.
118. Кикалейшвили Л. Педагогические проблемы освоения подростками роли отца // Отец в современной семье (Отв. ред. Н.Я. Соловьев). – Вильнюс: ИФСП АН Лит. ССР. – 1988. – С. 104–109.
119. Кириллова Н.А. Ценностные ориентации в структуре интегральной индивидуальности старших школьников // Вопросы психологии, 2000, № 4. – С. 29–37.
120. Клейн Л.С. Другая любовь: Природа человека и гомосексуальность. – СПб.: Фолио-Пресс, 2000. – 864 с.
121. Ковалев А.Г. Психология личности. – М.: Просвещение, 1970. – 391 с.
122. Ковалев С.В. Психология современной семьи. Информационно-методические материалы к курсу «Этика и психология семейной жизни»: Кн. для учителя. – М.: Педагогика, 1988. – 207 с.
123. Козина И. Что определяет статус «кормильца» семьи? // Социологические исследования, 2000, № 11. – С. 83–90.
124. Колесов Д.В. Биология и психология пола. – М.: Московский психолого-социальный институт: Изд-во «Флинта», 2000. – 175 с.

125. Колесов Д.В. Введение в общую психологию. Учебное пособие. – М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во МОДЭК, 2002. – 736 с.
126. Коломинский Я.Л., Мелтсас М.Х. Ролевая дифференциация пола у дошкольников // Вопросы психологии, 1985, № 3. – С. 165–171.
127. Кон И.С. Введение в сексологию. – М.: Медицина, 1988. – 320 с.
128. Кон И.С. Дружба. – М.: Изд-во политич. лит-ры, 1987. – 350 с.
129. Кон И.С. Подростковая сексуальность на пороге XXI века. – Дубна: «Феникс +», 2001. – 208 с.
130. Кон И.С. Психология старшеклассника: Пособие для учителей. – М.: Просвещение, – 192 с.
131. Кон И.С. Ребенок и общество: Историко-этнографическая перспектива / АН СССР Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 1988. – 269 с.
132. Кон И.С. Ребенок и общество: Учебное пособие. – М.: Гуманит. издат. центр ВЛАДОС, 2003. – 336 с.
133. Кон И.С. Социологическая психология: Избранные психологические труды. – М.: НПО «МОДЭК», 1999. – 560 с.
134. Кон И.С. Социология личности (Над чем работают, о чем спорят философы). – М.: Политиздат, 1967. – 383 с.
135. Кони Ф. Собрание сочинений. В 8-ми т. [Под общ. ред. В.Г. Базанова и др.] Т. 4. – М.: Юридическая литература, 1967. – 542 с.
136. Конусов Ю.А. Мужчина в семье: типы поведения // Семья и социальная структура. – М.: Институт социологических исследований АН СССР, 1987. – С. 97–106.
137. Крайг Г. Психология развития. – СПб.: Питер, 2000. – 992 с.
138. Кричевский Р.Л., Дубровская Е.М. Социальная психология малой группы: Учебное пособие для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 318 с.
139. Крысько В.Г. Социальная психология: Словарь-справочник. – Мн.: Харвест – М.: АСТ, 2001. – 688 с.
140. Курильски-Овжен Ш. Русская культурная модель и эволюция нормативного регулирования семьи // Общественные науки и современность, 1995, № 5. – С. 155–168.
141. Лев-Старович С. Партнерский секс. – М.: СП «Интербук», 1990. – 284 с.
142. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. – М.: Смысл, 2001. – 511 с.
143. Либин А.В. Дифференциальная психология: На пересечении европейских, российских и американских традиций. – М.: Смысл: Per Se, 2000. – 549 с.
144. Личко А.Е. Подростковая психиатрия: Руководство для врачей. – Л.: Медицина. Ленинградское отд.-ние, 1985. – 416 с.
145. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Отв. ред. Ю.М. Забродин, Е.В. Шорохова. – М.: Наука, 1984. – 444 с.

146. Лыткина Т.С. Домашний труд и гендерное разделение власти в семье // Социологические исследования, 2004, № 9. – С. 85–90.
147. Марковская И.М. Тренинг взаимодействия родителей с детьми. – М.: Речь, 2000. – 149 с.
148. Мационис Дж. Социология. – СПб.: Питер, 2004. – 752 с.
149. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: В 30 т. – Изд. 2-е. – Том 3. – М.: Госполитиздат, 1955. – 630 с.
150. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: В 30 т. – Изд. 2-е. – Том 21. – М.: Госполитиздат, 1961. – 745 с.
151. Мацковский М.С. Социология семьи: Проблемы, теории, методология и методики. – М.: Наука, 1989. – 112 с.
152. Мид М. Культура и мир детства: Избранные произведения. – М.: Наука, 1988. – 429 с.
153. Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – перв. полов. XIX в.). [Отв. ред. М.М. Громыко]. – Новосибирск: Наука, Сибирское отд., 1979. – 350 с.
154. Миронов Б.Н. Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX – начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. Сб. статей. Под. ред. А.Г. Вишневского. – М.: Статистика, 1977. – С. 83–105.
155. Миронов Б.Н. Семья: нужно ли оглядываться в прошлое? // Психология семьи: Хрестоматия. [Ред. – сост. Д.Я. Райгородский]. – Самара: БАХ-РАХ-М, 2002. – С. 213–237.
156. Митина О.В. Женское гендерное поведение в социальном и кросс-культурном аспектах // Общественные науки и современность, 1999, № 3. – С. 179–190.
157. Митина О.В., Касперт А., Низовских Н.А. Идеология маскулинности в России: постановка проблемы и экспериментальное исследование // Общественные науки и современность, 2003, № 2. – С. 164–176.
158. Митрикас А.А. Семья как ценность: состояние и перспективы ценностного выбора в странах Европы // Социологические исследования, 2004, № 5. – С. 65–73.
159. Муксинов Р. Образ отца и матери в представлениях молодежи (опыт эмпирического исследования) // Отец в современной семье [Отв. ред. Н.Я. Соловьев]. – Вильнюс: ИФСП АН Лит. ССР. – 1988. – С. 126–132.
160. Навайтис Г. Семья в психологической консультации. – М.: Московский психолого-социальный институт – Воронеж: НПО «МОДЭК», 1999. – 224 с.
161. Надирашвили Ш.А. Понятие установки в общей и социальной психологии. – Тбилиси: Мецниереба, 1974. – 170 с.
162. Немени М. Роль внутрисемейного общения в процессе социализации подростка // Семья и социальная структура [Отв. ред. М.С. Мацковский]. – М.: ИСИ АН СССР, 1987. – С. 141–154.

163. Обуховский К. Галактика потребностей. Психология влечений человека. – СПб.: Речь, 2003. – 295 с.
164. Обуховский К. Психологическая теория строения и развития личности // Психология формирования и развития личности / Отв. ред. Л.И. Анцыферова. – М.: Наука, 1981 – С. 45–67.
165. Общая социология. Учебное пособие / Под общ. ред. А.Ф. Эфендиева. – М.: Инфра-М, 2000. – 653 с.
166. Овчарова Р. В. Психологическое сопровождение родительства. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2003. – 319 с.
167. Основы психологии семьи и семейного консультирования / Под общ. ред. Н.Н. Посысоева. – М.: Гуманит. издат. центр ВЛАДОС, 2004. – 328 с.
168. Острогорский А.Н. Семейные отношения и их воспитательное значение // Семейное воспитание: Хрестоматия / Сост. П.А. Лебедев. – М.: ИЦ «Академия», 2001. – С. 139–175.
169. Палмер Дж., Палмер Л. Эволюционная психология. Секреты поведения Homo sapiens. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. – 384 с.
170. Палуди М. Психология женщины. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. – 384 с.
171. Петровский А.В. Дети и тактика семейного воспитания. – М.: Знание, 1981. – 96 с.
172. Петровский А.В., Петровский В.А., Всегда ли правы родители? Психология воспитания. – М.: Астрель: АСТ: Ермак, 2003. – 399 с.
173. Пиз А, Пиз Б. Язык взаимоотношений: Мужчина – женщина. – М.: ЭКСМО, 2000. – 399 с.
174. Попеное Д. Как восстановить нуклеарную семью в современном обществе // Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология, 2003, № 3. – С. 101–106.
175. Попеное Д. Упадок американской семьи (1960–1990): обзор и оценка // Психология семьи: Хрестоматия [Ред.-сост. Д.Я. Райгородский]. – Самара: БХРАХ-М, 2002. – С. 153–166.
176. Попова И.М. Ценностные представления и «парадоксы» самосознания // Социологические исследования, 1984, № 4. – С. 29–36.
177. Популярная психология для родителей / Ю.Е. Алешина, О.В. Баженова, Ю.В. Басина и др.; Под ред. А.С. Спиваковской. – СПб.: Союз, 1997. – 304 с.
178. Практикум по гендерной психологии / Под ред. И.К. Клециной. – СПб.: Питер, 2003. – 478 с.
179. Психология / Под. ред. А.А. Крылова. – М.: Проспект, 2001. – 583 с.
180. Психология подростка: Полное руководство. Под ред. А.А. Реана. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. – 432 с.
181. Психология и культура / Под. ред. Д. Мацумото. – СПб.: Питер, 2003. – 718 с.
182. Психология семейных отношений с основами семейного консультирования: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Е.И. Артамонова,

- Е.В. Екжанова, Е.В. Зырянова и др. [Под ред. Е.Г. Силаевой]. – М.: Издат. центр «Академия», 2002. – 192 с.
183. Психология человека от рождения до смерти / Под общ. ред. А.А. Реана. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК; М.: ОЛМА-Пресс, 2002. – 656 с.
184. Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси. – М.: Мысль, 1989. – 286 с.
185. Рабжаева М.В. Семейная политика в России XX век: историко-социальный аспект // Общественные науки и современность, 2004, № 2. – С. 166–176.
186. Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста. – СПб.: Питер, 2000. – 624 с.
187. Райх В. Сексуальная революция. – СПб. – М.: Университетская книга: АСТ, 1997. – 352 с.
188. Рапопорт Р., Рапопорт Р. Отношение мужей к профессиональной деятельности жен // Изменение положения женщины и семья / Отв. ред. А.Г. Харчев. – М.: Наука, 1977. – С. 187–196.
189. Рассадина Т.А. Традиционные ценности: к вопросу о понятии // Вестник МГУ. Серия 18. Социология и политология, 2004, № 3. – С. 80–96.
190. Раттер М. Помощь трудным детям. – М.: АПРЕЛЬ Пресс: ЭКСМО-Пресс, 1999. – 431 с.
191. Роджерс К. Становление личности. Взгляд на психотерапию. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 415 с.
192. Регуш Л.А. Психология прогнозирования: успехи в познании будущего. – СПб.: Речь, 2003. – 351 с.
193. Розинаёва Г. Супружество, материнство и отцовство. – Мн.: Полымя, 1984 – 143 с.
194. Романов Б.А. Люди и нравы древней Руси: Историко-бытовые очерки XI–XIII вв. – М. – Л.: Наука. Ленинградское отд., 1966. – 240 с.
195. Рубин Я.И. Право на счастье: О проблемах семьи и детей. – Мн.: Беларусь, 1986. – 174 с.
196. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003. – 508 с.
197. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2003. – 705 с.
198. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В.А. Ядова. – Л.: Наука, Ленинградское отд., 1979 – 264 с.
199. Сатир В. Как строить себя и свою семью. – М.: Педагогика-Пресс, 1992. – 192 с.
200. Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси – Л.: Наука, Ленинградское отд-ние, 1983. – 238 с.
201. Семенов И. Ю. Происхождение брака и семьи. – М.: Мысль, 1974. – 309 с.
202. Семья и общество. [Отв. ред. А.Г. Харчев]. – М.: Наука, 1982. – 127 с.
203. Синягина Н.Ю. Психолого-педагогическая коррекция детско-родительских отношений. – М.: Гуманит. издат. центр ВЛАДОС, 2001. – 96 с.

204. Ситников В.Л. Образ ребенка в сознании детей и взрослых. – СПб.: Химиздат, 2001. – 288 с.
205. Смирнова Е.О., Быкова М.В. Опыт исследования структуры и динамики родительского отношения // Вопросы психологии, 2000, № 3. – С. 3–14.
206. Соколова Е.Т. Самосознание и самооценка при аномалиях личности. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – 213 с.
207. Сонин В.А. Социально-психологические аспекты семьи и брака. – Смоленск, Изд. СГПУ. – 120 с.
208. Социальная психология личности [Отв. ред. М.И. Бобнева, Е.В. Шорохова]. – М.: Наука, 1979. – С. 165–183 с.
209. Социальная психология: Учебное пособие для вузов / Под ред. А.Л. Журавлева. – М.: Per Se, 2002. – 350 с.
210. Спиваковская А.С. Обоснование психологической коррекции неадекватных родительских позиций // Семья и формирование личности: Сб. науч. тр. / Под ред. А.А. Бодалева. – М.: НИИОП АПН СССР, 1981. – С. 38–45.
211. Спиваковская А.С. Психотерапия: игра, детство, семья. В 2 т. – Т. 2. – М.: Апрель-Пресс: ЭКСМО-Пресс, 1999. – 462 с.
212. Стецкевич А. Христианское воспитание в семье. – Калининград: Адальбертинум, 1998. – 128 с.
213. Стоюнин В.Я. Наша семья и ее исторические судьбы // Семейное воспитание: Хрестоматия / Сост. П.А. Лебедев. – М.: ИЦ «Академия», 2001. – С. 29–41.
214. Струнников В.А. Пол // Большая Советская Энциклопедия. – Том 20. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1975. – С. 171–174.
215. Сысенко В.А. Молодежь вступает в брак. – М.: Мысль, 1986. – 225 с.
216. Сысенко В.А. Супружеские конфликты. – М.: Мысль, 1989. – 172 с.
217. Сысенко В.А. Устойчивость брака: Проблемы, факторы, условия. – М.: Финансы и статистика, 1981. – 199 с.
218. Титаренко В.Я. Семья и формирование личности. – М.: Мысль, 1987. – 352 с.
219. Томпсон Дж., Пристли Дж. Социология. – Львов: Инициатива; М.: АСТ, 1998. – 491 с.
220. Тольц М.С. Брачность населения России в конце XIX – начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР / Сб. статей под ред. А.Г. Вишневого. – М.: Статистика, 1977. – С. 138–153.
221. Узнадзе Д.Н. Психология установки. – СПб.: Питер, 2001. – 414 с.
222. Файнбург З.И. Проблема эмоциональных факторов формирования семьи // Изменение положения женщины и семья. [Отв. ред. А.Г. Харчев]. – М.: Наука, 1977. – С. 133–138.
223. Формирование личности в переходный период: От подросткового к юношескому возрасту / [А.Д. Андреева, Н.И. Гуткина, И.В. Дубровина]

- Под. ред. И.В. Дубровиной, НИИ общ. и пед. психологии АПН СССР. – М.: Педагогика, 1987. – 184 с.
224. Формирование личности старшеклассника / [А.Д. Андреева, Н.И. Гуткина, И.В. Дубровина]. Под. ред. И.В. Дубровиной, НИИ общ. и пед. психологии АПН СССР. – М.: Просвещение, 1989. – 169 с.
225. Форсова В.В. Православные семейные ценности // Социологические исследования, 1997, № 1. – С. 64–72.
226. Фрейд А. Теория и практика детского психоанализа. В 2 т. – Т. 1. – М.: Апрель-Пресс: ЭКСМО-Пресс, 1999. – 383 с.
227. Фрейд З. Психоаналитические этюды. – М.: Изд.-во АСТ, 2004. – 219 с.
228. Фрейд З. Психология бессознательного: Сборник произведений – М.: Просвещение, 1990. – 448 с.
229. Френкин Р. Мотивация поведения. – СПб.: Питер, 2003. – 651 с.
230. Фромм Э. Душа человека. – М.: Республика, 1992. – 430 с.
231. Фромм Э. Мужчина и женщина. – М.: АСТ, 1998. – 512 с.
232. Фэйк-Хобсон К., Робинсон Б.Е., Скин П. Развитие ребенка и его отношений с окружающими. – М.: Центр общечеловеческих ценностей, 1993. – 511 с.
233. Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. – М.: Мысль, 1979. – 367 с.
234. Харчев А.Г., Мацковский М.С. Современная семья и ее проблемы (Социально-демографическое исследование). – М.: Статистика, 1978. – 224 с.
235. Харчев А.Г., Янкова З.А. Некоторые методологические положения изучения женщины и семьи // Изменение положения женщины и семьи / Отв. ред. А.Г. Харчев. – М.: Наука, 1977. – С. 6–20.
236. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. – СПб.: Питер; М.: Смысл, 2003. – 860 с.
237. Хемяляйнен Ю. Воспитание родителей: Концепции, направления и перспективы. Книга для воспитателей детского сада и родителей. – М.: Просвещение, 1993. – 112 с.
238. Хилл Ф. Современные тенденции в развитии семьи // Социальные исследования. Выпуск 4: Проблемы брака, семьи и демографии / Академия наук СССР, Институт конкретных социальных исследований, Советская социологическая ассоциация. – М.: Наука, 1970. – С. 136–152.
239. Холл К., Линдсей Г. Теории личности. – М.: Апрель-Пресс: ЭКСМО-Пресс, 2000. – 591 с.
240. Хоментausкас Г.Т. Семья глазами ребенка. – М.: Педагогика, 1989. – 154 с.
241. Шапиро Б.Ю. От знакомства к браку. – М.: Знание, 1990. – 63 с.
242. Шибутани Т. Социальная психология. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2002. – 544 с.
243. Шихирев П.Н. Социальная установка как предмет социально-психологического исследования // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. – М.: Наука, 1976. – С. 278–295.

244. Шнейдер Л.Б. Психология семейных отношений. Курс лекций. – М.: Астрель-Пресс: ЭКСМО-Пресс, 2000. – 512 с.
245. Шпиц Р. Психоанализ раннего детского возраста. – М.: Университетская книга, 2001. – 159 с.
246. Щапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в древней Руси XI–XIV вв. / АН СССР, Ин-т истории СССР. – М.: Наука, 1972. – 338 с.
247. Щапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII веков. – М.: Наука, 1989. – 228 с.
248. Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. – М.: РГГУ, 1996. – 376 с.
249. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. – СПб.: Питер, 2000. – 652 с.
250. Эриксон Э. Детство общество. – СПб.: Речь, 2000. – 416 с.
251. Эриксон Э. Идентичность, юность и кризис. – М.: Издат. группа «Прогресс», 1996. – 340 с.
252. Юферева Т.И. Образы мужчин и женщин в сознании подростков // Вопросы психологии. – 1985. – № 3. – С. 84–90.
253. Юркевич Н.Г. Советская семья: Функции и условия стабильности. – Мн.: Изд-во БГУ, 1970. – 208 с.
254. Ядов В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. – М.: Наука. 1975. – С. 98 – 105.
255. Якобсон П.М. Эмоциональная жизнь школьника (Психологический очерк). – М.: Просвещение, 1966. – 291 с.
256. Янкова А.О. Городская семья. – М.: Наука, 1979. – 184 с.
257. Янкова А., Ачильдиева Е.Ф., Лосева О.К. Мужчина и женщина в семье. – М.: Финансы и статистика, 1983. – 80 с.
258. Ясная Л.В. Соотношение семейных ролей мужчин и женщин. Влияние на социализацию детей // Проблемы родительства и планирования семьи. – М.: Институт социологии РАН, 1992. – С. 123–134.
259. Allport G. Attitude // Social Psychology: Readings a century of research. – N.-Y.: Mc Graw – Hill, 1990. – P. 31–38.
260. Baber K., Allen K. Women and Families. Feminist Reconstruction. – New York – London: The Guilford Press, 1992. – 276 p.
261. Baumrind D. The influence of parenting style on adolescent competence and substance use // Journal of Early Adolescence, – 1991, – № 11. – P. 56–95.
262. Braun-Galkowska M. Patologia i terapia postaw rodzinnych // Wykłady z psychologii w KUL w roku ac. 1984 – 85 / Red. Z. Babska, A. Biela, T. Twitkowski. – Lublin, Wyd. KUL, 1985. – S. 343 – 360.
263. Crooks R., Baur K. Our Sexuality. – Redwood City: The Benjamin / Cumming Company, Inc., 1990. – 850 p.

264. Field T. Interaction behaviors of primary vs. secondary caretaker fathers // *Developmental Psychology*, 1978, № 14(2). – P. 183–184.
265. Fromm E. *Miłość, płeć i matriarchat*. – Poznań: Dom Wydawniczy Rebis, 1999. – 223 s.
266. Maccoby E.E. Gender and relationships: a developmental account // *American psychologist*. – 1990. – Vol. 17, № 6. – P. 24 – 31.
267. Pilkewicz M. *Postawy wychowawcze dzieci i młodzieży*. – Warszawa.: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1967. – S. 238.
268. Rembowski J. *Postawy rodzicielskie w odczuciu młodzieży dorastającej* // *Rodzina i dziecko* / Red . M. Żemska. – Warszawa: Wyd. PAP, 1979. – S. 203–232.
269. Rembowski J. *Z problematyki postaw rodzicielskich* // *Psychologia Wychowawcza*, 1970, № 3. – S. 318–327.
270. Roe A. Early determinants of vocational choice // *Journal of Counseling Psychology*, 1957, № 4. – P. 212–217.
271. Scanzoni J. *Contemporary Families and Relationships*. – New York: McGraw-Hill, Inc., 1995. – 474 p.
272. Schaejer E.S. Children's reports of parental behavior as inventory // *Children development*. – Vol. 36. – P. 413 – 424.
273. Steinberg L. *Adolescence: Second Edition*. – N-Y.: McGraw Hill Publishing Company, 1991. – 468 p.
274. Zanden J. W. *Social Psychology*. – NY.: Random House, 1987. – P. 480.
275. Żemska M. *Postawy rodzicielskie i ich wpływ na osobowosc dzecka* // *Rodzina i dziecko* / Red . M. Żemska. – Warszawa: Wyd. PAP, 1979. – S. 21–79.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение	3
1. Родительство в структуре социального института семьи ..	4
2. Родительство как социально-психологическое образова- ние в личности	23
3. Отцовство и материнство в контексте социальной эволю- ции семьи	43
4. Этапы становления родительства в онтогенезе	64
Выводы	86
Литература	89